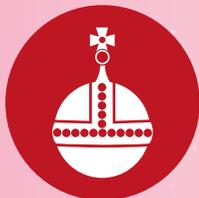

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЯ

ФИЛОЛОГИЯ

**Тема номера: «Информационные и гибридные войны»
(приглашенный редактор д. пол. н. А. В. Манойло)**

**Topic of the issue: «Information and Hybrid Wars»
(guest editor Doctor in Political Sciences A. V. Manoilo)**

3 / 2021

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 3 / 2021

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 3 / 2021

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission in the following groups of scientific
specialties:**

- 23.00.00 – Political Science (23.00.01 – Theory and Philosophy of Politics,
History and Methodology of Political Science,
23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies);
- 19.00.00 – Psychological sciences (19.00.05 – Social psychology,
19.00.07 – Pedagogical psychology);
- 10.02.00 – Philological Sciences, Linguistics (10.02.19 Language Theory).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Ширина А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд.псх.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., заведующий кафедрой теории языка и англистики (Московский государственный областной университет).

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010. Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; Moscow Region State University

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow Region State University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow Region State University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow Region State University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor of Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

SHirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science Lomonosov Moscow State University;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana N. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Triave, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatia);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia)).

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street,10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

*Ахмадеев К. Н., Бреслер М. Г., Манойло А. В.*ЭФФЕКТИВНОСТЬ FAKE NEWS КАК ИНСТРУМЕНТА ИНФОРМАЦИОННОЙ
ВОЙНЫ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОЛЕНИЯ Z. 8*Денежкина Е. В.*

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ. 33

*Евстафьев Д. Г.*ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА. 54*Зайцев А. Я.*ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
СИЛОВОЙ СТРАТЕГИИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН 72*Комлева Н. А.*

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ: «ТУРЕЦКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК» 83

*Саймонс Г.*ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА 107*Спасов А. А.*СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ 117

ПСИХОЛОГИЯ

*Крамаренко Н. С., Ефремова Д. Н.*МОДЕЛЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО СЧАСТЬЯ ПОЖИЛОГО
ЧЕЛОВЕКА 131*Петренко А. И.*К ВОПРОСУ О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЗАМЫСЛОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ОПЕРАЦИЙ. 145

Письменюк Е. С.

**СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР
ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА КОМПАНИИ 157**

Попова И. Н.

**МЕТОД СУПЕРВИЗИИ В РАБОТЕ С ПЕДАГОГАМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ
ПОДДЕРЖКУ ДЕТЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ
СИТУАЦИИ 174**

Титова О. И.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ АЛЬТРУИЗМА И ОТНОШЕНИЯ К МАТЕРИАЛЬНЫМ
И НЕМАТЕРИАЛЬНЫМ РЕСУРСАМ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ПАРТНЁРСТВЕ 194**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И.

ИНАКОСТЬ КАК ПАРАМЕТР КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 210

POLITICAL SCIENCE

K. Akhmadeev, M. Bresler, A. Manoilo

THE EFFECTIVENESS OF FAKE NEWS AS AN INFORMATION WAR TOOL
IN THE PERCEPTION BY GENERATION Z 9

E. Denezhkina

THE CONCEPT OF POWER IN THE ERA OF DIGITALISATION 34

D. Evstafiev

HYBRID WARS PLATFORM AS AN INSTRUMENT FOR GEO-ECONOMIC
TRANSFORMATION OF THE WORLD 55

A. Zaytsev

PRIVATE MILITARY COMPANIES AS A TOOL FOR IMPLEMENTING
THE POWER STRATEGY OF HYBRID WARS 73

N. Komleva

THE REBIRTH OF THE EMPIRE: "TURKISH TRIANGLE" 84

Simons G.

OPERATIONAL IMPLICATIONS AND EFFECTS OF INFORMATIONAL
AND POLITICAL DIMENSIONS OF WESTERN HYBRID WARFARE 106

A. Spasov

SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF THE ETHNOPOLITICAL CONFLICT
IN THE REPUBLIC OF NORTH MACEDONIA 118

PSYCHOLOGY

Kramarenko I., Efremova D.

THE MODEL OF EXPERIENCING SUBJECTIVE HAPPINESS IN THE ELDERLY 132

A. Petrenko

NEUTRALIZING THE INTENTIONS OF PSYCHOLOGICAL OPERATIONS 146

E. Pismenyuk

**SOCIAL IDENTITY AND VALUE STRUCTURE AS A FACTOR OF PERSONNEL
TRAINING 158**

Popova I.

**SUPERVISION METHOD IN WORKING WITH TEACHERS SUPPORTING
CHILDREN IN HARD LIFE SITUATION 175**

Titova O.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN ALTRUISM AND ATTITUDES TOWARDS
MATERIAL AND NON-MATERIAL RESOURCES IN INTERPERSONAL PARTNERSHIP.... 195**

PHILOLOGICAL SCIENCES

E. Kislyakova, S. Madzhaeva

OTHERNESS AS A PARAMETER OF COMMUNICATIVE INTERACTION 211

УДК 32.019.51

Ахмадеев К. Н., Бреслер М. Г.

Уфимский государственный нефтяной технический университет
450064, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1, Российская Федерация

Манойло А. В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
119333, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 3, Российская Федерация

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ЭФФЕКТИВНОСТЬ FAKE NEWS КАК ИНСТРУМЕНТА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОЛЕНИЯ Z

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление эффективности fake news (FN) как инструмента информационной войны для поколения Z, что позволит адаптировать инструмент в перспективе ближайшего будущего.

Процедура и методы. Для исследования избран информационно-коммуникационный метод, базирующийся на выявлении как структуры коммуникационных связей между группами и внутри групп, так и информационного содержания коммуникации, отражающей восприятие ценностей и проводимой в рамках кластерно-сетевой модели. В соответствии с целями и задачами исследования было проведено качественное и количественное изучение восприятия FN студентами вузов Уфы, Москвы и Санкт-Петербурга. В исследовании участвовали до 500 человек – учащихся бакалавриата гуманитарного, технического и естественно-научного направлений подготовки. Было проведено 10 глубинных интервью с представителями поколения Z (18–22 года).

Результаты. Выявлено, что большинство центиниалов негативно относятся к самому факту введения в заблуждение в цифровой среде. В результате анализа восприятия поколением Z содержания fake news выявлено, что чаще всего ложные новости связаны с международными отношениями и внешней политикой России. Определено, что центиниалы оценивают эффективность fake news как инструмента информационной войны как минимум в двух аспектах: во-первых, центиниалы полагают, что fake news могут быть точно направлены на определённые профессиональные структуры, конкретные институты и организации, на конкретных людей или группы людей; во-вторых, ложные новости, затрагивающие ценности широких слоёв населения, могут оказать воздействие на общественное мнение, апеллируя к которому, акторы мировой политики могут принимать определённые решения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Информация об эффективности fake news как инструмента информационной войны в восприятии поколения Z может быть использована в контексте дальнейшего изучения информационных войн как явления современности, в выработке мер противодействия деструктивным политическим технологиям, а также будет полезна политологам и политтехнологам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

fake news, фейк, информационная война, неконвенциональная война, поколение Z

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы выражают благодарность всем коллегам, оказавшим содействие в проведении настоящего исследования: магистрантке Уфимского государственного нефтяного технического университета (далее – УГНТУ) А. Ахметзяновой, доценту кафедры международных отношений, истории и востоковедения УГНТУ А. Сулейманову, профессору МГОУ С. Федорченко, профессорам СПбГУ О. Поповой, И. Быкову, А. Дорскому, а также заведующей кафедрой международных отношений, истории и востоковедения УГНТУ С. Галиуллиной, директору Института экосистем бизнеса и креативных индустрий УГНТУ Н. Солодиловой, ректору УГНТУ О. Баулину за поддержку в проведении исследования и благоприятную атмосферу для научной деятельности в университете.

СТРУКТУРА

Введение

Методы

Результаты

Выводы и дискуссия

Заключение

K. Akhmadeev, M. Bresler

*Ufa State Petroleum Technical University
1 ul. Kosmonavtov, Ufa 450064, Russian Federation*

A. Manoilo

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
3 ul. Dmitry Ulyanov, Moscow 119333, Russian Federation*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

THE EFFECTIVENESS OF FAKE NEWS AS AN INFORMATION WAR TOOL IN THE PERCEPTION BY GENERATION Z

ABSTRACT

Aim. Identification of the effectiveness of fake news as an information war tool for Generation Z, that will allow adapting the tool in the near future.

Methodology. For the study, the information and communication method was chosen, based on the identification of both the structure of communication links between and within groups, and the information content of communication reflecting the perception of values and carried out within the framework of the cluster-network model. In accordance with the goals and objectives of the study, a qualitative and quantitative

study of the perception of FN by university students in Ufa, Moscow and St. Petersburg was conducted. The study involved up to 500 students of bachelor's degrees in the humanities, as well as technical and natural science areas. 10 in-depth interviews were conducted with representatives of Generation Z (18–22 years).

Results. It is revealed that the majority of Generation Z have a negative attitude to the fact of deception in the digital environment. As a result of the analysis of the fake news perception by Generation Z, it was revealed that most often fake news is related to international relations and Russia's foreign policy. It is determined that the young people evaluate the effectiveness of fake news as an information war tool in at least two aspects: firstly, they believe that fake news can be targeted at certain professional structures, specific institutions and organizations, specific people or groups of people; secondly, fake news affecting the values of the population can have an impact on public opinion, appealing to which the actors of world politics can make certain decisions.

Research implications. Information about the effectiveness of fake news as an information war tool in the perception by Generation Z can be used in the context of further studying information wars as a modern phenomenon, in developing measures to counter destructive political technologies, and will also be useful for political scientists and political technologists.

KEYWORDS

fake news, fake, information war, unconventional war, generation Z

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors express their gratitude to all colleagues who have assisted in this research: student of the direction of training "Foreign Regional Studies (Oriental Studies)" of Ufa State Petroleum Technical University A. Akhmetzyanova, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies of Ufa State Petroleum Technical University A. Suleimanov, Professor of Moscow Region State University S. Fedorchenko, professors of St. Petersburg University O. Popova, I. Bykov, A. Dorskiy, as well as the head of the department of international relations, history and oriental studies of Ufa State Petroleum Technical University S. Galiullina, director of the Institute of Business Ecosystems and Creative Industries of Ufa State Petroleum Technical University N. Solodilova, rector of Ufa State Petroleum Technical University O. Baulin for support in conducting research and a favorable atmosphere for scientific activities at the university.

ВВЕДЕНИЕ

Информационные войны являются важным структурным элементом современных гибридных вооружённых конфликтов, получающих особо широкое распространение в конце XX – начале XXI вв. Как вид неконвенциональной борьбы информационные инструменты противостояния активно берутся на вооружение государствами мира. В современной политической науке теоретико-методологические основания информационных войн подробно исследованы в трудах отечественных учёных Г. Почепцова [12], И. Панарина [11], В. Цыганова и С. Бухарина [14], А. Манойло, А. Петренко и Д. Фролова [9] и др. В западной политической науке по данной теме следует отметить труды таких ученых как П. Лайнбарджер [26], С. Макдональд [28], Б. Кронин [18], Д. Деннинг [19], Дж. Харли [22], Д. Албертс [15], Р. Шафрански [34], П. Корниш [24] и др. Несмотря на наличие довольно обширного объёма исследований

на эту тему, сам термин «информационная война» на протяжении целых десятилетий не воспринимался всерьёз. Это, как метко указывает А. Манойло, считалось умной находкой репортёров новостей, которые использовали этот термин для увеличения тиражей своих печатных изданий [10]. В своей работе «Information war – One of the multidisciplinary phenomenones of current human society» («Информационные войны – одно из междисциплинарных явлений современного человеческого общества») учёный из Словакии Р. Иванчик указывает, что информационная война уже давно вышла за рамки традиционного военного её понимания и распространяет своё воздействие и на другие сферы, стирая границы между гражданским и военным секторами [31]. По его мнению, благодаря низкой стоимости и отсутствию обязательной необходимости иметь разветвлённый штат сотрудников средства информационной войны доступны не только государственным, но и различным субгосударственным структурам и даже одному человеку [31, p. 142]. В своей работе «Statistics as a Tool for Information Wars» («Статистика как инструмент информационных войн») отечественные учёные М. Карманов и О. Золотарева указывают на значительную роль статистики в информационных войнах, подробно анализируя её место в информационных акциях, направленных на достижение национальных интересов как отдельных стран, так и их союзов [7]. Учёными выделяются 5–7 основных и актуальных сфер информационного противоборства, среди которых в рамках настоящего исследования нас будет интересовать психологическая форма информационной войны, т. к. fake news воздействует на общественное мнение [11].

Fake news принят в качестве устойчивого термина в мировой практике. Однако под этим понимается достаточно широкий спектр понятий. По мнению В.Н. Тришина в русском языке распространённые понятия имеют множество синонимов [13] несущих различную коннотацию. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS этого автора предлагает 11 синонимов к понятию «фейковый»: «фальшивый», «ложный», «поддельный», «ненастоящий», «бредовый», «лживый», «обманчивый», «липовый», «подделанный», «фальсифицированный», «фэйковый»¹. К этому можно добавить, что кроме явно негативной коннотации категория Fake news также может восприниматься как «сатирические», «альтернативные», «сюрреалистические» новости.

В информационных войнах современности основным оружием становятся fake news, которые обладают очень широким диапазоном поражения. Механизм распространения фейковых новостей довольно прост. Наиболее точно он описан в работе А. Манойло «“Фейковые новости” как угроза на-

¹ Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-212-4.htm#zag-331169> (дата обращения: 17.06.2021).

циональной безопасности и инструмент информационного управления» и основан на сочетании двух принципов:

– Содержащаяся в фейковой новости заведомо ложная информация оказывает сильное эмоциональное воздействие на человека благодаря эффекту «эмоционального заражения».

– В момент достижения человеком высшей точки эмоционального возбуждения у него появляется настоятельная потребность немедленно поделиться этой резонансной новостью со своими контактами из ближнего круга общения [10, с. 40–41]. Таким образом, оказавшись под сильнейшим эмоциональным воздействием от fake news, человек начинает уже сам выступать в роли ретранслятора фейка, вследствие чего распространение фейковой новости и сопутствующего ей эмоционального всплеска стремительно нарастает в обществе.

Современная наука уделяет большое внимание этой проблематике, что вполне объяснимо тем потенциалом воздействия, который имеют fake news в XXI в. В работе «Fake News: A Legal Perspective» («Фейковые новости: правовая перспектива») Д. Клейна и Дж. Уэллера подробно описываются эффективные юридические практики для противодействия фейкам. Авторами приводится пример, что в некоторых американских штатах местными законодателями предлагается внести в среднюю школу новую учебную программу «медиаграмотность» («media literacy») для того, чтобы молодые люди умели идентифицировать fake news [23].

Согласно данным американских учёных, около 47% американцев сообщают, что часто или иногда сталкиваются с fake news в социальных сетях, причём Facebook является безусловным доминирующим источником [20]. Подробное исследование распространения fake news в Facebook провели Э. Гесс, Дж. Наглер и Дж. Такер в работе «Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook». («Меньше, чем вы думаете: распространённость и предикторы распространения фейковых новостей на Facebook»). Ими были подробно описаны механизмы и дан полный инструментарий использования fake news в самой популярной социальной сети в мире в период президентской избирательной кампании в США в 2016 г. [21]. Изучению влияния демографических и культурных факторов на распространение fake news через социальные сети посвящено исследование Ж. Рамперсад и Т. Альтяйби. Они пришли к выводу, что именно культурные феномены оказывают наибольшее влияние на распространение fake news [32]. Учёными отмечается, что современным трендом становятся так называемые дипфейки (deepfakes) – поддельные видео, сконструированные методом синтеза изображений человека на основе искусственного интеллекта. Он используется для объединения и наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видео с использованием метода машинного обучения, называемого «генеративно-состязательной сетью» («generative

adversarial network») [16]. Объёмы распространения fake news в современном мире столь высоки, что вынуждают современных американских учёных выдвигать тезис о необходимости формирования «надёжной новостной экосистемы» [25]. Следует также отметить, что западная наука в целом склонна обвинять официальные власти России в информационной войне против Запада. Исследователь М. Петерс, анализируя предпосылки для усиления информационной войны со стороны России, приходит к выводу, что «эволюция мягкой силы России была дополнена огромным увеличением бюджета для влияния на иностранные правительства, модернизацией российских СМИ и государственной медиа-машины, ростом психологических ноу-хау, особенно для использования склонности к заговору в недостаточно образованных странах, а также систематическим использованием открытости западных СМИ, включая социальные сети, для развязывания агрессивной информационной войны против Запада» [30]. Причём важно понимать, что речь идёт о системном характере проведения подобного рода мероприятий, что не позволяет относить те или иные информационные вбросы к случайному стечению обстоятельств. «Система является совокупностью отношений между элементами, которую невозможно представить простой суммой её элементов. От количества элементов в системе зависит интенсивность и сложность связей между ними, что в свою очередь определяет сложность всей системы» [2]. Пандемия новой коронавирусной инфекции и последовавшая за ней вакцинация по всему миру также стали ареной проведения информационной войны. Учёный Лейденского университета Р. Скъяво приходит к выводу, что сегодня стремительно разворачивается информационная война против вакцин, направленных на предупреждение заболевания COVID-19: «Большое количество дезинформации, связанной с вакцинами, распространяется через социальные сети и представляет собой риск, особенно для населения с низкой медицинской грамотностью и других групп, у которых не было возможности и/или ресурсов для развития навыков, необходимых для оценки качества и достоверности информации» [33].

Близость ценностей, идей, идеалов участников сообществ формирует свойственный данному сообществу коммуникационный код, который позволяет не только повысить эффективность самой внутригрупповой коммуникации, но и создать некую уникальную «картину мира». Любая информация внутри сообщества осознаётся, трансформируется и распространяется в аспекте ценностей данного сообщества [1]. Поэтому важной составляющей фейковой новости как оружия поражения является акцентуация на конкретных коммуникационных кодах сообщества.

В то же время остаётся до конца не выясненным вопрос эффективности воздействия fake news на различные группы населения. Принято считать, что общество, прежде всего старшее поколение, привыкло верить «печатному слову» или «телевизору». Эта позиция обычно аргументируется фактом

широкого охвата средств массовой информации. Что касается молодого поколения, утвердилось мнение о существенном влиянии социальных сетей, что также аргументируется большим числом участников и широким охватом. В рамках проводимого инициативного проекта изучения поколения Z отдельным направлением было выделено изучение отношений ценностей и этических норм центинаалов к ложным новостям. Актуальность этого направления связана с тем, что поколение Z – это поколение новой стадии цивилизационного развития, формирующееся уже в условиях становления информационного / цифрового общества, которое воспринимает информацию в естественной для себя цифровой среде со своими специфическими особенностями, отличными от восприятия старших поколений. Инструменты создания и продвижения информации, в том числе и инструменты информационной войны XX – начала XXI вв., теряют свою эффективность для центинаалов. Академическое исследование ценностей поколения Z имеет прикладное значение, в том числе в области повышения эффективности различных инструментов информационной войны.

Целью нашего исследования выступает выявление эффективности fake news как инструмента информационной войны для поколения Z, что позволит адаптировать инструмент в ближайшем будущем. Современная наука располагает достаточно обширным объёмом исследований на тему поколения Z (Z generation), однако, несмотря на это, малоизученной является оценка воздействия fake news на центинаалов. В этой связи следует упомянуть работы соавтора данного исследования М. Бреслера, который изучает ценностные трансформации российских представителей данного поколения [17], коллективную работу американских учёных С. Бхаргавы, Б. Финнемана, Дж. Шмидта и Э. Спагнуоло, проанализировавших это явление в США, и мн. др.

Для достижения указанной цели в нашем исследовании были выделены задачи:

- 1) выявить этические нормы поколения Z по отношению ко лжи в сетевой среде, ложным новостям;
- 2) проанализировать восприятие поколением Z содержания fake news;
- 3) определить эффективность восприятия fake news центинаалами.

МЕТОДЫ

Данное исследование является одним из направлений работ по проекту комплексного исследования специфики поколения Z, проводимого авторами в составе группы учёных с 2019 г. Мы считаем, что поколение Z важно не только как молодое поколение, чьи ценности будут преобладать в краткосрочной перспективе, но и как поколение, формирующееся на новой стадии цивилизационного развития – на переходе к информационному / цифровому обще-

ству, на этапе становления этого общества. По нашему мнению, центиниалы формируют те ценности, символы и коммуникационные коды, которые будут преобладать в будущем, следовательно, их глубокое изучение становится важной задачей для среднесрочного и долгосрочного прогнозирования.

Для исследования избран информационно-коммуникационный метод, базирующийся на выявлении как структуры коммуникационных связей между группами и внутри групп, так и информационного содержания коммуникации, отражающей восприятие ценностей и проводимой в рамках кластерно-сетевой модели, применяемой нами в том числе для изучения политических процессов в информационной сфере [3]. Данная методика является развитием акторно-сетевой теории Бруно Латура и др. [7], но, в отличие от АНТ, мы рассматриваем сеть не как единое поле акторно-сетевого взаимодействия, а как взаимосвязанное множество взаимопроникающих кластеров [4]. Отметим, что в данном случае под «кластером сети» понимается агрегация акторов, объединённых общими сетевыми коммуникациями. Кластерная парадигма, которой придерживаются авторы, представляет собой сетевое взаимодействие множества взаимопроникаемых сетевых сообществ, построенных на модели безмасштабной сети А. Л. Барабаша – Р. Альберта и математической модели изотопной сети [27].

Информационно-коммуникационным методом в результате исследования стало возможным выявить восприятие fake news на основе общности коммуникационных кодов, присущих поколенческому кластеру. Авторы используют метод, успешно применённый в исследованиях предыдущего периода, так как он позволяет выявить структуру взаимодействия индивидов / групп, избегая демографического детерминизма, свойственного многим исследованиям в данной области. Представители поколения Z выделяются нами не только как замкнутая возрастная группа, но и как люди, составляющие часть множества взаимосвязанных кластеров, объединяющих людей со сходными ценностями, идеями, идеалами и, в связи с этим, близкими коммуникационными кодами. Отметим, что важным в данном исследовании мы считаем, в том числе, выявление структуры взаимосвязи семейного кластера центиниалов как «ячейки» информационного / цифрового общества. Метод показал себя эффективным на исследованиях ценностей и приоритетов поколения Z [25]. Исследования, кроме политологического и социально-философского анализа литературных данных и актуальных фактов, приводимых в социальных и масс-медиа, включали в себя и обширную эмпирическую часть.

В соответствии с целями и задачами исследования было проведено качественное и количественное изучение восприятия FN студентами вузов Уфы, Москвы и Санкт-Петербурга. В исследовании участвовали до 500 человек – учащихся бакалавриата гуманитарного, технического и естественно-научного направлений подготовки. Было проведено 10 глубинных интервью с представителями поколения Z (18–22 года), на которых были уточнены де-

финиции понятия «fake news», разделяемые центиниалами. С их точки зрения, само понятие «fake news» не ограничивается намеренной ложью неких акторов, стремящихся опорочить своих противников. Fake news используются для создания некоей романтической картины мира, о которой мечтают в сообществе актора, а также для создания сатирического эффекта описанием фантастической ситуации с гиперболизацией актуальной проблемы. Для уточнения количественных результатов были проведены анкетирование, состоящее из 411 ответов, а также серия фокус-групп в 10 раундов по 7–12 человек в каждом – учащихся бакалавриата направления подготовки группы политических наук (политология, международные отношения, зарубежное регионоведение и др.). Основной упор в фокус-группах был сделан на прикладном характере fake news как инструмента информационной войны, на степени воздействия на информационное пространство как своей стороны, так и стороны противника. В числе вопросов в фокус-группах, по большей части повторяющих в расширенной форме вопросы анкеты, были предложены к обсуждению и материалы реальных кейсов, непосредственно относящихся к эпизодам информационной войны. Центиниалы подробно обсудили кейсы «дело Скрипалей», «Венесуэлла», ранее описанные соавтором данного исследования А. Манойло, а также кейс «Донецк», связанный непосредственно с деятельностью самого А. Манойло. Участники фокус-групп определяли уровень доверия к информационным материалам, а также предположительную реакцию различных групп общества на данные материалы, размещённые в социальных сетях и масс-медиа. Комментарии центиниалов и наиболее типичные суждения будут показаны ниже.

Кластерная парадигма информационно-коммуникационного подхода в отношении fake news предусматривает существенную роль аксиального (ценностного) фактора восприятия, близкого для акторов одного сообщества [5]. При внешнем наблюдении специфическое восприятие сообществом происходящих процессов можно считать, при некоей доле абстрагирования, виртуальным восприятием реального. В этом аспекте для материалов fake news можно определить индекс виртуальности [6], показывающий соответствие, либо несоответствие восприятию реального мира авторами представленного материала и, следовательно, вероятность существования указанных в материале фактов в условиях объективной реальности. Определение индекса виртуальности приведённого факта производилось по трёхбалльной шкале (1 – очевидная виртуальность, 2 – вероятная виртуальность / реальность, 3 – очевидная реальность). Участники фокус-групп отмечали при этом, что при определении индекса виртуальности они должны предварительно не только изучить приведённый факт, но и получить данные глубоко ситуационного анализа, включая историю зарождения и развития описываемого процесса.

Другой показатель – уровень доверия – определялся по пятибалльной шкале, где 1 – полное недоверие, а 5 – полное доверие к предоставленным

материалам, и требовал от участников лишь личного мотивированного мнения. Качественное исследование уровня доверия не является неким абсолютным показателем эффективности конкретного материала, но позволяет судить об относительной эффективности fake news как инструмента информационной войны в настоящее время и в ближайшем будущем, когда поколение Z станет определять информационную повестку в общественном публичном пространстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ ответов на вопросы анкеты показывает, что центиниалы придерживаются крайне широкого спектра мнений, и, как будет показано ниже на фокус-группах, в результате обсуждения мнения участников несколько менялись. Но на вопрос «Всё, что написано в социальных сетях – правда? Да / Нет» — 97,5% участников ответили отрицательно. При этом 85% отметили, что встречались с публикацией заведомо ложных новостей, т. е. fake news. Большинство, а именно 80%, считают fake news инструментом информационной войны, а меньшинство – 20% – относит ложные новости к области сатиры и юмора. Большинство (79%) считают невозможной для себя и неэтичной публикацию ложных новостей, меньшинство (21%) допускают такую возможность в качестве элемента сатиры или юмора.

Реакция на fake news показана на рисунке 1. Вопрос «Я читаю новость, которая оказывается ложной» является моделью типичной ситуации для участников опроса. Здесь и далее диаграмма разделена на три части. Ряд № 1 – ответы студентов университетов Москвы и Московской области, ряд № 2 – Санкт-Петербурга и Ленинградской области, ряд № 3 – Уфы и Республики Башкортостан. За небольшим различием наибольшая доля ответов приходится на вариант № 3 – «Побудит обратиться к другим источникам». Наименее вероятны реакция № 2 «возмутит» и реакция № 4 «спросить у друзей, так ли это на самом деле». Низкая доля выбора варианта № 4 противоречит ощущениям авторов, которые неоднократно наблюдали дискуссии в социальных сетях, связанные с обсуждением реальности той или иной новости. Вероятно, это связано с желанием самостоятельно разобраться со сложными процессами и затем выступить перед членами своего сообщества в качестве эксперта. Чуть больше участников выбрали вариант своего возмущения публикацией ложной новости. На вопрос «Что может возмутить при виде ложной новости?» участники отмечали такие свойства fake news, как попытки клеветы, обмана, дестабилизации общества и вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Но, как видно на приведённой ниже диаграмме, реакция «возмущения» – лишь на четвёртом месте из пяти. Гораздо более вероятно игнорирование подобной новости (второе место) либо веселье (третье место), если новость содержит элементы сатиры и юмора.

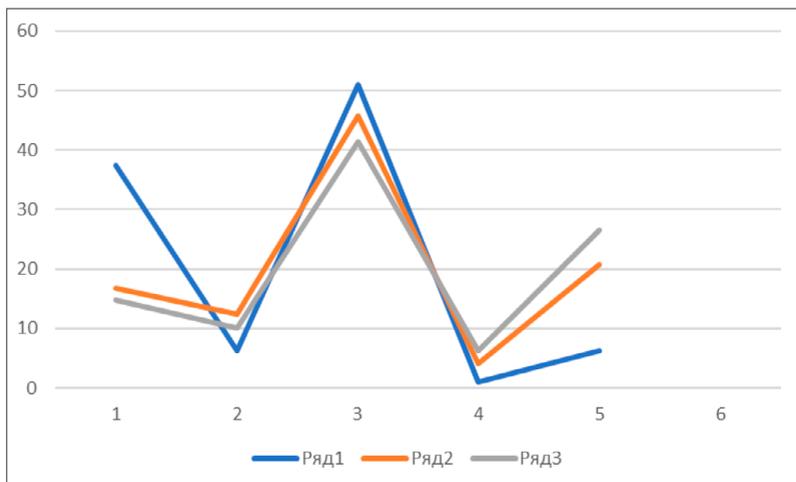

Рис. 1 / Fig. 1. Вопрос: «Я читаю новость, которая оказывается ложной. Это меня...» / Question: "I am reading news that turns out to be false. I'll ..."

Варианты ответов: 1. Развеселит; 2. Возмутит; 3. Побудит обратиться к другим источникам; 4. Спросить у друзей, так ли это на самом деле; 5. Проигнорировать. Ряд 1 – мнение студентов Москвы и Московской области; ряд 2 – Санкт-Петербурга и Ленинградской области; ряд 3 – Уфы и Республики Башкортостан (собственное исследование).

Answer options: 1. Be amused; 2. Be outraged; 3. Look for other sources; 4. Ask my friends if this is really so; 5. Ignore it.

Row 1 – The opinion of students of Moscow and the Moscow region; row 2 – St. Petersburg and the Leningrad region; row 3 – Ufa and the Republic of Bashkortostan (our research).

Что касается специальных изданий, использующих fake news как форму сатирического произведения и пользующихся популярностью у старших поколений, отношение у поколения Z можно считать достаточно «холодным». Материалы Raporama.pub у 8% вызвали возмущение, 35% развеселили, тогда как 57% проигнорировали их в ленте новостей социальных сетей. Аналогичное исследование, выполненное нами ранее среди пользователей социальных сетей старшего поколения, показало, что возмущение fake news от этого ресурса испытали около 32% опрошенных, 64% развеселились и проигнорировали 4%.

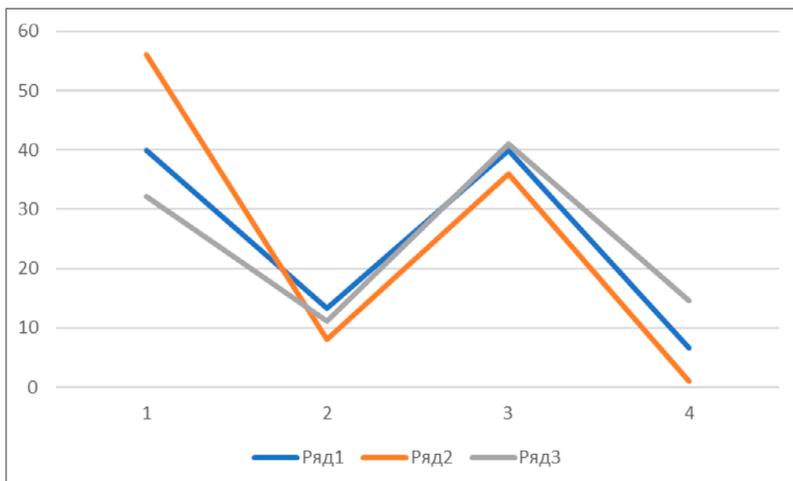

Рис. 2 / Fig. 2. Вопрос: «Оказывает ли FN существенное влияние на информационную сферу?» / Question: “Does FN have a significant impact on the media space?”

Варианты ответов: 1. Это может вызвать панику, кризис; 2. Да, это обидно, оскорбительно; 3. Небольшое – если обратить внимание общественности; 4. Не оказывает, сейчас ложь выявляется очень быстро.

Ряд 1 – мнение студентов Москвы и Московской области; ряд 2 – Санкт-Петербурга и Ленинградской области; ряд 3 – Уфы и Республики Башкортостан (собственное исследование).

Answer options: 1. It can cause panic, crisis; 2. Yes, it is unpleasant, insulting; 3. Very little and only if you attract the public attention to it; 4. It does not, nowadays a lie is revealed very quickly.

Row 1 – The opinion of students of Moscow and the Moscow region, row 2 – St. Petersburg and the Leningrad region, row 3 – Ufa and the Republic of Bashkortostan (our research).

Центниали по-разному относятся к роли fake news. На рисунке 2 показаны ответы участников анкетирования на вопрос «Оказывает ли FN существенное влияние на информационную сферу?» Как видно из ответов, мнения большинства разделены примерно поровну между ответами 1 – «Fake news может вызвать панику, кризис» и 3 – «Fake news оказывает небольшое влияние, только если обратить внимание общественности». Ответы меньшинства разделились между «обидно, оскорбительно» и «не оказывает, [так как] сейчас ложь выявляется очень быстро». Подобный вопрос, заданный в фокус-группе, подтвердил разделение мнений участников опроса.

Вторая часть вопросов была посвящена анализу самих fake news. Сначала были рассмотрены общая структура информационного поля, а также место в ней ложных новостей (рис. 3). По мнению респондентов, чаще всего ложные новости они видят в разделах новостей, посвящённых внешней политике Рос-

сии, на втором месте – ложные новости, связанные с медициной, третье место занимают новости экономики России и зарубежных стран. Реже всего, по мнению респондентов, ложные новости появляются в области культуры и спорта.

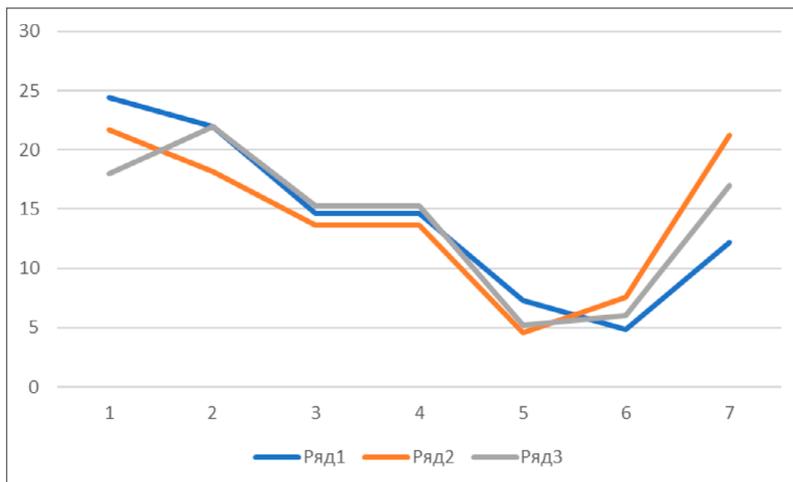

Рис. 3 / Fig. 3. Вопрос: «Чаще всего я встречаю fake news в разделах...» / Question: "Most often I come across fake news in areas of ..."

Ответы 1. Внешняя политика России; 2. Внутренняя политика России; 3. Экономика России; 4. Экономика зарубежных стран; 5. Спорт; 6. Культура; 7. Медицина, здравоохранение.

Ряд 1 – мнение студентов Москвы и Московской области; ряд 2 – Санкт-Петербурга и Ленинградской области; ряд 3 – Уфы и Республики Башкортостан (собственное исследование).

Answers 1. Russian foreign policy; 2. Russian domestic policy; 3. Russian economy; 4. Economy of foreign countries; 5. Sports; 6. Culture; 7. Medicine, healthcare.

Row 1 – The opinion of students of Moscow and the Moscow region; row 2 – St. Petersburg and the Leningrad region; row 3 – Ufa and the Republic of Bashkortostan (our research).

Говоря о содержании fake news (рис. 4), респонденты отмечают, что чаще всего в подобных материалах затрагиваются темы, связанные со шпионской деятельностью, направленной против России, на втором месте – материалы, связанные со шпионской деятельностью России против других стран, а также с научными открытиями (вечного двигателя и др.). На последнем месте расположились материалы, связанные с подозрением в коррупционных действиях известных людей, и фантастические материалы (НЛО, призраки и др.). Респонденты не проводили специального исследования масс-медиа или социальных сетей. Ответы отражают внутреннее ощущение и субъективное мнение опрошенных, а также их ценности и приоритеты.

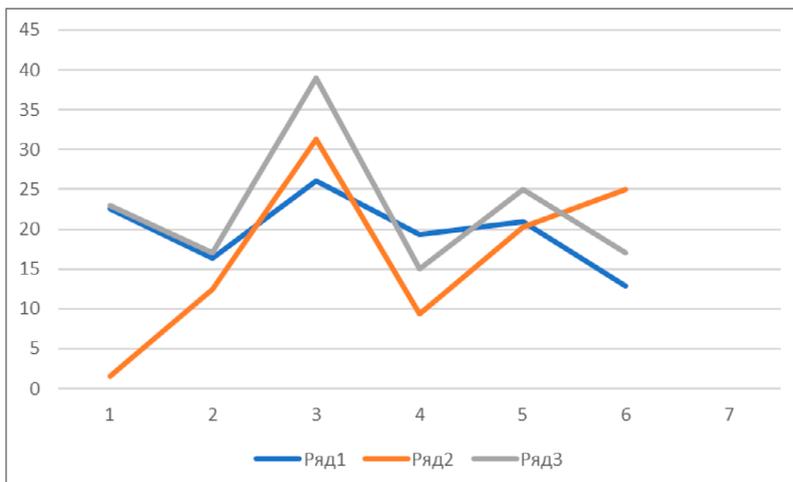

Рис. 4 / Fig. 4. Вопрос: «Чаще всего в Fake News встречается информация о...» / Question: "The most common information in Fake News is about ..."

Ответ: 1. Нарушения этических норм известными людьми; 2. Коррупции, связанной с известными людьми; 3. Шпионской деятельности против России; 4. Шпионской деятельности против зарубежных стран; 5. Научных открытиях, изобретении чудо-лекарства, вечного двигателя и др. 6. НЛО, другие фантастические явления.

Ряд 1 – мнение студентов Москвы и Московской области; ряд 2 – Санкт-Петербурга и Ленинградской области; ряд 3 – Уфы и Республики Башкортостан (собственное исследование).

Answer: 1. Violation of ethical norms by famous people; 2. Corruption associated with famous people; 3. Espionage activities against Russia; 4. Spy activities against foreign countries; 5. Scientific discoveries, the invention of a miracle medicine, a perpetual motion machine, etc. 6. UFOs, other fantastic phenomena.

Row 1 – The opinion of students of Moscow and the Moscow region; row 2 – St. Petersburg and the Leningrad region; row 3 – Ufa and the Republic of Bashkortostan (our research).

Можно предположить, что участники выделяли те темы ложных новостей либо то содержание, которые более соответствовали их ценностям.

Во время обсуждения встал вопрос о доверии и индексе виртуальности самих fake news. Индекс виртуальности определялся участниками на уровне вероятности виртуальности / реальности предложенного факта. Стремление к медианному определению индекса виртуальности участниками фокус-групп связано с тем, что студенты-участники исследования в рамках учебного процесса активно изучали политологические и коммуникативистские дисциплины, поэтому их можно отнести если не к экспертам, то к продвинутым потребителям подобной информации. Стремясь к объективности оценки, они указывали на недостаточную информацию об экономической,

политической и социальной ситуации в локации факта. Это не означает, что участники фокус-групп технических направлений подготовки расценивали приведённые новости однозначно как созданные в виртуальном мире автора или как свершившиеся в реальном мире. Представители поколения Z, владея цифровыми технологиями, могут получить обширные объёмы информации в короткие сроки. Но при определении индекса виртуальности они старались провести анализ максимально объективно. По каждому кейсу стихийно складывались коллективное обсуждение со сбором информации посредством поисковых систем и дискуссия с участием всей фокус-группы.

Гораздо меньше затруднений участники качественного исследования испытали при определении уровня доверия предлагаемой новости. При этом важную роль играли сама личность автора материала и источник материала. Участники выделяли из масс-медиа те, к которым испытывали доверие, и те издания, которым не доверяют. Обсуждение вопроса об изменении уровня доверия в случае публикации ложной информации в «своих СМИ» показало, что центриалы готовы «простить» единичные случаи, но станут избегать этого канала информации, если искажение информации станет постоянным. Уровень доверия участников фокус-групп к источнику соответствовал близости ценностей и коммуникационных кодов участников. Отмечено, что уровень доверия был выше, если источник зарекомендовал себя ранее как носитель определённых идей и идеалов, определённого политического мировоззрения. Примерно в 80% случаев, т. е. в большинстве, участники ставили высокие оценки (4 или 5) тем фактам, существование которых они поддерживали. Типичный ответ: «Я полностью доверяю описанию факта автора N / информационного агентства X, так как он обычно пишет то, что полезно для нашего государства или конструктивно для нашего общества» либо: «Этот факт явно ложный, N часто пытается снизить имидж уважаемой организации / человека». Меньшинство (20%) вначале задавалось вопросом *cui bono* – «кому выгодно». Типичный ответ: «Эта информация выгодна компании Y, она пойдёт на всё, чтобы принизить конкурента, значит, не стоит ей доверять».

Задачей третьей части исследования было выявление проблемы эффективности использования *fake news* как инструмента информационной войны. Участникам были предложен вопрос: «Какие цели, по Вашему мнению, могут быть достигнуты при применении *fake news* в информационной войне?» Большинство участников отметили, что таковыми могут быть дезориентация противника, навязывание ему информационной повестки или, в меньшей степени, снижение имиджа актора в восприятии общества. Типичный ответ: «Ложная новость, например, о незаконных или неэтичных действиях противника, заставит его затратить значительные ресурсы на опровержение. Вместо того, чтобы наступать, он будет вынужден обороняться, оправдываться. Причём сами оправдания могут быть восприняты с недоверием,

что послужит предметом для новой атаки». В то же время участники фокус-групп весьма скептически отнеслись к снижению имиджа актора в результате направленных на него fake news. По их мнению, различные группы разделяют различные ценности, и между ними есть существенная разница. Ценности и приоритеты одной группы могут не иметь существенного значения в другой. Оригинальную аналогию привёл участник N: «Бесполезно обвинять в каннибализме вождя, если это племя традиционно – племя каннибалов». Отмечались также двойные стандарты в оценке как реальных новостей, так и ложных. По мнению участников фокус-групп, акторы готовы оправдывать своих сторонников и осуждать противников за одни и те же действия.

Участники также утверждали, что с учётом их обширного сетевого опыта они с большой долей вероятности могут различить реальные новости и заведомо ложные, в отличие от общества в целом и старших поколений. Типичный ответ формулировался как: «Эта новость возмутит старшие поколения, приведёт к панике и дестабилизации общества» либо «Я понимаю, что это явный fake news, но люди, смотрящие телевизор, наверняка поверят в это [непричастность Петрова и Баширова к “делу Скрипалей”]». В силу возрастных особенностей молодые люди считают себя более искушёнными, чем представители старших поколений.

Специфические возрастные особенности участников фокус-групп проявлялись в отграничении своего сообщества «будущих профессионалов» от широких масс населения, которые, по их мнению, более внушаемы и которыми можно управлять. Типичное суждение: «Мы сразу определили, что правдивость этой новости сомнительна, но вот доверчивые люди [старшего поколения], прежде всего в Европе, приняли эту новость за правду [по поводу применения химического оружия в Сирии]». Более половины участников фокус-групп считают, что fake news оказывает эффективное воздействие и может привести к дестабилизации в обществе либо к панике и снижению морального духа общества противника.

ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

Ознакомив читателя с методикой и результатами нашего исследования, мы предлагаем выводы, которые подразумевают, как мы надеемся, широкую дискуссию в научном сообществе и профессиональной среде специалистов-практиков, занимающихся созданием и распространением информационного продукта, воздействием на информационную сферу.

1. Выявлено, что большинство центиналов негативно относятся к самому факту введения в заблуждение в цифровой среде. Отмечая, что fake news в большинстве своём – известный им инструмент разного рода информационного воздействия, в том числе информационных войн, и лишь в меньшинстве случаев – сатиры и юмора, центиналы практически единодушно

относят ложные новости к not fair play, т. е. к неэтичным, нечестным инструментам коммуникации.

Это объясняется не только свойственным возрасту декларативным категоричным неприятием лжи, но и спецификой поколения Z. Для центиниалов – «цифровых аборигенов» – виртуальная среда социальных сетей – естественная среда обитания, в которой сосредоточена существенная часть их коммуникаций. По мнению большей части опрошенных центиниалов, ложные новости затрудняют информационный обмен и мешают созданию и укреплению коммуникаций. Меньшинство, не более 20%, считают, что в сети возможно применять ложные новости, легко идентифицируемые как фантастические, для сатирической гиперболизации проблем общества и их критики, а также с целью увеселения. Это характерно прежде всего для старшего поколения. Для них социальные сети остаются местом досуга, где сатира и юмор занимают надлежащее место в информационном потоке. Не случайно большинство респондентов старшего поколения с одобрением восприняли материалы сайта сатиры Rapogama.pub, при этом в большинстве своём ошибочно принимая их за реальные новости. Тогда как более половины центиниалов, выявив ложный характер новостей, проигнорируют их как неподобающие для просмотра и обсуждения. В то же время они неоднозначно относятся к эффективности самой методики. Примерно в равной степени они признают, что некоторые из ложных новостей могут вызвать панику у населения, и в то же время, что с высокой долей вероятности они будут проигнорированы. Что касается наиболее вероятной реакции центиниалов на fake news – «такая новость [которая, как я подозреваю, может оказаться ложной] побудит меня обратиться к другим источникам для уточнения информации». Центиниалы испытывают воздействие мощного информационного потока, что приучает их обращаться к различным источникам для проверки правдивости того или иного события. В то же время источники, которым они доверяют, тесно связаны с их ценностями, идеалами, мировоззрением. Несмотря на прагматичность поколения Z, аксиальный фактор играет существенную роль при определении источника правдивой информации. В меньшей, но также существенной степени в определении новости как истинной / ложной играет роль мнение сообщества центиниала, его контактов в мессенджерах и социальных сетях. Изучение мировоззренческих и идеологических платформ поколения Z не входило в рамки настоящего исследования.

2. В результате анализа восприятия поколением Z содержания fake news выявлено, что чаще всего ложные новости связаны с международными отношениями и внешней политикой России. По нашему мнению, это можно объяснить двумя факторами. Ложные новости используются как инструмент информационной войны, во-первых, прежде всего в мировой политике, а во-вторых, в большой доле международных новостей в российском информационном поле. Дальнейшее обсуждение показало, что респонденты оди-

наково критично относятся как к информации, приходящей извне, от иностранных источников, так и к информации от российских информационных источников – информационных агентств, политических комментаторов etc. При этом критическое отношение определялось вне зависимости от мировоззренческой или идеологической платформы. Респонденты указывали на необходимость анализа данных, происходящих из разных источников, при подозрении на fake news. Отмечено также существенное количество новостей, связанных с медициной, что характерно для периода пандемии COVID-19. В 2020–2021 гг. в мессенджерах, социальных сетях и масс-медиа проходит очень большое количество материалов о пандемии, вакцинации и др., часть из которых ложные. Касательно содержания подобного рода новостей, участники исследования отметили преобладание новостей, связанных со «шпионской деятельностью против России»: в эту группу новостей часть респондентов относила новости от иностранных, а часть – от российских источников. На втором месте отмечены ложные новости, связанные с наукой, что объясняется также повышенным интересом общества к разработке вакцин, их свойствам и опыту применения во время пандемии.

Индекс виртуальности ложных новостей в целом определили как нейтральный, т. е. возможно виртуальный / реальный. Любая новость ими была расценена как вероятная, которая могла как быть, так и не быть в реальности. Уровень доверия к новости оказался тесно связан с источником самой новости. Респонденты – и это, по нашему мнению, можно отнести к специфическим особенностям поколения Z – достаточно разнообразно подходят к выбору источников, заслуживающих доверия. Множество сетевых сообществ, в которых пребывают центиниалы на основе близости ценностей, имеют множество источников информации, доверие к которым пропорционально близости ценностей, разделяемых данными сообществами.

3. Определено, что центиниалы оценивают эффективность fake news как инструмента информационной войны как минимум в двух аспектах.

Во-первых, центиниалы полагают, что fake news могут быть точечно направлены на определённые профессиональные структуры, конкретные институты и организации, на конкретных людей или группы людей. Несмотря на то, что ложные новости распространяются в публичном пространстве, они могут заинтересовать только достаточно узкую группу сопричастных событию лиц. Для широких кругов нюансы взаимоотношений лидеров мировой политики, специальных служб, разведок по большей части не известны и не входят в круг их интересов.

Во-вторых, ложные новости, затрагивающие ценности широких слоёв населения, могут оказать воздействие на общественное мнение, апеллируя к которому, акторы мировой политики могут принимать определённые решения. К таковым относятся санкции по отношению к правительству Сирийской арабской республики, принятые после ряда акций общественно-политиче-

ской организации «Белые каски» и не отменённые после разоблачения этих акций как fake news.

Центиниалы считают, что fake news могут вызвать панику и дестабилизацию некоторых групп общества, прежде всего старшего поколения. В то же время они согласны, что сами порой подвергаются воздействию ложных новостей, что проявилось во время пандемии COVID-19 и в ряде других актуальных кейсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы вынуждены согласиться с респондентами, представителями поколения Z, полагающими, что эффективность прямого воздействия такого инструмента, как fake news, со временем будет снижаться. Поколение цифровой среды в меньшей степени готово «верить на слово» и существенно изменять своё мнение под воздействием ложных новостей. Это значит, что в ближайшем будущем практикам информационных войн нужно будет задуматься об адаптации этого инструмента для повышения его эффективности.

Мы также считаем вместе с центиниалами, что ложная информация нарушает этические нормы общества и потому всегда уступает объективному описанию реальности. Но мир пока не наступил во всём мире, и информационные войны как составляющая часть гибридных войн не утихают. Поэтому нужно совершенствовать противодействие инструментам информационных войн, выявлять и разоблачать ложные новости, несущие деструктивный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадеев К. Н., Бреслер М. Г. Анализ fake news в дискурсе сетевого бытия // Пользовательский контент в современной коммуникации: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Челябинск, 22–23 апреля 2021 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2021. С. 273–276.
2. Ахмадеев К. Н. Теоретико-методологические основания исследования крымскотатарского этнополитического процесса // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15. № 2. С. 151–166. DOI: doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-2-151-166
3. Бреслер М. Г. Мурзагулов Р. Р., Сулейманов А. Р. Трансформация политической коммуникации и PR-деятельности в цифровом обществе // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 125–132.
4. Бреслер М. Г. Онтология сетевого бытия. Уфа: Издательство УГНТУ, 2020. 110 с. DOI 10.12731/978-5-7831-2005-3
5. Бреслер М. Г. Post-truth в рамках кластерной парадигмы: философский анализ // Век информации. 2018. № 2-1. С. 300–302.

6. Елхова О. И. Индекс виртуальности: философское обоснование // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 3. С. 99–107. DOI: 10.37482/2687-1505-V106
7. Карманов М. В., Золотарева О. А. Статистика как инструмент информационных войн // Вестник НГУЭУ. 2019. № 4. С. 114–121. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-4-114-121.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
9. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности. М.: МИФИ, 2004. 392 с.
10. Манойло А. В. “Фейковые новости” как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45.
11. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 260 с.
12. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. 576 с.
13. Тришин В. Н. Полный (объединённый) словарь-справочник русского языка и сравнительный анализ мощи языков Русской и Западной (Англосаксонской) цивилизаций // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. №14-15. С. 100–105.
14. Цыганов В. В., Бухарин С. Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. М.: Академический проект, 2007. 336 с.
15. Alberts D. Defensive Information Warfare. Washington, DC USA: NDU Press Book. 1996. 39 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Defensive.pdf (дата обращения: 17.06.2021).
16. Botha J., Pieterse H. Fake News and Deepfakes // A Dangerous Threat for 21st Century Information Security: 15th International Conference on Cyber Warfare and Security: Conference Paper. Norfolk, 2020. P. 57–66.
17. Bresler M., Galiullina S., Gerasimova D. Transformation of the values of Generation Z – Residents of the digital society of sustainable development // E3S Web of Conferences, Yekaterinburg, September 28th–29th, 2020. Yekaterinburg, 2020. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/68/e3sconf_if2020_09043.pdf (дата обращения: 20.07.2021).
18. Cronin B., Crawford H. Information Warfare: It's Application in Military and Civilian Contexts // The Information Society. 1999. Vol. 15. P. 257–263.
19. Denning D. E. Information warfare and security. Washington: GPG, 1999. 260 p.
20. Shearer E., Gottfried J. News use across social media platforms 2017 [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <http://journalism.org/2017/09/07/news-use-across-social-media-platforms-2017> (дата обращения: 15.06.2021).

21. Guess A., Nagler J., Tucker J. Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook // *Science advances*. 2019. Т. 5. № 1. P. eaau4586. URL: <https://advances.sciencemag.org/content/5/1/eaau4586/tab-pdf> (дата обращения: 20.07.2021). DOI: 10.1126 / sciadv.aau4586.
22. Harley J. A. Information, technology, and center of gravity [Электронный ресурс] // *Naval War College Review*, 1997, vol. 50, no. 1, pp. 65–80. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol50/iss1/5> (дата обращения: 15.06.2021).
23. Klein D., Wueller J. Fake News: A Legal Perspective (March 8th, 2017) [Электронный ресурс] // *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 20. № 10. URL: <https://ssrn.com/abstract=2958790> (дата обращения: 17.06.2021).
24. Kornish P. *On Cyber Warfare*. London: The Royal Institute of International Affairs, 2010. 124 p.
25. The science of fake news / D. M. J. Lazer, M. A. Baum, Y. Benkler, A. J. Berinsky, K. M. Greenhill, F. Menczer, J. L. Zittrain // *Science*. 2018. № 359 (6380). P. 1094–1096. DOI: doi.org/10.1126/science.aao2998.
26. Linebarger P. M. A. *Psychological Warfare: International Propaganda and Communications*. 2nd ed., rev. Duell: Sloan and Pearce, 1954. 318 p.
27. Liu Y., Dehmamy N., Barabási A. L. Isotopy and energy of physical networks // *Nature Physics*. 2021. Iss. 17. Vol. 2. P. 216–222. DOI: [10.1038/s41567-020-1029-z](https://doi.org/10.1038/s41567-020-1029-z)
28. Macdonald S. *Propaganda and Information Warfare in the Twenty-First Century*. London: Routledge, 2007. 204 p.
29. Manoilo A. *Modern-Day Information Warfare and Hybrid War Operations* [Электронный ресурс] // *Analytical Dossier*. URL: https://www.vision-gt.eu/wp-content/uploads/2021/06/AD_22_2021.pdf (дата обращения: 17.06.2021).
30. Peters M. A. The Information Wars, Fake News and the End of Globalisation // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. № 50 (13). P. 1–4. DOI: [10.1080/00131857.2017.1417200](https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1417200).
31. Ivančík R. Informačná vojna – jeden z multidisciplinárnych fenoménov súčasnej ľudskej spoločnosti // *Politický Vedy*. 2021. Vol. 24. № 1. P. 135–152. DOI: <https://doi.org/10.24040/politickevedy.2021.24.1>
32. Rampersad G., Althiyabi T. Fake news: Acceptance by demographics and culture on social media // *Journal of Information Technology & Politics*. 2020. № 17-1. P. 1–11. DOI: [10.1080/19331681.2019.1686676](https://doi.org/10.1080/19331681.2019.1686676)
33. Schiavo R. Vaccine communication in the age of COVID-19: Getting ready for an information war // *Journal of Communication in Healthcare: Strategies, Media, and Engagement in Global Health*. 2020. № 13-2. P. 73–75. DOI: [10.1080/17538068.2020.1778959](https://doi.org/10.1080/17538068.2020.1778959)
34. Szafranski R. A. *Theory of Information Warfare: Preparing for 2020* // *Airpower Journal*. 1995. Vol. IX. № 1. P. 56–65.

REFERENCES

1. Akhmadeyev K. N., Bresler M. G. [Analysis of Fake News in the Discourse of Network Being]. In: *Pol'zovatel'skiy kontent v sovremennoy kommunikatsii: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, 22–23 aprelya 2021* [User Content in Modern Communication: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, April 22–23 2021]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2021, pp. 273–276.
2. Ahmadeev K. N. [Theoretical and methodological foundations of the study of the Crimean Tatar ethnopolitical process]. In: *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world], 2019, no. 15 (2), pp. 151–166. DOI: doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-2-151-1661.
3. Bresler M. G., Murzagulov R.R., Suleymanov A. R. [Transformation of political communication and PR-activities in the digital society]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 125–132.
4. Bresler M. G. *Ontologiya setevogo bytiya* [Ontology of Network Being]. Ufa: Publishing House of Ufa State Petroleum Technical University, 2020. 110 p. DOI 10.12731/978-5-7831-2005-3
5. Bresler M. G. [Post-truth perceptions in the Cluster Paradigm]. In: *Vek informacii* [The Age of Information], 2018, no. 2-1, pp. 300–302.
6. Elhova O.I. [Virtuality Index: A Philosophical Rationale]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2021, vol. 21, no. 3, pp. 99–107. DOI: 10.37482/2687-1505-V106
7. Karmanov M. V., Zolotareva O. A. [Statistics as a tool of information warfare]. In: *Vestnik NGUEU*, 2019, no. 4, pp. 114–121. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-4-114-121
8. Latour B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: an Introduction to actor-network Theory]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics., 2014, 384 p.
9. Manojlo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *Gosudarstvennaya informacionnaya politika v usloviyah informacionno-psihologicheskikh konfliktov vysokoj intensivnosti i social'noj opasnosti* [State information policy in conditions of information and psychological conflicts of high intensity and social danger]. Moscow, MEPI Publ., 2004. 392 p.
10. Manojlo A.V. ["Fake news" as a threat to national security and an information management tool]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science], 2019, no. 2, pp. 37–45.
11. Panarin I. N. *SMI, propaganda i informacionnye vojny* [Massmedia, propaganda and information wars]. Moscow, Pokolenie Publ., 2012. 260 p.
12. Pochepcov G. G. *Informacionnye vojny* [Information Wars]. Moscow, Refbuk Publ., Kiev, Vakler Publ., 2000. 576 p.
13. Trishin V. N. [Complete (integrated) reference dictionary of the Russian language and a comparative analysis of the power of the languages of

- Russian and Western (Anglo-Saxon) civilizations.]. In: *Nauchnoye obozreniye: gumanitarnyye issledovaniya* [Science Review: Humanities Research], 2017, no. 14–15, pp. 100–105.
14. Cyganov V. V., Buharin S. N. *Informacionnye vojny v biznese i politike. Teoriya i metodologiya* [Information wars in business and politics. Theory and methodology]. Moscow, *Akademicheskij proekt* [Academic project Publ.], 2007. 336 p.
 15. Alberts D. *Defensive Information Warfare*. Washington, National Defense University Press Book, 1996, 39 p. Available at: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Defensive.pdf (accessed: 20.07.2021).
 16. Botha J., Pieterse H. Fake News and Deepfakes. In: *A Dangerous Threat for 21st Century Information Security: 15th International Conference on Cyber Warfare and Security*, Norfolk, 2020, pp. 57–66.
 17. Bresler M., Galiullina S., Gerasimova D. Transformation of the values of Generation Z – Residents of the digital society of sustainable development. In: *E3S Web of Conferences, Yekaterinburg, September 28th–29th, 2020*. Yekaterinburg, 2020. Available at: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/68/e3sconf_ift2020_09043.pdf (accessed: 20.07.2021).
 18. Cronin B., Crawford H. Information Warfare: It's Application in Military and Civilian Contexts. In: *The Information Society*, 1999, vol. 15, pp. 257–263.
 19. Denning D. E. *Information warfare and security*. Washington, GPG, 1999. 260 p.
 20. Gottfried J., Shearer E. News use across social media platforms 2017. In: *Pew Research Center*. Available at: <http://journalism.org/2017/09/07/news-use-across-social-media-platforms-2017> (accessed: 15.06.2021).
 21. Guess A., Nagler J., Tucker J. Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook. In: *Science advances*, 2019, vol. 5, no. 1, p. eaau4586. Available at: <https://advances.sciencemag.org/content/5/1/eaau4586/tab-pdf> (accessed: 20.07.2021). DOI: 10.1126 / sciadv. aau4586.
 22. Harley J. A. Information, technology, and center of gravity. In: *Naval War College Review*, 1997, vol. L, no. 1, pp. 65–80. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol50/iss1/5> (accessed: 15.06.2021).
 23. Klein D., Wueller J. Fake News: A Legal Perspective (March 8th, 2017). In: *Journal of Internet Law*, 2017, vol. 20, no. 10. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2958790> (accessed: 17.06.2021).
 24. Kornish P. *On Cyber Warfare*. London: The Royal Institute of International Affairs, 2010. 124 p.
 25. Lazer D. M. J., Baum M. A., Benkler Y., Berinsky A. J., Greenhill K. M., Menczer F., Zittrain J. L. The science of fake news. In: *Science*, 2018, no. 359 (6380), pp. 1094–1096. DOI: doi.org/10.1126/science.aao2998
 26. Linebarger P. M. A. *Psychological Warfare: International Propaganda and Communications*. Duell, Sloan and Pearce, 1954. 318 p.
 27. Liu Y., Dehmamy N., Barabási A. L. Isotopy and energy of physical networks. In: *Nature Physics*, 2021, iss. 17, vol. 2, pp. 216–222. DOI: 10.1038/s41567-020-1029-z

28. Macdonald S. Propaganda and Information Warfare in the Twenty-First Century. London, Routledge, 2007. 204 p.
29. Manoilo A. Modern-Day Information Warfare and Hybrid War Operations : Analytical Dossier. Available at: https://www.vision-gt.eu/wp-content/uploads/2021/06/AD_22_2021.pdf (accessed: 17.06.2021).
30. Peters M. A. The Information Wars, Fake News and the End of Globalisation. In: *Educational Philosophy and Theory*, 2017, no. 50 (13), pp. 1–4. DOI: 10.1080/00131857.2017.1417200
31. Ivančík R. Informačná vojna – jeden z multidisciplinárnych fenoménov súčasnej ľudskej spoločnosti. In: *Politickú Vedy*, 2021, vol. 24, no. 1, pp. 135–152. DOI: <https://doi.org/10.24040/politickevedy.2021.24.1>
32. Rampersad G., Althiyabi T. Fake news: Acceptance by demographics and culture on social media. In: *Journal of Information Technology & Politics*, 2020, no. 17-1, pp. 1–11. DOI: 10.1080/19331681.2019.1686676
33. Schiavo R. Vaccine communication in the age of COVID-19: Getting ready for an information war. In: *Journal of Communication in Healthcare: Strategies, Media, and Engagement in Global Health*, 2020, no. 13-2, pp. 73–75. DOI: 10.1080/17538068.2020.1778959
34. Szafranski R. A. Theory of Information Warfare: Preparing for 2020. In: *Airpower Journal*, 1995, vol. IX, no. 1, pp. 56–65.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.07.2021

Статья размещена на сайте: 30.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ахмадеев Камиль Наилевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета; e-mail: komly1990@gmail.com

Бреслер Михаил Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета; e-mail: bremmaster@yandex.ru

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Kamil' N. Akhmadeev – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University; e-mail: komly1990@gmail.com

Mihail G. Bresler – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University; e-mail: bremmaster@yandex.ru

Andrey V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Science), Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ахмадеев К. Н., Бреслер М. Г., Манойло А. В. Эффективность fake news как инструмента информационной войны в восприятии поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Akhmadeev K. N., Bresler M. G., Manoilo A. V. The effectiveness of fake news as an information war tool in the perception by generation Z. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 321.01

Денежкина Е. В.*Бирмингемский университет**В15 2ТТ, Англия, гр. Уэст-Мидлендс, г. Бирмингем, р-н Эджбастон, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии*

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование эволюционного развития концепции государственной власти и её видоизменения в современную эпоху цифровизации, в том числе с использованием теории реализма, а также разработка нового подхода к пониманию и применению власти на разных уровнях – от городов до национальных и глобальных систем.

Процедура и методы. В статье рассмотрено влияние теории реализма в её эволюционном развитии – от Платона до Н. Макиавелли и Т. Гоббса – на современные концепции власти в международных отношениях и государственном управлении в эпоху цифровых технологий. Анализ теории и практики обусловил необходимость нового определения категорий «власть», «сверхдержава» с использованием теории системного анализа, а также развития концепции «мягкой власти» Дж. Ная в новых условиях. В работе были использованы методы сравнительного и критического анализа.

Результаты. Разработан новый подход к пониманию категории «власть» и даны переосмысленные определения понятиям «власть» и «государственная власть», «потенциал», «сверхдержава», «человеческий капитал»; создана типология власти с помощью образов древнегреческих божеств и теории реализма. Обозначены рекомендации по совершенствованию государственного управления на практике с учётом нового подхода и разработанной концепции.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в применении исследования эволюционного развития теории реализма к предложенной концепции власти в контексте современного развития государства – «умной власти», а также в соединении философской и управленческой доктрины в отношении концепции «человеческий капитал». Практически значимыми являются разработанные рекомендации по применению переосмысленной концепции государственной власти и влияния сверхдержав в процессе разработки и внедрения стратегических планов, внедрения системы электронного управления. Рекомендуется вниманию как учёных, преподавателей и студентов профильных университетов, так и практиков в сфере государственного управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

власть, государственная власть, город, умная и гибридная власть, человеческий капитал, талант, искусственный интеллект, электронное государственное управление, цифровизация

СТРУКТУРА

Введение

Концепция реализма в понимании категории «власть»

Власть как явление, механизм и система

Власть как метод влияния: развитие концепции мягкой, жёсткой, гибридной и умной власти «Коридор власти», «Левифан» и эффективное управление

Власть городов: место и время проявления потенциала

Власть и Сверхдержавы

Заключение

E. Denezhkina

School of Government, University of Birmingham,
Edgbaston, Birmingham, B15 2TT, United Kingdom

THE CONCEPT OF POWER IN THE ERA OF DIGITALISATION

ABSTRACT

Aim. Examines the historical evolution of the concepts of power and state governance and their adaptation to the current digital era, drawing on realist theory and developing a new approach with new definitions and typologies for application at different levels of government.

Methodology. The article drawing on the influence of *realist* theory, from Plato to Machiavelli and Hobbes, on concepts of power, international relations and public administration in the digital era. The analysis of both theory and practice, through comparative and system analysis, demonstrates the necessity of new categorisations of 'state power' and 'superpower', and similarly, further development of Joseph Nye's concept of soft power for new conditions.

Results. A new approach is developed, based on realism, with a new categorization of power, state governance, superpower, state capability and human capital, personified by Ancient Greek deities. Recommendations for improved state governance are made according to this new concept.

Research implications. The theoretical significance of the article lies in drawing on the history of realist theory to develop a new concept of 'smart' power in the context of the contemporary state, and in bringing together philosophical and managerial discourse around the concept of 'human capital'. The practical significance lies in the recommendations for applying the reconfigured concept of state power and of the role of superpowers in the development and implementation of strategic planning and e-governance. The article is aimed at scholars, teachers, students in relevant disciplines and at practitioners in public policy and administration.

KEYWORDS

power, state governance, cities, smart and hybrid power, human capital, talent management, artificial intelligence, e-governance, digital era, digitalisation

ВВЕДЕНИЕ

В мировой научной литературе значительное внимание уделено концепции «власть»: от древнегреческой философии [2; 7; 13; 15] до современных исследований применения различных аспектов власти [3; 6; 22] – политического, финансово-экономического, военно-технического, информационного и др. Однако наблюдается некоторый разрыв между исследованиями в области теории власти и практикой её использования на национальном или международном уровне. В связи с этим в данной статье сделана попытка критически проанализировать и структурировать различные теоретико-философские подходы в их эволюционном развитии с реальной практикой государственного управления и межгосударственных отношений. При этом в качестве центрального элемента предложенной концепции «умной власти»

выступает человеческий капитал и эффективность его использования в эпоху цифровизации.

КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗМА В ПОНИМАНИИ КАТЕГОРИИ «ВЛАСТЬ»

Концепция *реализма* [7], уходящая корнями в древнюю философию [15] и повлиявшая на многие политические [6], социально-культурные преобразования в мире, не имеет единого толкования [7] и претерпела значительные изменения в истории [4]. Теория реализма [3] позволяет провести многодисциплинарное изучение развития отдельных государств [4; 20], используя концепции политического реализма [3] и прагматизма [3; 9]. Кроме того, реализм затрагивает значимый аспект в международных отношениях – мораль [13; 15], что особенно важно в эпоху развития цифровых технологий [10]. В научных трудах по теме реализма авторы часто полагают, что на вопрос о понимании бытия реализм даёт положительный ответ, а не-реализм – отрицательный [3; 7; 13].

Философские идеи Платона [14], уходящие корнями в историю, стимулировали дискуссию о верховной власти, а идеи Аристотеля – о статусе верховных политических, царствующих и духовных лидеров [15]. При этом философия Платона, утверждавшего, что идеи существуют объективно, дала начало концепциям объективного идеализма и крайнего реализма [7], а философия Аристотеля дала импульс зарождению умеренного реализма [3], выдвигая тезис, что каждая вещь имеет свою материю и форму, а ум человека познаёт объективную реальность [13].

Теория реализма лежит в основе многих концепций, которые часто используются исследователями для анализа «реальной политики» [3; 7; 17], согласно чему государства рассматриваются с точки зрения конкурирующих субъектов [19], а в качестве образа используется прототип агрессивной природы человека, конфликтующего и борющегося за выживание [9]. Поэтому сторонники реализма [3; 7; 13] и концепций «реальной» или «властной» политики [4; 16; 20] делают акцент на применении силы как гаранта безопасности. Так, например, Н. Макиавелли считал, что военная власть превышает богатства, что конфликты неизбежны из-за противостояния интересов отдельных субъектов [18], а Т. Гоббс полагал, что именно военная сила ведёт к богатству [2]. В частности, Гоббс мыслил, что конфликты неизбежны и способны принять вид «эпидемии» [2; 9; 13]. В своём труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» английский мыслитель изложил концепцию сильной абсолютной власти [2], подлежащую анализу.

При этом если в трудах Платона власть рассматривается с точки зрения управления государством и принуждения [14], то Н. Макиавелли видел во власти способ взаимодействия «государя» и общества [13], что позволяет

считать этого философа основателем теории политического устройства [23] и автором одной из первых моделей государственного управления [20].

Т. Гоббс, сравнивая верховную власть с библейским существом Левиафаном, указывал на вред отсутствия главенствующей власти [2]. Как показывает анализ, в своих суждениях Т. Гоббс придерживался авторитарных позиций с точки зрения современной политологии [23], утверждая, что власть государства выше всех законов и не подлежит контролю: «Граждане обязаны подчиняться абсолютной власти, пока та способна защищать их ... власти, которая устанавливает государственный порядок в стране» [2]. Это суждение послужило поводом для множества упрощенных интерпретаций учения Гоббса, когда Левиафаном (библейским чудовищем) [17] некоторые авторы называли государство [9; 13; 17], забывая о важных фундаментальных принципах и способах его формирования и развития. В частности, из двух предложенных Гоббсом способов «достижения Левиафана» – создания сильного, устойчивого государства – не вооружённый захват власти, а мирное и поступательное создание «общего богатства» на основе согласия между людьми в виде социального контракта [2]. Именно это представляется наиболее ценным для современного понимания развития и стабильности [12; 18].

Разные направления развития теории реализма создали более широкую базу для её интерпретаций: так, например, *классический реализм* определил цель развития государства в максимизации власти [10; 23]. Сторонники этой теории сделали акцент на превосходстве военной власти над другими её видами и на трактовке государств как независимых субъектов на международной арене [8].

Неореализм мыслил большую свободу государств в выборе стратегий взаимоотношений [9; 18], полагая, что мир по определению анархичен. Согласно теории *оборонного реализма*, главное – это обеспечение максимальной безопасности государства [4; 10], а согласно теории *нападающего реализма* – максимизация власти государства, достаточной для демонстрации своего влияния в мире с позиции силы [13; 22; 23].

Развитие теории реализма может быть представлено в виде волнообразной траектории [5] по типу волн Кондратьева [6]. Как видно из приведённого краткого анализа теории реализма (см. табл. 1), в разнообразии её направлений просматриваются разного рода обоснования возможных международных противоречий, конфликтов [4; 10; 13], а идея мира рассматривается либо как результат баланса мировых сил [16], либо как среда для государственной политики [8].

Примечательно, что многие более поздние концепции реализма [3; 9; 23], появившиеся уже во времена «холодной войны», рассматривали: международные отношения как объективно-конфликтные [19]; концепцию доминирования властей разных стран – как природу геополитики [12]; вопрос безопасности – как главную цель политики государств [8; 10]. Если концеп-

Таблица 1 / Table 1

Классификация основных концепций власти в теории реализма / Classification of the main concepts of power in the theory of realism

Теория / Концепция	Основные положения	Основные представители / Главные идеи
Политический реализм	Цель стратегии государства – мировое превосходство и максимизация власти.	Аристотель. Человек – политическое существо, а политика – это живой организм. Город (полис) – естественная среда для сообщества, семья – основа социума. Теория политического партнёрства и социального контракта. Модель смешанного государства, сочетающего разные типы власти. Математическая модель выборной системы. Этика в политике. Н. Макиавелли. Политика – особый предмет и область культуры. Реальность отличается от идеала: что «должно быть», согласно нравственной и религиозной этике, – от «вещей, как они есть». Концепция антропологического пессимизма и важность государственного контроля. Основа политики – объективная историческая необходимость. Природа политики коренится в глубинах человеческой психики. Т. Гоббс. Наличие сильного и властного государства (Leviathan / Левиафан) ведёт к прекращению конфликтов, «войны всех против всех» и достижению мира. Два пути достижения Левиафана: успешное государство на основе «социального контракта» между государством и народом / путь захвата богатств с применением силы. Э. Кар. Фактор могущества – справедливость: «справедливость – это право сильнейшего», «мораль – продукт власти». Реализм – это достижимая конечная цель, апеллирование к эмоциям, право вынесения морального суждения, основание для действия.
Классический реализм	Государства – главные участники международных отношений и действуют в своих интересах.	Фукидид. Государства мотивированы личными интересами, власть имущие скрывают это с помощью идеалистических аргументов. К. Валц. Государства – это главные актёры на мировой арене, где нет надстроечного управления, поэтому они действуют в своих интересах. Власть – для самосохранения. Страх ведёт к агрессии. Государство не приветствует резких перемен и, подобно природе человека, заботится о безопасности.
Неореализм или структурный реализм	Власть государства ограничена структурой международного сотрудничества.	К. Уолц. Уход от принципов политического и классического реализма к более сбалансированному пониманию власти.

Теория / Концепция	Основные положения	Основные представители / Главные идеи
Оборонный реализм	Укрепление безопасности – цель государства. Баланс сил – гарант мира.	К. Уолтц, Р. Гилпин, Ч. Зер, Р. Джервис, Б. Бузан, С. Эвера. Хаотичность устройства мира – это источник постоянной угрозы безопасности. Сдерживание наступательных инициатив через укрепление оборонспособности государства. Главная цель – укрепление положения в мировой системе. Оборонительные стратегии способны сбалансировать внешние силы и снизить угрозы. Властные элиты способны преувеличивать угрозы для наращивания обороны за счёт национальной экономики.
Наступательный реализм	Превосходство сверхдержавы Сила – власть.	Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Г. Моргентау, Дж. Мирамар. Власть государства выражается в его военной силе. Баланс сил в мире зависит от власти отдельных государств. Лучший способ обеспечить безопасность – это гегемония власти и силы. В условиях международной анархии государства следуют согласно своим национальным интересам. Природа государств агрессивна и конфликты неизбежны. Военная наступательная мощь – источник постоянной угрозы. Гарант безопасности – наступление в качестве обороны. Кооперация нарушает баланс сил. Наращивание военной мощи – главный источник власти и влияния в мировой системе. Р. Швеллер, У. Уолдорф: не имея высшего надстроечного органа власти, государства могут действовать агрессивно в своих интересах.
Идеализм	Международные законы и международные организации – это верховная власть Принципы морали и взаимного уважения во взаимоотношениях.	Платон. Противопоставление вечных сущностей и мира чувствительных явлений. <i>Материя мира – среднее звено между бытием и небытием.</i> Дж. Беркли. В основе всего – духовность. Объективный идеализм: нет свободы воли. Основа нравственности – в чувстве. Восприятие мира – впечатления и идеи, вызванные Богом. Дж. Миль, Дж. Юм (английская школа). Субъективный идеализм – отрицание объективной реальности. Мир – это совокупность ощущений, переживаний, настроений, действий субъекта. Реальность – только мыслящий субъект. Познание начинается с опыта. И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. Ницше, З. Фрейд, Г. Гегель (немецкая школа). Идея свободы и романтизма. Независимость всех людей и анти-колониализм. Вселенная создана естественным образом под действием динамических сил из космического газа. Общее начало устройства мира и образование одной системы.

Теория / Концепция	Основные положения	Основные представители / Главные идеи
		Противоречия должны быть доказуемы либо опровергнуты. Сила не может стать объектом для исследования. Люди должны познавать в себе явления, а не вещи. Принцип свободы, который способен объединить теорию и практику. Философский подход к миру.
Либерализм	Соблюдение прав и свобод граждан – высшая ценность и основа порядка. Отделение церкви от государства. Равенство всех перед законом. Выборность в политике. Свобода торговли и предпринимательства.	Н. Макиавелли. Принципы республиканского правления. Т. Гоббс. Социальный контракт гражданина с государством, гарантирующий безопасность. Социальная помощь по социальному контракту предполагает активные действия самих получателей. Теория человеческой мотивации и социального бытия. Дж. Локк. Право человека, свобода и равенство перед законом, право частной собственности. Концепция индивидуальной свободы граждан как ценности государства. Ж-Ж. Руссо. Критика социального либерализма и кооперации. Прогресс наук и искусств не способствовал благополучию, но испортил нравы. Теория народного суверенитета. Развитие цивилизации повлияло на рост общественного неравенства и на регресс свободы. Дж. Мэдисон, Ш. Монтескье. Разделение ветвей власти в государстве на законодательную, исполнительную и юридическую. А. Смит. Свобода цен, конкуренции, спроса и предложения вместо государственного регулирования. «Невидимая рука», ведущая граждан и предприятия к накоплению капитала страны. Дж. Милль. Свобода слова – условие интеллектуального и социального прогресса. Социальная свобода против политической тирании. Свобода – это необходимость власти. Фр. Вольтер. Справедливость – связующее звено любого общества. Мы рождены с моральным принципом: не должно никого преследовать за его образ мышления.
Конструктивизм	Каждое государство уникально. Международные отношения определяются общим социальным пространством и балансом сил. Акцент на социальные взаимоотношения.	А. Венд, Н. Онюф, Э. Хаас. Уровни самоопределения государства: 1) с помощью политики все государства тесно взаимосвязаны; 2) особенности национальной политики, экономики и общества; 3) отведённые государствам роли не могут удовлетворять всех, что ведёт к «неудовлетворённой власти»; 4) принадлежность государств к союзам и альянсам создаёт новое властное образование.

ции идеализма получили в дальнейшем развитие в виде концепции «мягкой власти» [22], то другие направления реализма, включая неореализм и либерализм, склонны к трактовке власти либо как «жесткой» [9], либо как «гибридной» [1].

Как показывает анализ, на более ранних этапах развития концепции реализма речь шла о внутригосударственном устройстве власти [2; 15; 16], а на более поздних концепция свелась к межгосударственным отношениям [4; 11; 22], что дало начало дискуссии по вопросу роли власти: «власть для мира» или «власть для конфликта» [1; 18].

В международной научной литературе наблюдается своего рода дисбаланс: повышенное внимание уделяется изучению политического аспекта власти [3; 4; 17; 23] и недостаточное – исследованию экономического, социального, культурного аспектов [15]. Одновременно очевиден и парадокс: в отличие от ранних трудов в области концепции власти [2], сегодня наблюдается неопределённость в основных понятиях, принципах и определениях, что и обусловило необходимость данного исследования.

ВЛАСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ, МЕХАНИЗМ И СИСТЕМА

Власть как явление может иметь гипотетические сходства и следующие в своих проявлениях типы: власть как любовь или ненависть (сильное эмоциональное чувство, способное противостоять рациональному мышлению, достижению либо баланса, либо конфликта); власть как красота (синтез чувствительного и рационального); власть как природное явление (неуправляемость; может быть краткосрочным или долгосрочным явлением). Такой ход позволяет исследовать различные аспекты влияния власти [22].

Власть как инструмент или механизм – более рациональное и методичное использование власти в качестве либо давления, кардинального изменения, либо усовершенствования одной из сторон. Оно предполагает чёткое разделение ролей субъекта и объекта власти. Как показывают результаты исследования, инструментарий власти может быть разнообразен по количеству, объёму, продолжительности применения, степени легитимности [9].

Власть как система на уровне государства предполагает изучение её составных частей: политической, экономической, социальной, а также образовательной, в рамках которой формируются знания и культурные ценности [8; 18].

Приведённая типология власти позволяет привлечь различные науки к её исследованию: власти как явления – психологию, социологию, естественные науки; власти как механизма – математику, механику; власти как системы – политэкономия. Это позволяет использовать методы и оценки, заимствованные из других наук и областей знаний, в теории власти и государственного управления.

В последние годы особое внимание уделяется аспекту взаимосвязи власти государства и экологии, охраны природы, что обуславливает соприкосновение общественных наук с географией, геологией, ботаникой и зоологией, заимствование соответствующих методов и технологий исследования [19].

Данный подход к изучению власти позволяет исследовать причинно-следственные связи между её составляющими, а также судить о степени прогрессивности, конкурентоспособности и привлекательности анализируемой системы государственной власти [15; 21; 22]. Соответственно, максимальный баланс и гармония разных типов и подсистем власти – это наиболее желательная и устойчивая модель государственной власти, т. е. основа для эффективного управления.

ВЛАСТЬ КАК МЕТОД ВЛИЯНИЯ:

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ *МЯГКОЙ, ЖЁСТКОЙ, ГИБРИДНОЙ И УМНОЙ* ВЛАСТИ

Концепция «мягкой» власти, разработанная Джозефом Наем, получила развитие в 2000-е гг. [22]. При этом автор полагал, что предмет его изучения – США – теряет свои позиции в мире и снижает темпы своего развития, но «вынужден лидировать в мире» [22; 23], аргументируя, что, помимо военной и экономической власти, его страна сильна культурой, образованием, образом, достойным подражания. При этом автор указывает, что США тратит в 4 раза меньше бюджета на «мягкую» силу по сравнению с «жесткой», а именно с расходами на армию [22].

Рассматривая в качестве главного критерия «привлекательность» страны, Най проводит сравнительный анализ степени привлекательности США в разных странах по ряду показателей: признанию превосходства в области научно-технического прогресса, музыки, кино и телевидения, ценностям демократии, ведению бизнеса, распространению идей и традиций [22]. Описывая три главных вида власти – военную, экономическую и мягкую, – Най выделяет их основные характеристики и методы влияния.

Приводя множество примеров, автор аргументирует, что его концепция может быть применима и в госслужбе, и в бизнесе [11]. При этом, как показывает анализ, в оценках мягкой силы Наем наблюдается склонность к тем же материально-экономическим ценностям: «это дешевле для лидерства» [22; 10].

Очевидна правота исследователя в теоретическом вопросе источников «мягкой» власти, а именно культуры (в части её привлекательности). Можно согласиться с его выводом, что культура – это «сущность общества» [22]. Однако спорными являются суждения политолога о том, что культурные ресурсы не способны произвести «мягкую» власть [19; 22]. По нашему мнению, именно культура в широком смысле этого термина, включая качественное образование и просвещение, достижения науки, культуру дипломатии и на-

выки использования цифровых технологий, способна произвести «мягкую» силу, оказывающую заметное влияние.

Развивая концепцию Ная, целесообразным представляется определить понятия не только «мягкой» и «жёсткой» власти (или силы), но и «гибридной» [1] и «умной власти» [12] в новых реалиях информационных технологий и цифровизации. А именно:

– «*Мягкой*» можно считать власть, опирающуюся на методы прямого и косвенного воздействия путём привлечения, убеждения и согласования, согласно трактовке Ная [22]. Однако в современных условиях имеет смысл добавить элемент образа субъекта власти, распространяемого в социальных сетях и цифровом пространстве. Позитивный (как и негативный) образ, если становится устойчивым, способен влиять на выбор предпочтений и принятие решений в отношении субъекта власти во всех сферах – политической, экономической и др. [1].

– «*Жёсткой*» или «*твёрдой*» можно считать власть, противоположную мягкой и использующую угрозы, натиск, давление, демонстрацию и применение силы [9; 10; 13], а также командный стиль взаимоотношений с позиции властного превосходства (санкции, вооружённые конфликты, навязывание соглашений и т. п.) [23]. Если в прежние времена проявление жёсткой власти было очевидно [4], то в эпоху цифровых технологий возможны более скрытые формы властного влияния [1]. Сниженная степень контроля над применением силы в электронных сетях приводит к более агрессивным тактикам в реальном применении силы по принципу Макиавелли [23]. Новыми «орудиями» «жёсткой» силы стали подмена или игнорирование фактов, двойные стандарты и правила, обход международного права и т. п. [23]. Соответственно, в понятие такого рода власти имеет смысл включить элементы подмены реальных фактов на желаемые аргументы, агрессивное нарушение норм и границ информационного пространства и др. [1; 9].

– «*Гибридная*» власть – это не просто совмещение «мягкой» и «жёсткой» власти, а качественная трансформация природы, принципов и методов реализации власти в результате смешения её отдельных элементов или частей. Гибридная власть обладает явными и скрытыми чертами, что особенно характерно для её демонстрации в электронном пространстве [1; 11], чем вызвана её особая опасность.

– «*Умная*» власть – способность принять взвешенные решения в области стратегического развития [8] с применением информационных технологий в целях формирования и развития человеческого капитала [5; 19], эффективного использования человеческих ресурсов [4; 19] и талантов. Её результатом являются нововведения, открытия, достижения, делающие объект власти передовым, лидирующим и привлекательным [22]. Основным «орудием» данной власти являются знание и профессиональное государственное управление, создающее условия для расцвета творчества [8]. При

этом «умная» власть предполагает не только уровень национальных и межнациональных отношений, но и субнациональные уровни – города («умный город») [15; 16; 21], регионы, республики, не нарушая единства сообщества. Методами влияния данного типа власти становятся демонстрация и применение достижений, в том числе исторических, вклад в мировой прогресс науки и культуры [4; 15]. В отношении технико-технологических нововведений «умная» власть проявляется в эффективной конверсии или двойном применении технологий, принципов и подходов из военной или оборонно-промышленной сферы («жёсткой» власти) в гражданскую (способствуя «мягкой» власти). Так, определение «умной» власти может включать такие элементы, как эффективное долгосрочное стратегическое планирование, многоуровневое партнёрство (в качестве механизма внедрения стратегических планов и программ), создание привлекательных условий для развития человеческого капитала и бережного использования трудовых ресурсов и талантов. Результат – расцвет творчества, создание новых знаний и технологий, а также вклад в национальную и мировую науку и культуру.

Данный вид власти представляется самым прогрессивным, но и самым сложным для осуществления, так как основан на качестве (а не количестве) всех видов ресурсов и результатов.

Разные виды или типы власти, указанные выше, имеют свои характеристики, отличаются разными методами воздействия, что делает их схожими с мифическими богами Древней Греции [14] или Рима. Это стимулирует воображение, раздумья над вопросами добра и зла, причин и следствий, неизбежности, войны и мира. Обращаясь к природе человека, его желаниям и соблазнам, мифические персонажи в известной мере иллюстрируют те же вопросы, которые волновали философов теории реализма – доминирования и влияния в мире [14].

Именно этим обусловлена приведённая ниже типология власти, где каждому из типов предлагается дать имена древнегреческих богов, отражающих природу и сущность данной власти (см. табл. 2).

«КОРИДОР ВЛАСТИ», «ЛЕВИАФАН» И ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

По мнению Ф. Фукуямы, «сильное – это, прежде всего, эффективное государство» [13], с чем трудно не согласиться. В своей книге Фукуяма цитирует философов теории реализма – Т. Гоббса [2], Дж. Локка, – исследуя историю зарождения империй и древних государств [13]. Он, в частности, рассматривает разные виды формирования государства в зависимости от теорий, лежащих в основе их становления и развития (например, государство как «добровольный государственный контракт», как «инженерный проект», как «результат насилия» или «харизматичного авторитета»), анализируя возникновение греческого, римского, индийского, китайского и других государств

Таблица 2 / Table 2

Типология современных категорий власти с символическими названиями из древнегреческой мифологии / Typology of modern categories of power with symbolic names from ancient Greek mythology

Тип власти	Основные характеристики и методы применения	Божество: Греческое (Римское)	Мифологические характеристики
Политическая	Реальная способность одной социальной группы или класса повелевать над другими, используя государственный аппарат, партии и общественные организации.	Зевс (Юпитер)	Бог неба, грома и молний, властелин мира, лидер богов [14].
Жёсткая	Использование угрозы, натиска, давления, демонстрации и применения силы, командный стиль взаимоотношений с позиции властного превосходства.	Арес (Марс)	Бог вероломной, коварной и кровавой войны. Образ: меч в руке и шлем на голове. Сын Зевса. Самый ненавидимый людьми бог.
Мягкая	Прямое и косвенное воздействия путём привлечения, убеждения и согласования в ходе одновременно управляемых и стихийных процессов, способных воздействовать на выбор и привести к согласию.	Афродита (Венера)	Богиня красоты и любви. Образ: пояс, внушающий желания любви. Дочь Зевса, рождена из морской пены. Символ обольщения, гармонии, красоты.
Гибридная	Качественное изменение власти (соединение «мягкой» и «жёсткой» власти) с целью сочетания методов согласования и оказания давления; имеющее скрытые характеристики и постоянность изменений.	Пан (Фавн)	Бог ветра, дикой природы, покровитель пастухов и пастбищ. Образ: получеловек-полукозел с дудочкой в руках. Символ естественных желаний и завораживающей музыки, любовных фантазий, чувства паники. Единственный смертный бог.
Умная	Способность эффективно управлять стратегическим развитием на основе успешного формирования и развития человеческого капитала, применения человеческих ресурсов, талантов и информационных технологий с целью внедрения нововведений, открытий, достижений, делающие объект власти передовым, лидирующим и привлекательным.	Гермес (Меркурий)	Бог торговли, удачи, хитрости, красноречия. Покровитель юношества, послов и путников искусств и ремёсел. Проводник душ умерших. Обладатель тайных знаний. Знаток магии и астрологии Символ: оплодотворяющая сила, письменность, красноречие.

[8; 13; 20]. Фукуяма также рассматривает контраст между вариантами роли государства: как главного арбитра при социальном договоре с целью исключения конфликтов (ссылаясь на Т. Гоббса и его теорию Левиафана [2]) и как доминирующего и иерархичного механизма (ссылаясь на Ф. Ницше, считавшего, что «государство – это самый равнодушный из всех монстров» [13]).

К теории реализма обращаются и современные мыслители. Так, в книге «Узкий коридор: как нации борются за свободу» [9] авторы аргументируют, что «для появления свободы оба – и государство, и общество – должны быть сильными», а достижение свободы – это процесс, возможно очень продолжительный, что объясняет термин «коридор», а не «дверь» или «продубленное окно», как во времена Петра Великого и проводимых им реформ в России. Как и Ф. Фукуяма, авторы противопоставляют теории Гоббса о Левиафане идею сильного государства, делая акцент на обязанности «соблюдения законности, предоставления государственных услуг для людей». При этом, по их мнению, граждане тоже должны быть обладателями власти или влияния [9]. Однако и Гоббс, и авторы «Узкого коридора...» сузили понимание власти и свели его к гипотетической борьбе, ссылаясь на эгоистическую природу человека как прототип власти государства [9; 13]. С этим трудно согласиться, так как история знает множество примеров, свидетельствующих о дружелюбности человеческого характера [4; 5], что поддерживает концепцию идеализма или либерализма [18]. Полезной представляется ссылка на книгу Гоббса [2] о необходимости обеспечения безопасности государства, а также о вопросе экономической власти: «надежда реализуется посредством производства, индустрии» [9; 21].

К теме реализма и термину «Левиафан» возвращается автор другой неоднозначной книги под названием «Возвращение Русского Левиафана» [17]. В ней значительно упрощается теория реализма, примером использования «мягкой» власти становится отношение государства к лауреатам Нобелевской премии в СССР [17].

ВЛАСТЬ ГОРОДОВ: МЕСТО И ВРЕМЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА

Как показывает практика, волны урбанизации и волны научно-технического прогресса, о которых писал Н. Кондратьев [5], часто совпадают. Историческую роль городов изучал, в частности, Левис Мамфорд [21], оказавший значительное влияние на развитие европейских и американских городов в 1930–50-х гг. В его труде «Город в истории» [21], например, приведён сравнительный анализ древних и средневековых городов мира с позиций развития цивилизации, науки, культуры, религии, во взаимосвязи с открытиями и нововведениями в области архитектуры, городского планирования и управления, где в центре – человек с его меняющимися интересами [21]. Делая акцент на человеке и городском сообществе как главных ресурсах и

источниках культуры, Мамфорд, по сути, анализирует и создаёт модели государственного управления с учётом концепции «город-государство». Отталкиваясь от исторического опыта, отвечает на вопрос: возможно ли создать такой город, где были бы решены внутренние противоречия и создана база «для обогащения и развития человечества?» [21].

Питер Холл, автор более позднего труда «Города в Цивилизации» [15], также приходит к выводу, что именно в городах происходила трансформация лучших талантов в области науки и культуры, что служило импульсом для стремительного социально-экономического развития, названного им «золотым временем» [15; 16]. В числе его выводов тот факт, что города выступали в истории как «магниты» для талантов, инвестиций, наилучших теорий и практик мира [15]. По утверждению Холла, во всех случаях «искра» таланта одарённых людей и организация общества, способная применить этот талант, становятся главным фактором развития новых знаний, культуры, производства и влияют не только на конкретные города, страны, но и на всё человечество [15]. Более того, Холл вывел своего рода формулу наиболее успешного «золотого времени», близкого к идеальной, или утопической модели более ранних философских концепций [13; 15]. Он ссылаясь также на концепции русских учёных: цикличного развития и «волн» Кондратьева [5; 6] и «средних волн» Кузнеця [15]. С этим мнением едва ли можно согласиться, если принимать во внимание такие понятия, как исторический опыт, знание, информационный капитал или преемственность идей в науке и практике. Однако подход Холла в наибольшей степени совпадает с позицией автора в отношении «гибридной» и «умной» власти, где уместно также учитывать цикличность волн Кондратьева.

ВЛАСТЬ И СВЕРХДЕРЖАВЫ

Об определении понятия «сверхдержава» давно идут споры в научных и экспертных кругах, однако часто им свойственны некоторая поверхностность и абстрактность формулировок с неизбежными ссылками на неопределённый потенциал [9; 22; 23]. Представляется более правильным сфокусировать внимание на *эффективности* использования ресурсов во всём их многообразии, а не на их наличии. Как показывает анализ современных факторов развития, на первое место выходят два аспекта:

а) эффективность государственного управления с учётом новых информационных технологий – «электронное государственное управление» (e-governance);

б) эффективность использования «человеческого капитала», с акцентом на образование, квалификацию и духовно-культурный уровень.

С учётом этого предлагаются следующие определения этих понятий:

- **Сверхдержава** – это лидирующее в международных отношениях государство, эффективно использующее свой потенциал и ресурсы, в том числе человеческий, природный, научно-технологический и социально-экономический капитал, обладающий безупречной репутацией и имеющий весьма значительное влияние в мире.

- При этом главный **потенциал сверхдержавы** – высокообразованное, культурное и экономически активное население страны и зарубежья (диаспоры, общины, партнёры), активно участвующее в жизни страны; эффективно используемые социально-экономические, научно-технологические и природные ресурсы, эксплуатирование которых осуществляется эффективно, справедливо и бережно, без ущерба другим странам и окружающей среде.

- **Степень власти или мощи сверхдержав** проявляется в их взаимоотношениях в рамках международного права и норм этики, о чём свидетельствует теория реализма. При этом знания и умение их применения с использованием информационных технологий и цифровизации становятся наиболее актуальными сегодня.

- В качестве одного из важнейших **показателей деятельности государств и сверхдержав** сегодня выступает стабильное развитие как основа высокого качества жизни. Методом реализации такого рода власти всё чаще становится *модель многоуровневого партнёрства* (как модель социального согласия, описанная выше), при которой в большей степени раскрываются возможности человеческого капитала с его знаниями, умениями, высокой квалификацией и творческим талантом.

- Сравнительно новая **система электронного управления** в государственном секторе и в системе бизнеса предполагает своего рода матрицу взаимоотношений: государство – население; государство – бизнес; государство – наука и техника; государство – работники бюджетной сферы. Такой подход позволяет создать устойчивый баланс власти между её субъектами и объектами, использовать таланты людей, цифровые технологии и искусственный интеллект. Примечательно, что в такой системе в наибольшей степени проявляются элементы теории либерального реализма (см. табл. 1). Данный подход позволяет также перейти от таких концепций, как «человеческие» или «людские ресурсы», «человеческий потенциал», «производительные силы», к более широкому понятию «**человеческий капитал**». Примечательно, что в этом понятии устаревшая сегодня концепция «человеческих ресурсов» [19] объединяла самые разные типы государств независимо от идеологии (коммунизм или капитализм), политических платформ (либеральных или консервативных), типов государств (демократий или автократий) [8; 18]. Ей на смену пришла концепция, основанная на важнейшей роли знаний, образования и наукоёмких технологий. Одновременно с этим благодаря новым информационным технологиям и цифровизации возрос спрос со сто-

роны граждан на достойное государственное управление и предоставление качественных и своевременных государственных услуг, а также появилась растущая потребность в самовыражении граждан, их участии в управлении государством.

Если следовать логике концепции волн исторического развития по модели Кондратьева [5; 6] и учитывать цикличность научно-технических революций, цифровая революция требует нового подхода к развитию и государственной власти. В связи с этим предлагаются уточнённые понятия основных терминов, а именно:

- **Человеческий капитал** – это гармоничная совокупность способностей, знаний, возможностей, квалификации, культуры, мотивации и таланта человека; главное достояние и богатство государства, призванного создавать все условия для его формирования, развития и эффективного применения, в том числе, в общечеловеческих масштабах.

- **Человеческий ресурс** – способность применения части человеческого капитала на благо организации, предприятия или государства, выражающаяся в количественных и качественных результатах, приносящих реальную пользу (прямую или опосредованную) в данной системе власти в конкретный период времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые рекомендации по применению предлагаемого подхода к формированию власти в государственном управлении

1. Сформировать концепцию стратегического развития и систему электронного управления (на уровне государства, отдельных городов и административных делений), используя принципы эффективности и показатели результативности – количественные и качественные;

2. Разработать национальные программы в области развития талантов и человеческого капитала с учётом разработанного подхода.

Для практического использования представленных выше рекомендаций представляется целесообразным внести ясность в основные термины относительно государственной власти, используя разработанный подход и концепцию власти в эпоху цифровизации (см. табл. 3).

Как можно судить по данным таблицы 3, наиболее привлекательным и эффективным государством является то, где созданы условия для достойной жизни и деятельности граждан, для рождения и расцвета талантов, привлечения инвестиций, обеспечения чистой окружающей среды и безопасности. Такое государство, способное обеспечить оборону и стабильность, обладает всеми типами власти – мягкой, жёсткой, гибридной и умной – по типам древнегреческих богов. Однако сверхдержавой может стать только государство, способное эффективно использовать свою власть, в первую очередь –

Таблица 3 / Table 3

Основные понятия категории власти и государственной власти с учётом разработанной концепции / Basic concepts of the category of power and state power, taking into account the developed concept

Власть (Power)	Способы и результаты использования потенциала и ресурсов власти с учётом применения знаний, опыта и информации о наилучших теориях и практиках в рамках определённых норм и законов; с соблюдением принципов морали и этики в отношении объектов и субъектов власти.
Потенциал власти (Power Potential)	Совокупность и взаимодействие всех ресурсов власти – человеческого капитала, социально-экономических, политических, природных, инфраструктурных, информационно-технологических, культурно-духовных и других ресурсов.
Ресурсы власти (Power Resources)	Отдельные элементы потенциала власти, которые могут быть сформированы, приумножены, использованы отдельно или комплексно и в разном сочетании, что требует специальной организации, контроля и управления
Субъект власти (Power subject)	Источник формирования и активного использования власти за счёт применения потенциала и ресурсов власти с целью оказания влияния на объект власти – внутри или вне системы. Субъект власти несёт ответственность за свои действия, способен применять различные методы и стили властного воздействия, эффективность результатов которого оценивается количественными и качественными показателями.
Объект власти (Power object)	Подвластный исполнитель воли объекта власти, выраженной прямо или косвенно, способный соглашаться или сопротивляться давлению со стороны объекта власти, либо вступать в партнёрские отношения с ним, используя комплексную систему взаимосвязей и информационных технологий.
Методы реализации власти (Methods of Power Implementation)	Моральные и материальные, прямые и косвенные способы убеждения или принуждения субъектов власти влиять на объект власти, которые могут осуществляться официально и неофициально, законно и нелегально, с учётом морали и этики, либо их отсутствия. Способны отражать сущность применяемой власти и её объекта связаны с формой управления.
Результаты применения власти (Results of Power Implementation)	Прямые и косвенные результаты, итоги применения субъектами власти своих полномочий и использования потенциала и ресурсов власти с целью оказания влияния на объект (объекты) власти. Могут быть предметом планирования, мониторинга, промежуточного и конечного анализа, а также критериями уровня власти, влиять на её вес, формы и репутацию.

Государственная власть (State Power)	Формирование основных норм и контроль над их соблюдением; формирование законов и правил взаимодействия объектов и субъектов государственной власти с учётом знаний, опыта, новейших нововведений и наилучших мировых практик; с учётом моральных и этических норм; в интересах и с целью обеспечения национальных интересов, наилучшего качества жизни граждан, призванного обеспечить безопасность; устойчивое развитие и бережное отношение к природе. Способна использовать прогрессивные методы управления и взаимосвязи с субъектами и другими объектами власти посредством электронного управления (E-governance).
Субъект государственного управления (State Power Subject)	Совокупность органов государственной власти всех ветвей и уровней, система взаимосвязей между ними и объектами власти, а также добровольное участие в разработке и внедрении государственных программ представителей науки, общественности и бизнеса в рамках партнёрства и разделения ответственности за результаты деятельности. Могут использовать различные методы убеждения и принуждения объектов власти с целью соблюдения законов, а также внедрять нововведения и наилучшую мировую практику в систему управления. Отдельные составные элементы и административные подразделения могут выступать в качестве объекта власти.
Объект государственной власти (State Power Object)	Отдельные или совокупные подвластные исполнители в виде граждан, социальных групп, предприятий, секторов, отраслей экономики и т. п., подвергающиеся добровольному или принудительному соблюдению законов государства и пользующиеся ресурсами и потенциалом государства на основе партнёрских договоров и соглашений с субъектами власти. Отдельные элементы и составные части могут выступать объектами власти (государственные предприятия, организации, социальные, общественные или бизнес-группы, отдельные граждане) с использованием современных средств коммуникаций и прямого участия в принятии решений.
Результаты деятельности государственной власти (Results of State Power Implementation)	Прямые и косвенные результаты применения субъектами государственной власти своих полномочий в рамках законов и использования потенциала и ресурсов государственной власти с целью оказания влияния на объект (объекты) власти. Должны быть предметом стратегического планирования, мониторинга, промежуточного и конечного анализа, а также критериями уровня эффективности государственной власти, должны влиять на её вес, формы и репутацию государства.

власть человеческого капитала как источника знаний, талантов и творческих способностей. В государстве такого рода возможен наилучший баланс между новыми технологиями и талантами граждан, искусственным и реальным интеллектом – баланс, обеспечивающий лидерство страны и её заметное влияние в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / отв. ред. П. А. Цыганков. М.: Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2015. 381 с.
2. Гоббс Т. Левиафан: или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
3. Добренъков В. И. Политический реализм или политический прагматизм в международных отношениях // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 18–32.
4. История России. XX век: в 3 т. Т. 2: Эпоха сталинизма (1923–1953) / отв. ред. А. Б. Зубов. М.: Э, 2017. 251 с.
5. Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / отв. ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: URSS, 2010. С. 189–229.
6. Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе // Кондратьевские волны. 2012. № 1. С. 58–109.
7. Краевский В. Три ступени познания и спор реализма с анти-реализмом // Философия науки. 1995. Т. 1. № 1. С. 204–215.
8. Федерализм: учебное пособие / под общ. ред. В. И. Коваленко, О. В. Морозова. М.: Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2016. 496 с.
9. Acemoglu D., Robinson J. A. The Narrow Corridor: How Nations Struggle for Liberty. London: Penguin, 2020. 556 p.
10. Berman E., Prasojo E. Leadership and Public Sector Reform in Asia. London: Emerald Publishing, 2018. 298 p.
11. Brancato E. Markets versus Hierarchies: A Political Economy of Russia from the 10th Century to 2008. Cheltenham, UK, Northampton, MA: Edward Elgar, 2009. 237 p.
12. Brodsgaard K. E. Globalization and Public Sector Reform in China. London: Routledge, 2016. 237 p. DOI: 10.1017/S0305741016000436
13. Fukuyama F. The Origins of Political Order. London: Profile Books, 2011. 585 p.
14. Graf F. Greek Mythology. Baltimor: John Hopkins University Press, 1993. 230 p.
15. Hall P. G. Cities in Civilization. London: Weidenfeld & Nicolson, 1988. 1169 p.
16. Mackenney R. The City-State, 1500–1700. London: Macmillian, 1989. 72 p.
17. Medvedev S. The Return of the Russian Leviathan. Cambridge: Polity press, 2020. 286 p.

18. Miller D. Political Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2003. 147 p.
19. Min Min, Zhu Ying. Improving Competitiveness through Human Resource Development in China. London: Routledge, 2020. 129 p.
20. Minzner C. The End of an Era: How China's Authoritarian Revival is Undermining Its Rise. Oxford: Oxford University Press, 2018. 269 p.
21. Mumford L. The City in History. London: Morrison & Gibb, 1961. 657 p.
22. Nye J. S. Soft Power. New York: Public Affairs, 2002. 191 p.
23. Timms H., Heimans J. New Power: How it's changing the 21st century – and why you need to know. London: Macmillan, 2018. 325 p.

REFERENCES

1. Tsygankov P. A., ex. ed. *"Gibridnye voiny" v khaotiziruyushchetsya mire XXI veka* ["Hybrid wars" in a chaotic world of the XXI century]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2015. 381 p.
2. Gobbs T. *Leviathan: ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan: or the matter, form, and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1936. 503 p.
3. Dobren'kov V. I. [Political realism or political pragmatism in international relations]. In: *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2019, vol. 8, no. 1, pp. 18–32.
4. Zubov A. B., ex. ed. *Istoriya Rossii. XX vek. T. 2: Epokha stalinizma (1923–1953)* [Russian history. XX century. Vol. 2: The era of Stalinism (1923–1953)]. Moscow, E Publ., 2017. 251 p.
5. Korotaev A. V., Tsirel' S. V. [Kondratiev waves in world economic dynamics]. In: Khalturina D. A., Korotaev A. V., ex. eds. *Sistemnyi monitoring. Global'noe i regional'noe razvitie* [System monitoring. Global and regional development]. Moscow, URSS Publ., 2010, pp. 189–229.
6. Korotaev A. V., Grinin L. E. [Kondratiev waves in a world-systems perspective]. In: *Kondrat'evskie volny* [Kondratiev waves], 2012, no. 1, pp. 58–109.
7. Kraevskiy V. [Three stages of cognition and the dispute between realism and anti-realism]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 1995, vol. 1, no. 1, pp. 204–215.
8. Kovalenko V. I., Morozov O. V., eds. *Federalizm* [Federalism]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2016. 496 p.
9. Acemoglu D., Robinson J. A. The Narrow Corridor: How Nations Struggle for Liberty. London, Penguin, 2020. 556 p.
10. Berman E., Prasojo E. Leadership and Public Sector Reform in Asia. London, Emerald Publishing, 2018. 298 p.
11. Brancato E. Markets versus Hierarchies: A Political Economy of Russia from the 10th Century to 2008. Cheltenham, UK, Northampton, MA, Edward Elgar, 2009. 237 p.
12. Brodsgaard K. E. Globalization and Public Sector Reform in China. London, Routledge, 2016. 237 p. DOI: 10.1017/S0305741016000436
13. Fukuyama F. The Origins of Political Order. London, Profile Books, 2011. 585 p.

14. Graf F. Greek Mythology. Baltimor, John Hopkins University Press, 1993. 230 p.
15. Hall P. G. Cities in Civilization. London, Weidenfeld & Nicolson, 1988. 1169 p.
16. Mackenney R. The City-State, 1500–1700. London, Macmillian, 1989. 72 p.
17. Medvedev S. The Return of the Russian Leviathan. Cambridge, Polity press, 2020. 286 p.
18. Miller D. Political Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 2003. 147 p.
19. Min Min, Zhu Ying. Improving Competitiveness through Human Resource Development in China. London, Routledge, 2020. 129 p.
20. Minzner C. The End of an Era: How China's Authoritarian Revival is Undermining Its Rise. Oxford, Oxford University Press, 2018. 269 p.
21. Mumford L. The City in History. London, Morrison & Gibb, 1961. 657 p.
22. Nye J. S. Soft Power. New York, Public Affairs, 2002. 191 p.
23. Timms H., Heimans J. New Power: How it's changing the 21st century – and why you need to know. London, Macmillan, 2018. 325 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.07.2021

Статья размещена на сайте: 21.09.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Викторовна Денежкина – кандидат экономических наук, лектор и научный сотрудник Центра государственной политики Бирмингемского университета; e-mail: e.denezhkina@bham.ac.uk

Elena V. Denezhkina – PhD (Economics), Lecturer, Researcher, School of Government, University of Birmingham; e-mail: e.denezhkina@bham.ac.uk

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Денежкина Е. В. Концепция власти в эпоху цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Denezhkina E. V. The concept of power in the era of digitalisation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327.54; 355.01

Евстафьев Д. Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

АННОТАЦИЯ

Цель: определить место платформы «гибридных войн» и соответствующего инструментария в системе современных глобальных трансформаций, связанных с глубоким переформатированием системы глобальных экономических отношений, включая и базовые связи взаимозависимости, возникшие в период поздней глобализации.

Процедуры и методы. Кластеризация регионов текущих геоэкономических изменений с целью выявления ключевых узлов трансформаций и инструментов, действовавших для управления ими. Процессы рассматриваются сквозь призму «теории конфликта» Т. Шеллинга и её последующих интерпретаций, но с учётом принципиально новой роли и места «информационного общества».

Результаты. Сделаны вывод о нарастании значимости военно-силового компонента в инструментарии «гибридных войн» на фоне обозначившейся недостаточности современного поколения информационно-манипулятивных методов, для решения стоящих перед глобально значимыми центрами силы геоэкономических задач. Несмотря на возникающие диспропорции, платформа «гибридных войн» остаётся наиболее операционно безопасной для управления цепочками конфликтов, приводящих к геоэкономическим трансформациям на уровне целых регионов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделан вывод о неизбежности выхода на новое поколение «гибридных войн», характеризующееся большим разнообразием инструментария в переходной зоне от конкуренции мирного времени к «тёплому конфликту».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гибридная война, теория конфликта, информационные манипуляции, экономическая взаимозависимость, управление конфликтом

СТРУКТУРА

Введение: трансформации глобальной экономической взаимозависимости как базовый фактор глобального развития

Постановка вопроса

Формирование макрорегионов и технологии гибридных войн

Заключение

D. Evstafiev

National Research University Higher School of Economics
20 ul. Myasnitskaya, Moscow 101000, Russia Federation

HYBRID WARS PLATFORM AS AN INSTRUMENT FOR GEO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE WORLD

ABSTRACT

Aim. To define the place of the platform of the hybrid wars and the related instruments in the on-going global transformations that lead to the deep reshuffle of the international economic relations including the basic interrelationships of the economic interdependence that were formed in the era of mature globalization.

Methodology. Clusterization of the focus points of the transformations on the regional level in order to locate and define key instruments used to manage (stimulate and guide) the transformations. The transformations are analyzed through the prism of Thomas Shelling's "theory of conflict" and its subsequent interpretations but with consideration of the new role of the information society.

Results. The conclusions were made about the increasing importance of the military and in general – force components in the spectrum of the "hybrid war" instruments since the current generation of informational manipulation means appeared to be insufficient to reach the geo-economic objectives that major global centers of power face. At the same time the platform of "hybrid wars" remains operationally the most secure one to manage safely the chains of conflicts aimed to geo-economically transform regions and macro-regions.

Research implications. The conclusion was made on the inevitability of the development of a new generation of the "hybrid wars" that would be based upon wider variety of instruments in the "transition zone" between the peacetime competition and "hot" conflict with military components.

KEYWORDS

hybrid war, theory of conflict, informational manipulations, economic interdependence, conflict management

ВВЕДЕНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ КАК БАЗОВЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Почти аксиоматичным выводом из событий 2018–2020 гг. становится констатация постепенного разрушения институционального пространства глобальной политики и экономики, построенной вокруг базового принципа – доминирования США в политической и военно-политической сферах и глобальных финансах. Глобальная геоэкономическая взаимозависимость и её региональные проявления остаются важнейшим фактором, ограничивающим глобальную военно-силовую конкуренцию. Фактор глобальной геоэкономической взаимозависимости, ослабевает сравнительно более медленными темпами, чем это мыслилось раньше, но, тем не менее, это происходит неуклонно, что связано в том числе и с активным использованием взаимозависимости для давления на страны, пытающиеся проводить самостоятельную внешнюю политику [10].

Свидетельством ослабления фактора глобальной геоэкономической взаимозависимости становится постепенная утрата эффективности «мягкой силы», которая начинает надстраиваться более жёсткими инструментами влияния [14]. При большинстве сценариев развития системы международных экономических и политических отношений конкуренция между ведущими глобальными и субглобальными игроками будет происходить в условиях остаточной и не всегда предсказуемой экономической взаимозависимости.

Отправная точка в оценке современного геоэкономического контекста сводится к тому, что конкуренция различных игроков – государств, субгосударственных участников глобальных процессов, корпоративных структур и крупнейших надгосударственных институтов, таких как наднациональная бюрократия ЕС, – за доминирование в экономических системах будет вестись в мозаичном мире остаточной взаимозависимости, где влияние данного фактора будет изменяться асимметрично, причём, возможны ситуации, где влияние взаимозависимости будет расти, а само это понятие будет содержательно меняться. Ситуация дополнительно обостряется деинституционализацией системы мировой политики и кризисом механизмов глобального геоэкономического регулирования. Это расчищает место для действий, лежащих вне пределов чисто экономической целесообразности и рентабельности.

«Гибридные войны», будучи фактически зонтичной платформой для разнородных инструментов воздействия на социальную и политическую ситуации в назначенном объекте воздействия, дают возможность относительно гибкого и политически безопасного сочетания различных средств воздействия на геоэкономических конкурентов и геополитических противников. **Методологически это означает необходимость рассмотрения «гибридных войн», прежде всего, как организационной платформы,** и только затем – как совокупной характеристически определённого набора методов межгосударственной конкуренции и противоборства. Платформа «гибридных войн» в нынешней своей итерации минимизирует риски для страны-инициатора воздействия, оставляя ей все основные бонусы условно «атакующего», включая возможность выбора приоритетных объектов дестабилизации и времени начала обострения. Это и обусловило резкий рост интереса к данному формату военно-силовой политики и, в особенности, – информационным манипуляциям, ставшим его составной частью. Причём инструментальная гибкость, способность платформы «гибридных войн» операционно интегрировать в себя политически и системно различные инструменты воздействия на конкурентов, будет в обозримой перспективе расти, что связано с совершенствованием систем управления.

В российской и зарубежной науке и аналитическом сообществе проблематика гибридных войн разработана исключительно глубоко. Это позволяет осуществлять оценку и прогнозирование глобальных геоэкономических

процессов и механизмов конкуренции важнейших игроков, причём не только государственного уровня, но и с использованием иных организационных форматов. Эта база основывается на обобщении опыта применения гибридных методов воздействия на враждебные режимы, свидетелями чего мы были в последние 10–12 лет.

Среди российских специалистов, занимающихся данной проблематикой, хотелось бы выделить С. Володенкова, А. Бартоша, В. Золотарева, А. Леонкова, А. Манойло, О. Матвейчева, В. Можегова, А. Наумова, В. Слипченко, О. Тиханычева и ряд других специалистов. Отметим исследование эволюции политики США в низкоинтенсивных конфликтах, выполненное коллективом авторов Института США и Канады РАН под руководством В. Батюка [5].

На Западе вопросы, связанные с различными аспектами гибридной войны, разрабатывались М. Калдер, Р. Капланом, Э. Люттваком, Дж. Наем, Ф. Хоффманом и другими.

Методологическая основа для анализа вопросов, связанных непосредственно с вопросами гибридных войн, создана обширными исследованиями российских и зарубежных специалистов в области глобальных военно-политических проблем. Особо выделим работы А. Кокошина, А. Арбатова, С. Рогова, С. Караганова, А. Кортунова.

Отметим существенный рост интереса к изучению и систематизации особенностей современного информационного общества и каналов коммуникаций, трансформируемых ситуативно в инструменты ведения информационных войн. Феномен «двойного назначения» практически любых каналов современных коммуникаций, включая теперь уже и государственные коммуникации, требует дополнительного изучения, ибо это самый опасный для целостности информационного общества аспект развития. Информационное общество становится важнейшим пространством межгосударственной конкуренции, но не только с точки зрения доминирования соответствующих технологических платформ, но и с точки зрения адаптации наиболее значимых общественных систем к тем рискам, проистекающим из современных возможностей информационного воздействия. Оно выполняет функцию интегрирующего звена и для платформы гибридной войны, тем более что на первых этапах развития этого феномена в рамках актуального поколения гибридных войн информационно-манипулятивные технологии действительно играли центральную роль. Отметим работы Дж. Ланье, Т. ван Дейка, М. Кастельса¹.

¹ См., например: Ланье Дж. Кому принадлежит будущее? Мир, где за информацию будут платить вам; пер. с англ. М.: Бомбора, 2020, 560 с.; Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ.; изд. 2-е, М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015, С. 88–89; Кастельс М. Власть коммуникации /под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

В качестве фундаментальной методологической основы отметим фундаментальную работу Т. Шеллинга «Стратегия конфликта», впервые была опубликованную в 1960 г. [9], ставшую основой для операционного прогнозирования поведения крупных игроков в нетотальных конфликтах. В отечественной науке подходы Шеллинга развивались известным отечественным исследователем В. А. Кременюком [6], хотя концепция «ограниченной войны» политически и не принималась ни советским, ни российским руководством до последнего времени. После окончания «холодной войны» концептуальные подходы Т. Шеллинга рассматривались как устаревшие в силу изменения общемировой ситуации, в том числе в силу перехода к активной фазе глобализации, а затем и сетевизации геоэкономически значимых пространств. Но выход на первый план в качестве платформы интеграции инструментом межгосударственной конкуренции «гибридной войны» возвращает нас – с поправкой на изменение характера инструментов, а также контекста – к подходам и моделям, использованным Шеллингом и его последователям. Выделим пять важнейших обстоятельств:

1. Категорическое расширение степени операционной прозрачности политики ключевых государств на фоне нарастания стратегического недоверия между ними. Скрыть нельзя почти ничего, но прямым политическим коммуникациям даже на высшем уровне никто не доверяет. Как результат – возникновение эффекта дерационализации поведения, как минимум, в ситуациях с малым риском аннигиляции системы в целом.

2. Существенное расширение не только количества крупных геополитически значимых игроков, но и их структурного разнообразия. А значит – невозможность свести всё к одной логике геополитического и геоэкономического поведения, возникновение имманентной операционной многовекторности.

3. Расширение инструментария конкуренции в нижней части политического спектра, не доводя дело до эксплицитных силовых действий даже в ограниченном масштабе. Как результат – появление «серой зоны» неопределённости в идентификации возможностей эскалации [12].

4. Хаотизация в ряде стран механизмов принятия политических решений, не говоря уже о ситуации в бюрократических системах, обслуживающих наднациональные структуры. Возникновение эффекта операционного отрыва «делегированных агентов» в конфликтных регионах и странах. Как результат, фундаментальное повышение значения личностных факторов, усиление вероятности случайной эскалации.

5. Непредсказуемость последствий разрыва узлов глобальной геоэкономической зависимости, что постоянно подталкивает к попыткам вернуться хотя бы к индикативным правилам межгосударственной конкуренции [11], тем более, что американская элита начинает убеждаться в неспособности в полной мере поддерживать свою монополию в этом вопросе.

Анализ технологий «гибридных войн» на методологической основе теории конфликта формирует **понимание платформы как основы для адаптированной под конкретное пространство (страна или регион) модели управления конфликтами**, в том числе их фокусировки на наиболее безопасном «объекте» и ограничения потенциальной эскалации. Это открывает дорогу для нового понимания моделей конфликтного поведения и инструментов ограничения эскалации, включая и новые математизированные прогностические модели поведения, как минимум, крупнейших государств.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Политический сдвиг ситуации вокруг «гибридных войн» очевиден. Акцентирование этой темы в отношениях России и НАТО дало возможность США **политически легализовать платформу «гибридной войны» не только в качестве инструмента сдерживания российской информационно-политической «агрессии» [17], что было уже недостаточно, но и в качестве легитимного средства ведения межгосударственной конкуренции мирного времени**².

В центре исследования четыре принципиальных вопроса, отражающих, как внутренние, так и внешние аспекты развития технологии «гибридных войн»:

1. Общее соотношение роли и места различных кластеров инструментов гибридных войн в контексте общеглобальных процессов изменения военно-политической и геоэкономической ситуации. Маркером развития ситуации является динамика значимости военно-политических инструментов гибридных войн, отражающих как эволюцию политической среды, включая и глобальный и региональный баланс сил, так и новые технологические возможности.

2. Приоритетные регионы, где могут быть применены технологии, интегрированные на платформе «гибридных войн», и степень прогнозируемой успешности этого с учётом прежнего политического опыта и накопления опыта противодействия. Влияние потенциала использования технологий гибридных войн на перспективы формирования макрорегионов.

² Рубежными с точки зрения легализации инструментария (хотя в операционный оборот в США термин ввели раньше) следует считать два документа. Начало процессу легализации киберударных средств положил Доклад РЭНД-Корпорейшн «Операционализация киберпространства как поля боя: уроки для НАТО» (2019) [15], вызвавший существенный общественный резонанс. Проблема была введена в текущие общественно-политический и военно-политический дискурс, причем сразу в обостренном ключе. А фиксацией статуса кибербоевых инструментов в качестве нормального средства противоборства мирного времени стал Ежегодный доклад генерального секретаря НАТО за 2020 г. [16], который был воспринят, как констатация реально существующей ситуации.

3. Характер наиболее значимых страновых и региональных уязвимостей, обуславливающих результативное использование подобных технологий для стимулирования и провоцирования трансформаций на региональном и страновом уровнях, а также допустимые «пределы катастрофичности» этих трансформаций. Возможная их динамика.

4. Степень политической и операционной готовности глобальных и особенно субглобальных игроков к использованию методов «гибридных войн» для решения своих геэкономических и геополитических задач. Динамика освоения странами-лидерами подобных платформ и возникновение каких-либо политических или юридических сдерживающих факторов, к примеру ограничений использования социально-опасных методов (например, применения киберударных средств воздействия по объектам социальной инфраструктуры или опасным производствам) в ходе конфронтации без объявления состояния войны между странами.

«Гибридные войны» являются внутренне противоречивой, но флюидной системой с высочайшей степенью контекстной адаптивности. А это, в свою очередь, предопределяет высочайшую степень контекстности данного феномена, проявляющейся в уникальности конкретных «операционных конструкций», создаваемых на этой платформе, применительно выбранной для управления или дестабилизации ситуации. В современных условиях, которые могут быть охарактеризованы, как начальный этап формирования в ряде регионов геэкономически относительно самодостаточных макросистем, речь идёт уже не просто об адаптации операционной модели под конкретную страну, но под конкретный регион или даже пространство, охватывающее страны, лежащие в различных регионах. В качестве примера подобной ситуации можно привести формирование единых пространств напряжённости в Юго-Восточном Средиземноморье (охватывает полосу от черноморских проливов до Туниса включительно) и Среднем Востоке (захватывает и часть Евразии – Прикаспий, и часть Африки – Сомали). Отметим, что речь не идёт только о возникновении «серых зон» на стыке относительно устойчивых с точки зрения военно-политической защищённости и геэкономической устойчивости пространств [1].

ФОРМИРОВАНИЕ МАКРОРЕГИОНОВ И ТЕХНОЛОГИИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Свидетельством качественного изменения роли и места платформы «гибридных войн» и соответствующих технологий в современной глобальной политике является переход от использования её преимущественно на страновом уровне к их использованию в качестве инструмента переформатирования экономически перспективных регионов. Это принципиальный фактор в развитии глобальной ситуации, **отражающий стремление к комплексному воздействию на геэкономические системы**, а не просто де-

стабилизацию отдельных враждебных политических режимов. Пока полномасштабно потенциал гибридных войн, как геэкономического инструмента, а, тем более, как инструмента переформатирования больших пространств, апробирован не был. Но обратим внимание на несколько ситуаций, где нарастание военно-политических рисков и очаговое применение технологий «гибридных войн» уже привело к заметному изменению структуры геэкономического пространства.

- Конфронтация России и НАТО, создавшая возможности для глубокого геэкономического, в том числе и территориального, переформатирования западной оконечности Евразии и изменения характера геэкономического развития Европы как системы, например, с точки зрения связанных с энергетикой технологических цепочек, что становится важнейшим вызовом для ЕС в сфере геэкономической безопасности. Одним из побочных результатов новой геэкономической ситуации стала новая актуализация польского проекта «Междуморье», основанного на геэкономической перекройке Восточной Европы методами гибридной конкуренции с использованием силовой составляющей.

- Развитие гражданской войны в Ливии и общее нарастание политико-силовой нестабильности в Южном Средиземноморье существенно изменило характер экономических отношений в регионе даже в такой чувствительной сфере, как углеводороды, фактически способствовало его распаду на Восточное и Юго-Западное Средиземноморье, что является фундаментальным моментом, создающим вокруг Европы принципиально новую не только военно-политическую, но и геэкономическую ситуацию. Конфликт в Ливии используется крупнейшими глобальными геэкономическими игроками в качестве тестовой площадки для отработки различных, в том числе и гибридных методов конкуренции, причём с акцентом на различное сочетание военно-силовых инструментов, включая и находящиеся на грани конфликтов «средней интенсивности» с прямым участием одной или нескольких сил в условиях фактического отсутствия ограничений гуманитарного характера. Значение гражданской войны в Ливии для развития концепции гибридных войн и методик управления конфликтами ниже уровня обычной войны в целом недооценивается.

- Гражданская война на Украине, начавшаяся с попытки реализации «цветной революции», но приведшая к демонтажу остатков индустриальной постсоветской украинской экономики, принципиально изменила характер геэкономических связей северо-западного Причерноморья, создав пространство для реализации проекта Междуморья, в прежних форматах невозможного. Потенциально альтернативное индустриальное ядро проекта было демонтировано, хотя и с издержками в виде формирования «серой зоны» стабильности, «токсичной» в военно-политическом и политическом смысле для всех сил, вовлечённых в конфликт. Но важен подход: **управляемое фор-**

мирование деиндустриализированного пространства, пространства экономической деградации, что сопровождается глубокой социальной деструкцией, затем используемого для управления поведением конкурирующих и потенциально враждебных сил, в данном случае – России, в меньшей степени Китая, а теперь уже и Турции.

- Попытка Турции сформировать подконтрольное геоэкономическое пространство в Восточном Средиземноморье и оказывать нарастающее влияние на геоэкономическую ситуацию в Южной Европе. Анкара активно пыталась использовать военно-силовые инструменты, которые, однако, руководство Турции в ход пустить не решилось, ограничиваясь ведением войн прокси (*proxu warfare*) в Восточном средиземноморье и Северной Африке, в то же время сохранив высокий уровень управляемости конфликтными узлами. Этот аспект глобальных геоэкономических в своей основе трансформаций позволил оценить возможности управления союзниками в условиях реальной и многовекторной военно-силовой конкуренции.

- Обострение ситуации в Сомали и Эфиопии, в совокупности с сохранением высокого уровня напряжённости вокруг Красного моря, ставящее под сомнение возможность реализации важнейшего глобалистского проекта – Трансафриканского коридора, что поставило Китай перед необходимостью пересмотра механизмов реализации своих логистических проектов в мире в принципе. Это показало потенциал интеграции отдельных, формально не связанных друг с другом конфликтных узлов с задействованием разнородных сил и средств (от иранских проху до криминальных группировок и региональных контрабандистских сообществ) в единую цепочку, формирующую принципиально новую ситуацию в важнейшем в логистическом отношении регионе. Мы увидели в данном случае потенциал пространственного управления конфликтами, достигаемый сравнительно скромными силами.

Примерные перспективы развития ситуации в этих и других макрорегионах обобщены в Таблице 1.

Ситуация по выделенным регионам (процессы в Латинской Америке сознательно пока оставлены за пределами рассмотрения) говорит о потенциально большом масштабе возможных геоэкономических трансформаций с использованием различных технологий гибридных войн, как минимум, в силу высокой вероятности возникновения «цепочек конфликтов» с высоким дестабилизирующим потенциалом, но также и с высоким потенциалом переформатирования внутренних экономических связей [3], что даёт возможность формировать новые более благоприятные для внешнего игрока системы экономической взаимозависимости.

Таблица 1 / Table 1
Перспективы влияния методов гибридной войны на формирование макрорегионов / Prospects for the Influence of Hybrid Warfare Methods on the Formation of Macroregions

Регион	Статус	Уровень насилия/ использование военно- силовых инструментов	Ключевые игроки	Потенциал воздействия инструментарием «гибридных войн» (ГВ)	Примечания
Прикаспий	Конкуренция за формат и статус лидера при формировании макрорегиона.	Высокий/Средний. Временная дестабилизация. Спад напряжённости после локального конфликта.	Россия Турция Великобритания США Иран	Наличие нескольких разнородных манипулируемых очагов конфликта.	Потенциал перехода нестабильности на территорию России. Ситуация характеризуется прямым противоборством различных государств с минимальной «частной» составляющей.
Черноморский регион	Выпадение региона из глобально и регионально значимых геоэкономических систем. Превращение региона в арену силовых демонстраций.	Низкий. С тенденцией роста до среднего.	Россия Турция США Великобритания	Умеренный. Фаза максимально эффективного использования информационного сегмента ГВ пройдена к 2019 году.	Происходит распад исторически сложившихся на протяжении последних 35–40 лет системы связей. Высокий потенциал силовой эскалации.
Восточная Европа/ Западная Евразия	Попытка запуска процессов трансформации политического пространства на этнополитической основе.	Низкий/Средний. Тенденция к росту.	Польша Литва Украина Россия Германия	Формирование системы внешнего управления суверенитетом за счёт «альтернативной власти».	Перспектива раскола и геоэкономического перереформирования по этно-религиозному признаку. Балансирование США на грани втягивания в конфликт.
Северная Африка	Отсутствие перспектив экономической консолидации в ближайшее время. Глубокая социальная хаотизация с силовыми компонентами.	Средний. Ресурсы для эскалации ограничены.	Турция Франция Египет ЕС Россия	Востребованность силового компонента ГВ. Возможности информационного воздействия минимальны.	Трансформация региона в Юго-Западное Средиземноморье. Перспектива перехода нестабильности на часть территории Европы. Активное участие в противоборстве/трансформации частных структур.

Таблица 1 (продолжение) / Table 1 (continuation)

Регион	Статус	Уровень насилия/ использование военно- силовых инструментов	Ключевые игроки	Потенциал воздействия инструментарием «гибридных войн» (ГВ)	Примечания
Восточное Средне- земноморье	Формирование географических контуров потенциального макрорегиона. Конкуренция за доминирование.	Снижение интенсивности после конфликта средней интенсивности.	Россия Турция ЕС (Франция) Великобритания Саудовская Аравия	Умеренное. Политическое конструирование и попытки перехода к гибридному низкоинтенсивному конфликту.	Разворот турецкой экспансии в Евразию и Южную Европу. Переход ситуации на этап социально-политического конструирования.
Индо-Азиатский регион	Скрытая фаза формирования нового геоэкономического пространства. Борьба за лидерство.	Низкий. С очаговым переходом к среднему, но вне основного ареала конкуренции.	Индия Китай США	Высокое. Информационные манипуляции. Формирование очагов внутренних конфликтов в расчёте на ослабление внешних возможностей.	Высокий потенциал дестабилизации значительной части ЮВО.
Центральная Азия	Начало процесса поляризации региона.	Тенденция к переходу от низкого к среднему уровню.	Китай США Россия Иран	Высокие. Но с опорой на системы социо-коммуникационной гибридности.	Перспектива утраты геоэкономической целостности региона.
Арктика	Попытка интернационализации ситуации в Арктической зоне. Накопление силового потенциала всеми участниками противоборства.	Низкий. Рост насыщения региона военно-силовыми инструментами.	Россия США Норвегия ЕС	Низкие. Воздействие на локальные сообщества за счёт информационных манипуляций. Вброс фейков.	Центральный момент: выбор между интернационализацией и монопольным национальным контролем сегментов.

Отметим пять важных обстоятельств.

1. Все выделенные конфликтные узлы имеют геоэкономическое изменение. **Изменение расклада сил в любом из этих узлов повлечёт существенную перестройку хозяйственных связей не только регионального, но, как минимум, субглобального масштаба**, а в ряде случаев (Восточное Средиземноморье) – и глобального. Это означает, что ключевыми пространствами применения платформы «гибридных войн» действительно становятся значимые пространства «геоэкономической Ойкумены». Характер этих узлов отражает начало борьбы за передел не только ресурсной периферии и логистически значимых пространств на периферии, но и за обострение ситуации в ряде регионов, ранее относимых к индустриальной полупериферии, что приводит к сокращению её потенциала к геоэкономической самостоятельности.

2. Качественная разнородность возможных трансформационных узлов. Центральные факторы, обуславливающие возможность гибридного воздействия, различны, а это повлечёт неизбежность формирования различных операционных конструкций, для чего платформа «гибридных войн» является оптимальной, поскольку позволяет осуществлять быстрое перераспределение усилий и ограничивать вовлечённость в конфликт. Следует обратить внимание на использованную рядом стран (Турция как главный игрок, но также Великобритания и Франция) **методику «пульсирующего конфликта» в Ливии**, дающую возможность с минимальными непосредственными затратами оказывать серьёзное влияние на геоэкономическую ситуацию в важнейшем регионе мира.

3. Силовой компонент присутствовал во всех этих случаях, но не везде он был реализован в форме прямого вооруженного противоборства. Гибкость военно-силового воздействия в конфликтных узлах и возможности деэскалации становятся важнейшим условием эффективного управления конфликтом. В ходе последних конфликтов возникла и не нашла удовлетворительного разрешения проблема управляемости союзников [13]. Это обстоятельство могло быть терпимым, когда важнейшим направлением использования «гибридных войн» была хаотизация, но, когда на первый план выходят вопросы управления геоэкономическими трансформациями на уровне регионов, он начинает создавать значимые риски. **Формируется принципиально новый запрос на инструменты конкуренции.**

4. Во всех рассмотренных случаях демонтаж или глубокое переформатирование касалось экономических цепочек, в которых имела место реальная, в том числе и социально-значимая экономическая взаимозависимость. Однако катастрофические последствия этого были, как правило, локализованы на страновом уровне. Это означает прямую возможность разрыва связей геоэкономической взаимозависимости по узлам без критической дестабилизации «больших» (трансрегиональных) экономических систем.

Иными словами, гибридные войны как механизм управления ограниченным конфликтом пока демонстрируют свою эффективность, но **встаёт вопрос о его пролонгированной эффективности, то есть – среднесрочных механизмах управления конфликтами. Нынешнее поколение платформы «гибридных войн» даёт для этого лишь ограниченные возможности**, что доказали интернационализированные конфликты в Восточном Средиземноморье и Северной Африке.

5. В ряде случаев (Арктика, Северная Африка и Юго-Западное Средиземноморье, Причерноморье) участниками геоэкономической конкуренции в формате «гибридных войн» могут быть не только государства, но и сетевизированные негосударственные экономические структуры, причём не только в формате «нанимателей государства» [8, с. 55], но и непосредственных, операционных участников. И это будет соответствовать и характеру пространства конкуренции, и историческим особенностям развития военно-силовой ситуации в этих регионах. **Подключение к технологиям экономической конкуренции негосударственных структур является новым фактором, который будет иметь существенные и пока не вполне понятные последствия.** Это может в принципе изменить архитектуру конкуренции с использованием платформы «гибридных войн».

Модель воздействия на наиболее значимые геоэкономические узлы системно представляет собой попытку сценарного выхода за рамки «столкновения цивилизацией», предполагающего масштабность конфронтации, но с учётом «культурной» составляющей конкуренции [4, с. 358–359]. Мы сталкиваемся не только с попыткой упорядочивания насилия в противовес определённого рода хаотизации насилия, что предполагает «столкновение цивилизаций» (как минимум, с точки зрения разрушения монополии государства на организованное насилие).

«Культурная» составляющая геоэкономической конкуренции в действительности является отражёнными в конкретном пространстве особенностями не столько цивилизаций, сколько социокультурного развития последних десятилетий, причём социальность в данном случае становится первичной. Это суждение кажется справедливым, как минимум для Юго-Восточного и Юго-Западного Средиземноморья и западной оконечности Евразии, где потенциальная модель «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона оказалась дополнена новыми социальными и геоэкономическими наслоениями, принципиально изменив характер пространства. Причины этого лежат, в основном, в сфере внутреннего развития государств и обществ, что даёт возможность сделать другой принципиальный вывод: **использование платформы «гибридных войн» для управления геоэкономическими трансформациями, в отличие от политических, предполагает работу со среднесрочными процессами развития**, что возможно только при условии их прогноза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация в мире диктует неизбежность дальнейшего расширения востребованности платформы «гибридных войн» в политике крупнейших государств мира. Но в совокупности, с одной стороны, опыт использования инструментария, а с другой – меняющийся характер задач, переход от преимущественно «негативного» к условно «позитивному» говорит о неизбежности глубоких трансформаций данной модели глобальной конкуренции, причём не только в направлении акцентирования военно-силовой составляющей, что естественно, но и с точки зрения дополнения платформы инструментами социального конструирования и постконфликтной стабилизации. Мир ещё не созрел для конкуренции «больших стратегий» [2], но постепенно перерастает идею о возможности достижения стратегических результатов в геоэкономической конкуренции только за счёт тактических успехов. Этот сдвиг необходимо считать наиболее фундаментальным изменением глобальной конкурентной среды с конца 2000-х гг., когда после глобального финансового кризиса начался общий кризис американско-центричной модели «инвестиционного капитализма».

Вероятно, **мы находимся на пороге формирования модели гибридной войны нового, промежуточного поколения. Оно, не будучи в полной мере военно-силовым, тем не менее, даст возможность более широко использовать военно-силовые инструменты**, сейчас ограниченно апробируемые входе попыток трансформаций в различных регионах мира. Это связано с характером геополитических и геоэкономических процессов, переживаемых современным миром.

Это повышает значимость механизмов прогноза вариантов развития конфликтной ситуации, даже если она ещё и не приобрела военно-силовую окрашенность [7].

Наблюдаемое нами сейчас усиление значения военно-силовых средств на платформе «гибридной войны» позволяет сделать предположение о том, что следующей итерацией в развитии платформы будет интенсивная надстройка её инструментарием социального конструирования, поскольку речь пойдёт не только об управлении тем или иными конфликтными ситуациями, но и о постконфликтном восстановлении и реструктуризации пространств. Поскольку именно этот инструментарий будет в наибольшей степени соответствовать задачам уже не просто обозначения пределов макрорегионов и конкуренции в «серых зонах» между ними, но закреплению этих пространств, их социально-политического освоения. Главным же **методологическим вопросом сегодняшнего дня является проблема принципиальной возможности перерастания конфликта с ненулевой суммой, управляемого с использованием инструментария «гибридных войн» или для инициирования которого он задействуется, в конфликт с «ну-**

левой суммой», то есть, антагонистический конфликт, где речь будет идти о выживании участвующей в конфликте стороны и факторах, стимулирующих развитие ситуации в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартош А. А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 2. С. 6–19.
2. Гэддис Дж. Л. О большой стратегии / пер. с англ. О. Филиппова, А. Шаломичкой. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 424 с.
3. Евстафьев Д. Г. Евразия в эпоху силовой геоэкономики: особенности трансформаций и возможности нейтрализации рисков // Электронный научный журнал «Евразия.Эксперт». 2021. № 1. URL: https://journal.eurasia.expert/s271332140014382-7-1/?fbclid=IwAR2ZZLf7IEmMxkpy mUf6wT8mKfOQdB9W0_tB_lflw4KXPeaLT8AUA-n84CM. DOI 10.18254/S271332140014382-7 (дата обращения: 15.03.2021).
4. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполлонова, М. Дондуковского. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 416 с.
5. Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века / под ред. В. И. Батюка; Институт США и Канады РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2018. 192 с.
6. Кременюк В. А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля. М.: ИСКРАН, 2006. 222 с.
7. Максименко И. А., Богданов А. С. Современные подходы к информационно-аналитической деятельности по выявлению гибридных угроз // Военная мысль. 2021. № 5. С. 42–49.
8. Можегов В. И. Мировая гражданская война. М.: Родина, 2021. 224 с.
9. Шеллинг Т. Стратегия конфликта; пер. с англ. под редакцией Ю. Кузнецова; издание 2-е, испр. М.: ИРИСЭН, Социум, 2014. 367 с.
10. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. Iss. 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
11. Haass R., Kupchan C. The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World [Электронный ресурс] // Foreign Affairs: [сайт]. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=What%20the%20WHO%20Investigation%20Reveals%20About%20the%20Origins%20of%20COVID-19&utm_content=20210331&utm_term=FA%20Today%20-%20112017 (дата обращения: 15.03.2021).
12. Mazarr M. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. Iss. 2. P. 7–32. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1771042.

13. Moghadam A., Wyss M., The Political Power of Proxies: Why Nonstate Actors Use Local Surrogates // *International Security*. 2020. Vol. 44. Iss. 4. P. 119–157. DOI: 10.1162/isec_a_00377.
14. Nye J. S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence [Электронный ресурс] // *Foreign Affairs* : [сайт]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 15.03.2021).
15. Operationalizing Cyberspace as a Domain: Lessons for NATO / Ablon L., Binnendijk A., Hodgson Q. E., Lilly B., Romanosky S., Senty D., Thompson J. A. [Электронный ресурс] // RAND Corporation : [сайт]. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE329.html> (дата обращения: 15.03.2021). DOI: 10.7249/PE329.
16. The Secretary General's Annual Report 2020, 16-Mar-2021 [Электронный ресурс] // NATO : [сайт]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182236.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2021).
17. Wigell M. Democratic Deterrence: How to Dissuade Hybrid Interference // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. Iss. 1. P. 49–67. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1893027.

REFERENCES

1. Bartosh A. A. ["Grey areas" as the key element of today's operational space of hybrid warfare]. In: *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2021, no. 2, pp. 6–19.
2. Gaddis J. L. *On Grand Strategy* (Russ. ed.: Filippova O., Shalomitskaya A., trans. *O bol'shoi strategii*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2021. 424 p.)
3. Evstaf'ev D. G. [Eurasia in the era of power geoeconomics: features of transformations and opportunities for neutralizing risks]. In: *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Evraziya.Ekspert»* [Electronic scientific journal "Eurasia.Expert"], 2021, no. 1.]. Available at: https://journal.eurasia.expert/s271332140014382-7-1/?fbclid=IwAR2ZZLf7lEmMxkpymUf6wT8mKfOQdB9W0_tB_lflw4KXPealT8AUA-n84CM. DOI 10.18254/S271332140014382-7 (accessed: 15.03.2021).
4. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* (Russ. ed.: Appollonov A., Dondukovsky M., trans. *Novye i starye voiny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2016. 416 p.)
5. Batyuk V. I., ed. *Konflikty nizkoi intensivnosti v amerikanskoj voenno-politicheskoj strategii v nachale XXI veka* [Low-intensity conflicts in the American military-political strategy at the beginning of the XXI century. Moscow, «Ves' mir» Publ., 2018. 192 p.
6. Kremenyuk V. A. *Mezhdunarodnye konflikty: problemy upravleniya i kontrol'ya* [International conflicts: problems of management and control]. Moscow, ISKRAN Publ., 2006. 222 p.

7. Maksimenko I. A., Bogdanov A. S. [The present-day approaches to information-analytical activity aimed at discovering hybrid threats]. In: *Voennaya mys'* [Military Thought], 2021, no. 5, pp. 42–49.
8. Mozhegov V. I. *Mirovaya grazhdanskaya voina* [World civil war]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 224 p.
9. Schelling T. *The Strategy of Conflict* (Russ. ed.: Kuznetsov Yu., ed., transl. *Strategiya konfliktka*. Moscow, IRISEN, Sotsium, 2014. 367 p. (Series "International Relations")).
10. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. In: *International Security*, 2019, vol. 44, iss. 1, pp. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
11. Haass R., Kupchan C. The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. In: *Foreign Affairs*. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=What%20the%20WHO%20Investigation%20Reveals%20About%20the%20Origins%20of%20COVID-19&utm_content=20210331&utm_term=FA%20Today%20-%20112017 (accessed: 15.03.2021).
12. Mazarr M. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice. In: *The Washington Quarterly*, 2020, vol. 43, iss. 2, pp. 7–32. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1771042.
13. Moghadam A., Wyss M., The Political Power of Proxies: Why Nonstate Actors Use Local Surrogates. In: *International Security*, 2020, vol. 44, iss. 4, pp. 119–157. DOI: 10.1162/isec_a_00377.
14. Nye J. S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. In: *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed: 15.03.2021).
15. Ablon L., Binnendijk A., Hodgson Q. E., Lilly B., Romanosky S., Senty D., Thompson J. A. Operationalizing Cyberspace as a Domain: Lessons for NATO. In: *RAND Corporation*. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE329.html> (accessed: 15.03.2021). DOI: 10.7249/PE329.
16. The Secretary General's Annual Report 2020, 16-Mar.-2021. In: *NATO*. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182236.htm?selectedLocale=en (accessed: 15.03.2021).
17. Wigell M. Democratic Deterrence: How to Dissuade Hybrid Interference. In: *The Washington Quarterly*, 2021, vol. 44, iss. 1, pp. 49–67. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1893027.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила 04.06.2021

Статья размещена на сайте: 10.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: devstafiev@hse.ru

Dmitriy G. Evstafiev – Cand. Sci. (Political Sciences), Prof., School of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics; e-mail: devstafiev@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Евстафьев Д. Г. Гибридные войны как инструментарий геоэкономической трансформации современного мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Evstafiev D. G. Hybrid wars platform as an instrument for geo-economic transformation of the world. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 327.8

Зайцев А. Я.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СИЛОВОЙ СТРАТЕГИИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучить роль частных военных компаний как инструментов осуществления силовой стратегии гибридных войн.

Процедура и методы. Проводится анализ деятельности частных военных компаний как одной из составляющих форм ведения гибридной войны, раскрываются модели и специфика участия упомянутых организаций в вооружённых конфликтах. В работе используются общенаучные методы, метод системного анализа, а также сравнительный и институциональный метод.

Результаты. Установлено, что деятельность частных военных компаний является отличительной чертой военных конфликтов XXI века. Данные структуры являются эффективным инструментом реализации внешней политики, а также составной частью комплекса мер, который используется в период осуществления гибридной войны. Сотрудничество с различными субъектами международных отношений позволяет частным военным компаниям выступать в роли самостоятельного политического актора. Выделены и проанализированы три формы участия частных военных компаний в гибридных войнах: ведение военных действий государством с привлечением ЧВК; найм государством ЧВК для осуществления операций; помощь ЧВК в осуществлении военных действий, ведущихся другими государствами.

Теоретическая и / или практическая значимость. Полученные результаты позволяют расширить подходы к рассмотрению существующей проблематики, создают предпосылки для дальнейшего изучения роли ЧВК в системе международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

частные военные компании, гибридные войны, военные конфликты, вооружённые столкновения, противоборство, государства, национальная безопасность

СТРУКТУРА

Введение

Отличительные черты гибридной войны

Специфика и формы участия ЧВК в гибридных войнах

Заключение

A. Zaytsev

Lomonosov Moscow State University
27 corp. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

PRIVATE MILITARY COMPANIES AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE POWER STRATEGY OF HYBRID WARS

ABSTRACT

Aim. To study the role of private military companies as a tool for implementing the power strategy of hybrid wars.

Methodology. The analysis of private military companies activities as one of the components of hybrid warfare forms reveals the models and specifics of these organizations participation in armed conflicts. The work uses various general scientific methods, as well as comparative and institutional methods, the method of system analysis.

Results. The activities of private military companies are a distinctive feature of military conflicts of the XXI century. These structures are an effective tool for implementing foreign policy, as well as an integral part of a set of measures that is used in the hybrid warfare. Cooperation with various subjects of international relations allows private military companies to act as an independent political actor.

Three forms of participation of private military companies in hybrid wars are identified and analyzed: the conduct of military operations by the state with the involvement of PMCs; the hiring of PMCs by the state for operations; the assistance of PMCs in the implementation of military operations conducted by other states.

Research implications. The results obtained allow us to expand approaches to the consideration of existing problems, create prerequisites for further study of the role of PMCs in the system of international relations.

KEYWORDS

private military companies, hybrid wars, military conflicts, armed clashes, confrontation, states, national security

ВВЕДЕНИЕ

Кардинальные изменения, произошедшие в международной системе в конце XX века, стали причиной увеличения деятельности различных негосударственных акторов. Одним из инструментов внешнеполитического влияния стали частные военные компании (ЧВК) – официально зарегистрированные негосударственные коммерческие структуры, деятельность которых направлена на предоставление специализированных услуг, прямо или опосредованно связанных с военно-охранной сферой.

ЧВК, взаимодействуя с международными организациями, военно-политическими блоками и негосударственными акторами международных отношений, активно используют передовые технологии и осуществляют деятельность в развивающихся странах, несостоявшихся государствах и в странах с нестабильной политической обстановкой. Действительно, транснациональным корпорациям и неправительственным организациям необхо-

дима защита собственных финансовых интересов и ресурсов; международным организациям, имеющим сложную в управлении структуру, требуется эффективность и быстрое действие в реализации задач военного характера, а государствам – «иммунитет от действий международного права и локальных законов» [13, с. 147].

ЧВК привлекаются для участия в «миротворческих и гуманитарных операциях, в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, для пресечения наркотрафика» [3, с. 55]. Востребованность деятельности таких структур связана с результативностью их работы, широким спектром предоставляемых услуг и наличием высококвалифицированных специалистов (сотрудники обязаны соответствовать имиджевому статусу компании, демонстрировать профессионализм и эффективность, поэтому зачастую они являются профессиональными военными) [6].

Представляя собой инструмент «непрямой» политики (государство может неофициально вступить в конфликтное противоборство для отстаивания национальных интересов), частные военные компании способны осуществлять диверсии и вооружённую деятельность в воздушном, наземном и водном пространствах, специализироваться на охране и логистике, проводить тактические операции и стратегическое планирование, захватывать месторождения природных ресурсов, совершать хакерские атаки, принимать непосредственное участие в боевых действиях.

На сегодняшний день ЧВК – это «сложно организованные субъекты, некоторые из которых существуют сами по себе, а иные входят в другие комплексные корпоративные структуры, образуя ещё более мощные организации» [10, с. 57].

Актуальность темы обусловлена отсутствием единого обязательного для исполнения нормативно-правового акта, способного ограничить работу частных военных компаний, а также увеличением числа вооружённых конфликтов и участием в них частных военных компаний, которые в будущей степени используются в качестве политического инструмента для достижения поставленных задач. Такая ситуация заставляет заниматься тщательным изучением данной тематики, а также искать возможные пути решения возникающих проблем.

В рамках статьи были рассмотрены формы и методы участия частных военных компаний в современных вооружённых конфликтах, выявлены особенности взаимодействия ЧВК с государствами.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Сотрудничество частных военных компаний с государственными акторами связано, в первую очередь, с гибридизацией мировой политики. Глобальные проблемы международных отношений, стремление государств

увеличивать влияние на мировой арене, а при возникновении конфликтной ситуации преуменьшать собственную роль в эскалации с целью избежать возможных санкций со стороны международного сообщества, привели к появлению новых способов давления на противника и осуществления конфронтации. Характерной особенностью конфликтов XXI в. стали гибридные войны.

Данный термин возник в конце 1990-х гг. и до настоящего времени не получил чёткого и общепринятого определения [14]. В широком научном дискурсе под гибридной войной нередко подразумевают обобщённое название для всевозможных существующих способов, методов и технологий ведения вооружённого противоборства, что связано с недостаточной изученностью проблематики.

В действительности термин «гибридная война» предполагает совокупное использование различных стратегий вооружённого конфликта (традиционной, информационной, идеологической, экономической и других) с целью обеспечения военного поражения, капитуляции или добровольной подчиняемости противника. Комплексное использование разнообразных форм противоборства обеспечивает «эффект глубокой взаимной интеграции и симбиоза различных поражающих факторов и технологий» [9, с. 34].

Несмотря на определённую схожесть с другими формами войн (традиционной, асимметричной, иррегулярной), гибридная имеет ряд кардинальных отличий.

Во-первых, в таких конфликтах невозможно обозначить время начала и окончания, трудно определить статус участников и выявить конкретного противника, так как противоборствующая сторона может представлять собой незаконные вооружённые формирования, оппозицию, террористические группировки, другое государство, различные негосударственные акторы и т. д.

Во-вторых, в гибридных войнах может отсутствовать классическое понимание линии фронта и тыла, а боевые действия могут проводиться дистанционно¹ или не проводиться вовсе. В отличие от традиционной войны, стратегическая победа не складывается из успешно проведённых отдельных сражений; отсутствует переговорный процесс.

В-третьих, отличительной особенностью гибридных войн является осуществление информационных операций, которые могут стать ключевым фактором в процессе эскалации конфликта и достижения поражения противника. Заполнение информационного пространства намеренно искажёнными сведениями, а также использование различных технологий информационного и психологического воздействия обеспечивают внедрение про-

¹ Война на удалёнке: что такое дистанционные боевые действия // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/956161/aleksei-tarasov/voina-na-udalenske-chto-takoe-distantcionnye-boevye-deistviia> (дата обращения: 11.12.2020).

граммных установок на следование определённым моделям поведения [11, с. 154]. Такой формат позволяет втягивать в противоборство большие массы населения и охватывать все сферы общественной жизни (социальную, политическую, экономическую, духовную).

Вышеперечисленные особенности позволяют говорить о том, что гибридные войны – не просто конфликт, «не имеющий пределов во времени, пространстве или в используемых средствах», а феномен современного мира, «размывающий границы, которые отделяют войну от других форм противостояния» [2, с. 21]. В ситуации, когда использование классических способов ведения вооружённого противоборства, где первостепенная роль отводится регулярным вооружённым силам, малоэффективно, гибридная война позволяет «достичь политических целей с меньшим военно-силовым воздействием на противника» [1, с. 48].

СПЕЦИФИКА И ФОРМЫ УЧАСТИЯ ЧВК В ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ

Одним из инструментов силовой линии в структуре гибридных войн являются частные военные компании. Данные субъекты, получив санкцию на применение военной силы, могут нести серьёзную угрозу международной и национальной безопасности и осуществлять в интересах заказчика различную деятельность, в том числе неправомерную и противозаконную. На практике имеют место три формы участия ЧВК в гибридных войнах:

1) *ведение военных действий государством с привлечением ЧВК*. В таких конфликтах государства принимают прямое участие, одновременно используя как регулярный вооружённый контингент, так и частные военные компании в процессе осуществления военных операций.

Так, в период военных действий в Ираке (2003–2011 гг.) частные военные компании активно сотрудничали с государственными структурами Соединённых Штатов и осуществляли поддержку войсковых частей, охрану зданий, сооружений, конвоев и персонала, логистику, оперативное координирование; они были задействованы в подготовке личного состава силовых структур Ирака, обеспечивали эксплуатацию беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), бомбардировщиков B-2, танков «Abrams» и вертолётов «Apache». По подсчётам специалистов, на территории Республики Ирак в период конфликта действовало до 35 000 сотрудников различных частных военных компаний².

В этом конфликте частная военная компания «Blackwater» получила контракт от Государственного департамента США на охрану американской дипломатической миссии, в том числе руководителя временной коалиционной

² Фирма Blackwater, охранявшая дипмиссию США в Ираке, уволила 122 сотрудника за тяжёлые правонарушения // Newsru.com. : [сайт]. URL: <https://www.newsru.com/world/02oct2007/blackwater.html> (дата обращения: 11.12.2020).

администрации Пола Бремера (позднее данная компания взяла под охрану посольство США в Багдаде). Известнейший эпизод произошёл в 2007 г., когда 4 гражданских сотрудника «Blackwater» были убиты иракскими повстанцами в городе Эль-Фаллуджа³, после чего началась карательная операция шеститысячного корпуса морской пехоты США, имеющей название «Бдительная решимость». Спустя год произошла ситуация, во время которой сотрудники данной ЧВК совместно с американскими полицейскими отбивали атаку шиитских боевиков на штаб Временной коалиционной администрации в Эн-Наджафе [5].

Война в Ираке представляет собой характерный пример осуществления гибридной войны: события на всём театре военных действий активно освещались средствами массовой информации, из-за активной работы которых все ЧВК в процессе конфликта «стали называть себя “частными охранными компаниями”» [15, с. 190].

Данная модель взаимодействия ЧВК с государствами активно используется в XXI в. Услуги военных специалистов позволяют комплексно решать задачи военного характера, увеличивать эффективность военно-гражданского сотрудничества, а также обеспечивать разноплановую поддержку регулярным войсковым соединениям. У государства в такой ситуации отсутствует необходимость обосновывать использование большого контингента собственных вооружённых сил при конфликте;

2) *найм государством ЧВК для осуществления операций.* Государство, имея определённый политический или экономический интерес в конкретном нестабильном регионе, нанимает частные военные компании с целью продвижения собственных позиций. Такая модель «на легальном поле позволяет властям влиять на стратегический баланс сил, не прибегая к прямой интервенции и другим действиям, которые можно осудить с точки зрения международного права»⁴.

В частности, в мае 2020 г. произошёл один из эпизодов продолжающегося политического конфликта США и Венесуэлы. Сотрудниками американской частной военной компании «Silvercorp USA» была предпринята неудачная попытка осуществления государственного переворота в Боливарианской Республике. Организаторы предполагали, что военная операция перерастёт в народное восстание, которое приведёт к падению режима действующего президента Н. Мадуро, однако десантная группа, высадившись в городе Ла-Гуайра, была обезврежена венесуэльским спецназом. Несмотря на то, что Соединённые Штаты на официальном уровне заявили о своей непричастности

³ В Ираке по меньшей мере 50 человек погибли и десятки были ранены вчера в столкновениях между военнослужащими сил коалиции и шиитами // Радио Свобода : [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24172701.html> (дата обращения: 17.12.2020).

⁴ В России появятся частные военные компании // Информационное агентство Nord-News.ru. : [сайт]. URL: <https://nord-news.ru/topic/?mtopicid=687> (дата обращения: 16.07.2020).

к инциденту, лидер Венесуэлы назвал организатором вооружённого вторжения именно эту страну⁵ [8].

Конфронтация между США и Венесуэлой также является примером гибридной войны: американская сторона на протяжении долгого времени комплексно использует финансово-экономическую, идеологическую и информационную стратегии давления на противника. При отсутствии классического военного противостояния США постепенно используют другие способы противоборства, начиная от финансирования оппозиции и официальной поддержки её незаконных лидеров (например, Х. Гуайдо), заканчивая мобилизацией деструктивной толпы и попытками свержения законного правительства.

Данная форма участия ЧВК в гибридной войне обеспечивает государству свободу действий: частные военные компании могут быть привлечены с целью устранения негодных политических и общественных деятелей, для обеспечения поддержки экстремистских или националистических группировок или для ведения подрывной деятельности на территории враждебной страны.

Также одной из разновидностей данной модели является использование стратегии «Proxy Warfare», получившей в российском дискурсе наименование «опосредованной войны». По определению это проводящиеся между двумя государствами на территории третьей страны войны под прикрытием разрешения внутривнутриполитического конфликта «с использованием части рабочей силы, ресурсов и территории этой страны в качестве средства для достижения преимущественно иностранных целей и иностранных стратегий» [16, с. 40].

В подобных конфликтах, где несколько более сильных держав могут вмешаться в военное противоборство на территории какого-либо государства и с помощью ЧВК активно продвигать свою позицию, напрямую не участвуя в конфликте (Ливия, Сирия, Украина), вооружённое противоборство увеличивает свой масштаб и становится более ожесточённым, военные действия продолжаются на протяжении долгого времени и проводятся в ущерб мирному населению и инфраструктуре государства (интересы страны, на территории которой происходит конфликт, как правило, не учитываются);

3) *помощь ЧВК в осуществлении военных действий, ведущихся другими государствами.* К данной категории относятся конфликты, где одной из сторон оказывают поддержку частные военные компании государства, официально не входящего в конфликт. Такая модель представляется вспомогательной и осуществляется не только в период гибридной войны, но и в процессе ведения традиционного военного противоборства.

Например, в Грузии в 2007–2008 гг. при осуществлении подготовки к вооружённому конфликту с Южной Осетией и Абхазией действовали иностранные частные военные компании. Под руководством правительственных сил амери-

⁵ Мадуро обвинил Трампа и Помпео в организации вторжения в Венесуэлу // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8411531> (дата обращения: 16.07.2020).

канские и британские ЧВК осуществляли логистику, строительство объектов и снабжение войск, оказывали охранные услуги, а израильские компании занимались подготовкой регулярных частей вооружённых сил Грузии⁶.

Подобная форма военной помощи союзникам или дружественным правительствам осуществляется достаточно часто, т. к. государство в данном случае задействует только финансовую составляющую. Дальнейшее планирование, контроль и координация действий военных специалистов и сотрудников ЧВК совершается страной, которая запросила соответствующую поддержку [4].

Представленные выше основные модели показывают, что частные военные компании обеспечивают интересы государств и взаимодействуют с различными акторами международных отношений. Само наличие военных конфликтов и вооружённых столкновений становится причиной спроса «на военную экспертизу и на военные услуги» [12, с. 26].

При этом необходимо отметить, что массовое привлечение ЧВК может повлечь непредсказуемые последствия и результаты для каждой из сторон конфликта. Важно, чтобы при использовании таких организаций государственные структуры не осуществляли бесконтрольный аутсорсинг функций вооружённых сил. Государство должно сохранять лидерство в таком партнёрстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЧВК, несмотря на недавнее возникновение, стали составной частью современных форм вооружённого противоборства (гибридные войны, прокси-войны и т. д.), что в то же время привело к появлению разного рода проблем, начиная от нарушения прав человека и заканчивая участием сотрудников в военных операциях с целью свержения легитимного политического режима. Привлечение ЧВК может привести к непредсказуемым последствиям и результатам для каждой из сторон, поэтому важно, чтобы при использовании частных военных компаний государственные структуры не осуществляли бесконтрольный аутсорсинг функций вооружённых сил. Государство при таком сотрудничестве должно быть доминантным членом.

В структуре гибридных войн частные военные компании используются государствами в комплексе с другими стратегиями противоборства. Увеличение количества частных военных компаний как эффективного инструмента внешней политики стимулирует увеличение «числа малых и больших необъявленных войн, в которых вооружённое противоборство ведётся в условиях сохранения между странами формально мирных отношений» [7, с. 52].

Подобная ситуация показывает, что гибридные войны представляют собой эффективную разновидность вооружённого противоборства, которая активно применяется в последние десятилетия; такие войны являются «раз-

⁶ Кто и как помогал готовить грузинское вторжение // Независимое военное обозрение: [сайт]. URL: https://nvo.ng.ru/forces/2008-09-12/1_invasion.html (дата обращения: 05.11.2020).

ноуровневым, многомерным явлением, включающим в себя симбиоз “мягкой” и “жесткой» силы» [14, с. 288]. Способность комбинировать различные стратегии давления на противника, а также отсутствие чётко обозначенного инструментария позволяет говорить о том, что в будущем возможно появление новых методов и комбинаций достижения цели гибридной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартош А. А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61.
2. «Гибридные» войны в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова М.: Издательство Московского университета, 2015. 380 с.
3. Зайцев А. Я. Частные военные компании как негосударственные акторы мировой политики // Архитектура международных отношений в XXI веке и глобальные тренды современности: теория и реальность: материалы IX Международной научно-практической конференции (14 ноября 2019 года) / под ред. Е. Н. Васильевой, Н. А. Цынарёвой. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. 368 с.
4. Зайцев А. Я., Манойло А. В. Роль частных военных компаний в использовании технологии «облачного противника» // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 91. № 2. С. 167–173.
5. Коновалов И. П. Солдаты удачи и воины корпораций: история современного наёмничества. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 216 с.
6. Королькова Е. Е. К вопросу о понятии «частные военные и охранные компании» и видах оказываемых ими услуг в вооружённых конфликтах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 141–145.
7. Манойло А. В., Зайцев А. Я. Международно-правовой статус частных военных компаний // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 1. С. 47–55.
8. Манойло А. В., Стригунов К. С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // Международная жизнь. 2020. № 11. С. 64.
9. Мировая политика: передовые рубежи и красные линии / А. В. Булавин, О. Г. Карпович, А. В. Манойло, В. Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. 456 с.
10. Небольсина М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав: монография. М.: Международные отношения, 2016. 240 с.
11. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы / А. В. Манойло, О. Г. Карпович, Т. В. Вершинина, А. В. Булавин. М.: Издательство Дипломатической академии МИД РФ, 2019. 434 с.
12. Уваров Н. М. Частный военный бизнес военных ведомств: по опыту основных зарубежных стран – М.: Едиториал УРСС, 2009. 46 с.

13. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI веке / К. П. Курылев, Е. В. Мартыненко, Н. П. Пархитько, Д. В. Станис // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 130–149.
14. Цыганков П. А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета: социология и политология. 2015. № 4. С. 253–257.
15. Isenberg D. A Fistful of Contractors: The Case for a Pragmatic Assessment of Private Military Companies in Iraq // Basic Research Report. 2004. № 4. Pp. 68–70.
16. Mumford A. Proxy Warfare and the Future of Conflict // The RUSI Journal. 2013. Vol. 158. № 2. Pp. 40–46.

REFERENCES

1. Bartosh A. A. [Hybrid Warfare Paradigm]. In: *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 2017, no. 3, pp. 44–61.
2. [“Hybrid” wars in the chaotic world of the XXI century], Moscow: Moscow State University Publ., 2015, 380 p.
3. Zaitzev A. Ya. [Private military companies as non-state actors in world politics]. In: *Arhitektura mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke i global'nye trendy sovremennosti: teoriya i real'nost': materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (14 noyabrya 2019 goda)* [The architecture of international relations in the XXI century and global trends of our time: theory and reality: proceedings of the IX International scientific and practical conference (November 14, 2019)], Tver': Tver' State University Publ., 2020, 368 p.
4. Zaitzev A. Ya., Manojlo A. V. [The Role of Private Military Companies in Using Cloud Adversary Technology]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of RAS], 2021, vol. 91, no. 2, pp. 167–173.
5. Konovalov I. P. [Soldiers of Fortune and Warriors of Corporations: A History of Modern Mercenaries]. Pushkino: Centr strategicheskoy kon'yunktury Publ., 2015. 216 p.
6. Korol'kova E. E. [On the question of the concept of “private military and security companies” and the types of services they provide in armed conflicts]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University], 2018, no. 2, pp. 141–145.
7. Manojlo A. V., Zajcev A. Ya. [International legal status of private military companies]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of RAS], 2020, vol. 90, no. 1, pp. 47–55.
8. Manojlo A. V., Strigunov K. S. [Operation Gedeon: Success of Venezuelan or American Secret Services?]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International affairs], 2020, no. 11, pp. 64.
9. Bulavin A. V., Karpovich O. G., Manojlo A. V., Mantusov M. V. [World politics: front lines and red lines]. Moscow: RIO Rossijskoj tamozhennoj akademii Publ., 2018, 456 pp.

10. Neboľ'sina M. A. [Regulation of the activities of private military and security companies: a comparative analysis of the policies of international organizations and world powers: monograph]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2016. 240 pp.
11. Manojlo A. V., Karpovich O. G., Vershinina T. G., Bulavin A. V. [The politics of multipolarity: new challenges and threats], MID RF Publ., 2019, 434 pp.
12. Uvarov N. M. [Private military business of military departments: according to the experience of the main foreign countries], Moscow: Editorial URSS Publ., 2009, 46 p.
13. Kurylev K. P., Martynenko E. V., Parhit'ko N. P., Stanis D. V. [The Phenomenon of Private Military Companies in the Military Policy of States in the 21st Century]. In: *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [International organizations research journal], 2017, vol. 12, no. 4, pp. 130–149.
14. Cygankov P. A. ["Hybrid war": political discourse and international practice]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta: sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University: Sociology and Political Science], 2015, no. 4, pp. 253–257.
15. Isenberg D. A. Fistful of Contractors: The Case for a Pragmatic Assessment of Private Military Companies in Iraq. In: *Basic Research Report*, 2004, no. 4, pp. 68–70.
16. Mumford A. Proxy Warfare and the Future of Conflict. In: *The RUSI Journal*, 2013, vol. 158, no. 2, pp. 40–46.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила 28.06.2021

Статья размещена на сайте: 10.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зайцев Александр Ярославович – специалист по учебно-методической работе, МГУ имени М. В. Ломоносова; email: zayts214@ramber.ru

Aleksandr Ya. Zaytsev – specialist in educational and methodology work, Lomonosov Moscow State University; email: zayts214@ramber.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Зайцев А. Я. Частные военные компании как инструмент осуществления силовой стратегии гибридных войн // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Zaytsev A. Ya. Private military companies as a tool for implementing the power strategy of hybrid wars. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: evestnik-mgou.ru.

УДК 327

Комлева Н. А.

Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем
121108, г. Москва, ул. Г. Гурина, д. 10, к. 2, оф. 110, Российская Федерация

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ: «ТУРЕЦКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение процесса становления Турции как одного из полюсов формирующегося многополярного мира.

Процедура и методы. Применяются системный, компаративный и феноменологический методы исследования.

Результаты. Обобщается практика реализации Турцией собственного геополитического проекта, который состоит из трёх частей: неоосманизма, пантюркизма и панисламизма. Автор называет совокупность этих характеристик «турецким треугольником». Проведённый анализ показал, что в геополитическом плане современная Турция представляет собой универсальную империю этакратически-идеократического типа, осуществляющую активную экспансию во всех типах геополитических пространств.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию геополитики, а также имеют значение для прогнозирования геополитического поведения современной Турции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Турция, универсальная империя, имперская экспансия, неоосманизм, пантюркизм, панисламизм, «турецкий треугольник»

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Империя как геополитический феномен](#)

[Возрождение империй: специфика турецкого пути](#)

[В пространстве географическом](#)

[Вывод](#)

N. Komleva

*Geopolitical analysis Center in Academy of geopolitical problems
110 b. 2 of. 10 Gurina ul., Moscow 121108, Russian Federation*

THE REBIRTH OF THE EMPIRE: "TURKISH TRIANGLE"

ABSTRACT

Aim. To study the process of formation of Turkey as one of the poles of the emerging multipolar world.

Methodology. The main methods of research are: systematic, comparative, and phenomenological methods.

Results. The article summarizes the practice of implementing Turkey's own geopolitical project, which consists of three parts: neo-Ottomanism, pan-Turkism and pan-Islamism. The author calls the combination of these characteristics the "Turkish triangle". The analysis has shown that, in geopolitical terms, modern Turkey is a universal empire of the etacrat-ideocratic type, which is actively expanding in all types of geopolitical spaces.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of geopolitics, and are also important for predicting the geopolitical behavior of modern Turkey.

KEYWORDS

Turkey, universal empire, imperial expansion, neo-Ottomanism, pan-Turkism, pan-Islamism, "Turkish triangle"

*«...мы проснулись для нового миропорядка,
в котором Турция займёт место сверхдержавы»¹*

(Ибрагим Карагюль,
главный редактор газеты «Yeni Şafak»)

ВВЕДЕНИЕ

Современная Турция активнейшим образом возвращается в инклюзии и лимитрофы Османской империи, вступая при этом в конфликт интересов с державами, освоившими бывшие османские территории в период после Первой и Второй мировых войн. Более того, Турция претендует на пространства, прежде в Османскую империю не входившие. В научной литературе уделяется внимание преимущественно экспансии Турецкой Республики в географическом и экономическом пространстве, но информационно-идеологическое и особенно кибернетическое пространство как объект турецкой экспансии практически не рассматриваются. К тому же, политическое поведение Турции обычно изучается в рамках теории международных отношений как действия субъекта международных отношений, но не в гео-

¹ Карагюль И. Мы объявили «большие претензии». Теперь пришло время делать «большие шаги» // Анонимная блог-платформа Telegraph : [сайт]. URL: <https://telegra.ph/My-obyavili-bolshie-pretenzii-Teper-prishlo-vremya-delat-bolshie-shagi-11-14> (дата обращения: 15 марта 2021).

политической парадигме – в качестве экспансии имперского образования. Данная статья представляет собой попытку исследования феномена восстановления утраченного столетие тому назад имперского статуса Турции, причём подчёркивается, что этот процесс происходит во всех основных геополитических пространствах в совокупности. Исследование осуществляется на основе системного, компаративного и феноменологического методов. В результате произведённого исследования автор приходит к выводу, что современная Турция осуществляет активную экспансию во всех типах геополитических пространств.

ИМПЕРИЯ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Империя, по нашему мнению, – это совокупность геополитических пространств, находящихся под прочным и постоянным контролем мощного актора государственной или негосударственной природы с целью использования ресурсов этих пространств в интересах данного актора [8]². При этом к основным геополитическим пространствам относятся географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое пространства (с момента появления последнего во второй половине прошлого века) [7]. Мы выделяем два основных типа империй: 1) универсальный (включающий всю совокупность геополитических пространств), созидательным и контролирующим актором которого может быть только государство; 2) частичный (существующий лишь в одном из нетерриториальных геополитических пространств: экономические империи, идеологические империи, кибернетические империи), где актором выступают глобальные или транснациональные частные корпорации [8]. Именно единство и совокупное развитие названных пространств, скреплённое целенаправленными действиями соответствующего имперского государства, лежит в основе геополитической конкурентоспособности универсальных империй. При этом: чем больше частичных империй содержат пространства империи универсальной, тем более она способна к осуществлению эффективной геополитической экспансии, т. е. к расширению во всех основных геополитических пространствах.

Фундамент универсальной империи стоит на двух опорах: на таком институте, как государство, в значительной степени функционирующем на почве рациональности, а также на не определяемой в точных параметрах готовности имперской нации идти на ограничения и даже жертвы во имя сохранения и расширения своих пространств. Империя – дорогой институт, она взимает плату за право быть ею не только со своих лимитрофов, но и

² Определение применимо исключительно в рамках геополитики, в политологии используется иное понимание сущности империи в соответствии со спецификой языка и базовой парадигмы этой науки.

с собственного народа, с имперской нации, причём время от времени – кровью. Так или иначе, для функционирования империи в равной степени важны и «пространственный разум государства», и «пространственное чувство народа»³. Географический и даже экономический и идеологический компонент империи могут разрушиться, территория имперского государства может «съёжиться» до исторического ядра, до изначальной площади проживания государствообразующего этноса, но фантом данной империи в нерушимом единстве всех её былых великих пространств существует вне конкретных исторических обстоятельств, как рыба латимерия, прячущаяся в океанских безднах, но неизменно живая и время от времени появляющаяся на поверхности, седая и полуслепая от воздействия безмерных глубин.

Имперские нации никогда не теряют память. Более того, в случае распада империи под влиянием внешних или сочетанных внешних и внутренних обстоятельств бывшее обширное пространство и бывшее великое время хранятся в недрах национального самосознания и постепенно формируют идею возрождения, идею, а затем и практику возвращения в прежние географические, экономические и ментальные границы при обстоятельствах, которые нация таинственным образом сочтёт благоприятными для этого. «Пространственное чувство народа» может быть значительно обширнее территории его проживания в данный исторический момент и так или иначе, в той или иной форме, с той или иной эффективностью может влиять на «пространственный разум» соответствующего государства, побуждая его разрабатывать и осуществлять соответствующие политические практики.

Структура империй троична. Она включает в себя: 1) имперский центр, 2) инклюзии и 3) лимитрофы. Центр и инклюзии (пространства, вошедшие в состав империи как в результате силового захвата имперским центром, так и на добровольной основе) составляют тело империи, под контролем которого находятся лимитрофы, т. е. образования формально, юридически, суверенные, но в реальности находящиеся в разной, часто всеохватной, зависимости от имперского центра, прежде всего в зависимости силовой (военной) и экономической.

Существует два основных типа универсальных империй, и, исходя из специфических параметров каждого имперского типа, и их распад, и их возрождение происходят по-разному.

Первый и наиболее распространённый в истории тип, возникающий ещё в Древнем мире, это империи этакратически-идеократические, институциональным каркасом которых являются государство и идеология (религия). Доминантное пространство здесь – информационно-идеологическое, и

³ Термины принадлежат «отцу геополитики» Ф. Ратцелю. См.: [10, с. 15–36].

с дискредитацией доминантной идеи, скрепляющей такую империю, утрачиваются, полностью или частично, все другие её геополитические пространства. Но прежде должно рухнуть имперское государство, а с ним – и эффективный контроль над совокупностью пространств империи. Такие империи разрушаются чаще всего в результате проигранной ими войны (мировая, региональная, локальная, национально-освободительная в имперских инклюзиях). Таковы, к примеру, Российская и Османская империи, распавшиеся в результате Первой мировой войны, или Испанская империя, рухнувшая под ударами национально-освободительной войны в своих Центрально- и Южноамериканских инклюзиях.

Второй тип, формирующийся значительно позже, уже в Новое время, – это империи либерально-корпоративного типа, где доминируют пространство экономическое и такие институты, как экономические корпорации. Это исключительно устойчивый тип империй, поскольку их корпоративно-экономический каркас (экспансионистски активные транснациональные и глобальные корпорации имперского центра) сохраняется даже в случае утраты ими большей части географического пространства. Они просто принимают другую форму, существуя в виде империй экономических и / или культурно-идеологических. Таковы, например, Французская и Британская империи, сохранившиеся в виде, соответственно, Франкофонии и Содружества (до 1946 г. – Британского содружества). При этом Франкофония – в наибольшей степени культурно-идеологическое образование, а Содружество – экономико-культурное.

Утрата территории, т. е. травма географического тела империи, неизбежно сопровождается травмой её ментального тела. Географические потери наглядны, зримы и ещё более травматичны оттого, что, во-первых, при этом происходит разрыв сложившихся десятилетиями экономических связей внутри империи, а во-вторых – за пределами сжавшейся (контрактированной) территории часто остаются этнически близкие сообщества, сохранившие разнообразные социальные связи с контрактированным имперским телом, и это подчёркивает и усугубляет травму.

Контрактированное имперское тело, с утратой большей части инклюзий и лимитрофов превратившееся в ординарное государство, стремится травму преодолеть. Этот процесс происходит в несколько этапов. Рассмотрим его на примере современной Турции.

Вот каким было географическое пространство Турции на пике её имперского развития в XVI в. (см. рис. 1).

Конечно, распад такого обширного пространства и разрыв сложившихся за века связей экономического и культурного характера нанесли турецкому имперскому социуму чрезвычайно болезненную травму. Изживая её, Турция следует по пути всех пост-имперских социумов, но проходит она этот путь по-своему.

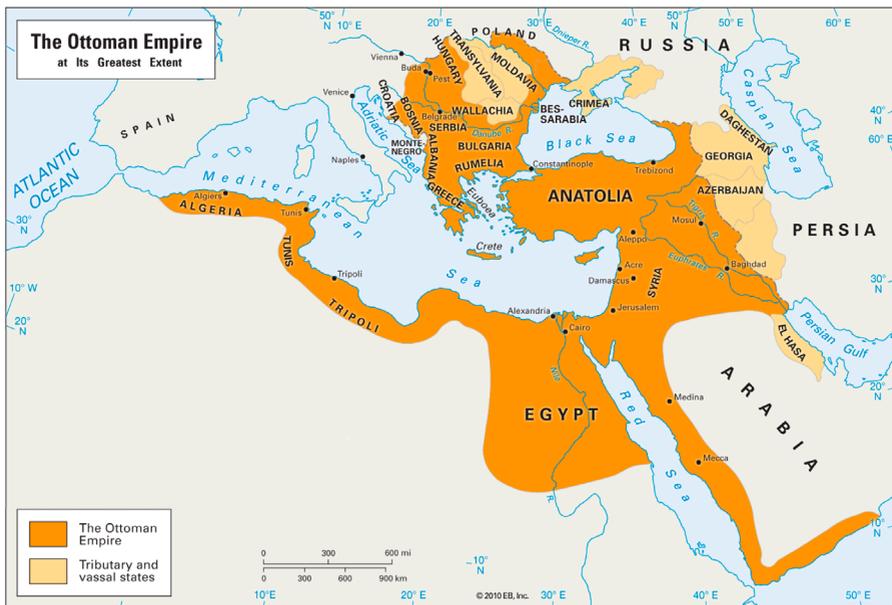

Рис. 1 / Pic. 1. Османская империя в период расцвета / The Ottoman Empire at its Greatest Extent

Источник: Ottoman Empire location image gallery : [сайт]. URL: <http://www.imagekb.com/ottoman-empire-location> (дата обращения: 29.03.2021)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИЙ: СПЕЦИФИКА ТУРЕЦКОГО ПУТИ

На первом этапе имперская нация, переживая случившуюся с ней травму как неуспех и поражение, стремится присоединиться к успешным социумам, социумам-победителям и старательно перенимает у них те характеристики, которые на данный период времени считаются главными маркерами успеха. Именно этот стимул лежал в основе реформ М. К. Ататюрка в Турции 1920-х гг., в бывшем центре Османской империи. В тот исторический период успешной геочивилизацией признавалась геочивилизация Запада, и особенно её ядро – Британская империя. Это империя либерально-корпоративного типа, поэтому травмированные социумы прежде всего перенимали параметры её экономического и информационно-идеологического пространства: капиталистический способ производства и либеральную идеологию.

В Турции провозглашается республиканская форма правления, перенимаются внешние параметры либеральных западных демократий, с 1923 г. страна официально именуется Турецкой республикой. При этом список кандидатов в депутаты Национального собрания составлялся лично председа-

телем соответствующей партии⁴, а председатель партии был несменяемым лицом.

В 1924 г. отменено шариатское судопроизводство, которое заменяется на адаптированные под турецкие реалии кодексы Швейцарии (Гражданский кодекс), Италии (Уголовный кодекс), Германии (Коммерческий кодекс). Многожёнство запрещается. Женщины получают политические права (1934 г.), работают в сфере юриспруденции, в медицине и образовании. Распускаются турецкие дервишские общины, религиозные учебные заведения заменяются светскими, которые с 1924 г. подчиняются единому государственному органу.

Для обеспечения развития турецкой промышленности и предпринимательства по западному образцу создаётся Деловой банк, а также временный консорциум, в который входят министерство финансов и крупнейшие банки страны.

«Для полноты сходства» внедрялись и чисто внешние признаки имперского успеха: одежда (запрещалось ношение традиционной одежды) и бытовые обычаи (в том числе вводились европейские танцы), арабский алфавит заменяется адаптированным латинским. «Чиновники, не знающие нового письма, увольнялись. Заключённые, не осваивавшие нового алфавита, не выпускались на свободу» [12, с. 66]. В 1934 г. турки получают фамилии по европейскому образцу, и Национальное собрание специальным законом присваивает Мустафе Кемалю фамилию Ататюрк («Отец турок»), тем же законом запрещая носить эту фамилию кому-либо ещё.

В случае петровской России, следовавшей путём имперской на тот исторический момент Голландии, импринтинг прошёл более-менее успешно, поскольку Россия принадлежит к христианской европейской цивилизации, но в случае Турции всё оказалось намного сложнее, т. к. турецкий социум принадлежит к цивилизации азиатской и, что особенно важно, исламской. Неслучайно вестернизацию Турции пришлось запечатать военной печатью: армия стала гарантом проведения реформ и продолжала ею быть на протяжении почти ста лет.

Однако на пути вестернизации лежит препятствие, которое в «теории созидательного разрушения» Зомбарта-Шумпетера [15] называется «проблемой колеи» [3]: нация принимает технологии реформирования её цивилизационного кода лишь до определённого предела, пока дело напрямую не касается базовых ценностей. Дальше идёт «обратный ход пружины», т. е. появляются лидеры мнений и радикальные политические структуры (партии, движения, кружки и т. п.), которые артикулируют и в определённой степени практикуют возвращение к «истокам», «корням», к традиционным параметрам культуры и образа жизни, форм политических и экономических

⁴ С 1923 г. и вплоть до 1950 г. правящей партией Турецкой республики была Народно-республиканская, легально действовали ещё две, Прогрессивно-республиканская и Либерально-республиканская, с 1946 г. количество политических партий увеличилось до 15.

процессов. В случае Турции это: 1) ценности суннитского ислама: освящение процесса возвращения к имперскому статусу – «во имя Аллаха» – и сопряжённый с этим концепт суннитского панисламизма; 2) пантюркизм, в котором проявилась необходимая для осуществления эффективной геополитической экспансии идея национальной исключительности и сформировался концепт Великого Турана как политического и экономического объединения всех тюрков; 3) неоосманизм, возврат к геополитическим пространствам и геополитическому статусу Османской Турции⁵. Назовём совокупность этих параметров «турецким треугольником». Данный «треугольник» и представляет собой «колею», в которой забуксовала вестернизация страны. Более того, «турецкий треугольник» представляет собой базовый имперский проект современной Турции.

Любой социум, стремящийся восстановить свои геополитические пространства, вначале формирует ментальную основу предполагаемых политических практик такого восстановления, стратегические цели, на фундаменте которых строит свою геополитическую дорожную карту. В случае имперского социума это – без исключений – проект общеконтинентального или даже глобального масштаба. Глобальный либеральный проект принадлежит геочивилизации имперского Запада (универсальные империи либерально-корпоративного типа). Ушедший в историю глобальный коммунистический проект составлял фундамент универсальной советской империи этократически-идеократического типа. Турецкий имперский проект, будучи также этакратически-идеократическим, основывается на ценностях религиозных и этнических. Именно эта двоичная структура применяется в случае «третьего пути», пролегающего между берегами либерализма и коммунизма. Либерализм и коммунизм рациональны, они апеллируют к разуму, этничность и религия – к чувству, и более того – к подсознательным механизмам социума, наиболее прочным из всех и абсолютно неуничтожимым. Эмоционально-чувственная природа турецкого имперского проекта и вызывает к жизни резкие, «размашистые», рационально порицаемые политические практики турецкого президента Р. Т. Эрдогана: «шесть стран – один народ», открытые военные действия на севере Сирии и латентное участие в карабахской войне 2020 г. и т. п. Политический разум, в частности, ограничивающий политические действия международными договорами и правовыми нормами, казалось бы, не допускает таких практик, но «пространственное чувство» тюрков, религиозные и этнические эмоции тюркских и мусульманских народов, которые стремится опекать (а затем и поглотить) Турция – вполне эти практики принимают, как и имперский проект Турции в целом. Этот проект – в части пантюркизма и панисламизма – им «родной» и эмоционально близкий. Более того, Турция может «играть» составными частями своего «треу-

⁵ Подробнее о сущности и генезисе неопантюркизма и неоосманизма см.: [5].

гольника»: к примеру, для азербайджанцев, большая часть которых является шиитами, предлагается общетюркская часть имперского турецкого проекта, а для балканских славянских народов, исповедующих суннитский ислам – мусульманская. А как же «османская» часть проекта, казалось бы, насквозь индивидуально-турецкая? Здесь отлично работает целенаправленно создаваемая мифология: Османская Турция подаётся как империя всеобщей справедливости, как социальное государство, где соблюдаются права человека вне зависимости от его религиозной и этнической принадлежности. Любая империя невозможна без соответствующего мифа, а великая империя, т. е. сверхдержава регионального или глобального уровня – без великого мифа, сколь угодно жёстко калечащего реальную историю ради создания и укрепления реально великой империи. Такова ментальная составляющая системного феномена имперского величия. Эмоциональная составляющая «обратного хода турецкой пружины» сегодня выражается в чёткой словесной формуле: «Отныне есть Турция, которая обладает правом голоса как на поле боя, так и за столом переговоров и никому не уступит свои права и интересы»⁶. «Ударным шагом» в этом направлении стало законодательно оформленное превращение собора Айя-София в мечеть в 2020 г. При этом необходимо особо отметить тот факт, что первый намаз в Айя-Софии, вновь ставшей мечетью, прошёл 24 июля 2020 г., то есть в девяносто седьмую годовщину подписания Лозаннского мирного договора⁷, закрепившего поражение Османской империи в Первой мировой войне. «Это символ нашего возрождения и разрушения оков... Мы продолжим наше шествие и не остановимся, пока не достигнем цели», – заявил Р. Эрдоган⁸. Символика возвращения собора в статус действующей мечети в годовщину подписания Лозаннского договора и сопутствующие этому событию слова президента Турецкой республики явственно свидетельствуют о намерении этого государства пересмотреть результаты Первой мировой войны и возродить Османскую империю как в плане контролируемого Турцией географического пространства, так и в аспекте изменения духовных основ существования турецкого социума. Более того, это не первый шаг Турции в плане ревизии как политики Ататюрка, так и результатов Первой мировой. В 2017 г. во время визита в Грецию Р. Эр-

⁶ Бол Ф. Россия выжидает // Иносми.ру Россия сегодня: [сайт] URL: https://inosmi.ru/politic/20201021/248376646.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения 21 марта 2021).

⁷ По этому договору Турция, в частности, лишалась таких своих провинций, как Аравия, Египет, Судан, Триполитания, Киренаика, Месопотамия, Палестина, Трансиордания, Ливан, Сирия, а также островов в Эгейском море (Лемнос, Самофраки, Лесбос, Хиос, Самос, Икартия). Кроме того, договор предусматривал свободу прохода через проливы Босфор и Дарданеллы торговых и военных судов, включая воздушные, а также демилитаризацию проливов.

⁸ Цит. по: Gorvett J. Turkey's Challenge to the Regional Status Quo Begins in the Eastern Mediterranean : [сайт]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29031/how-eastern-mediterranean-tensions-are-complicating-the-cyprus-turkey-dispute> (дата обращения: 29.03.2021).

доган «прямым текстом» заявил о необходимости пересмотра Лозаннского мирного договора: «Я разбираюсь в международном праве и могу сказать, что существуют условия, при которых договоры могут обновляться, и мы это сделаем. Достаточно, чтобы страны об этом договорились. Этому есть много примеров в мировой практике»⁹.

На каждой из вершин «турецкого треугольника» сегодня находится фигура Р. Т. Эрдогана. Политика, проводимая президентом Турции, которого всё чаще в шутку и всерьёз называют султаном, «позволила демократическим путём изменить форму государственного правления от парламентской республики к президентской, демонстративно отказаться от исключительно проевропейского вектора внешнеполитического развития, укрепила позиции традиционного ислама в повседневной жизни турецкого общества и его элиты, дала толчок для укрепления геополитической самостоятельности страны» [4, с. 52; см. об этом также: 1, 2]. Кроме того, Эрдоган постепенно ломает и «военную печать» (особенно активно – после попытки военного переворота в 2016 г.): «Реджеп Эрдоган с самого начала проводил борьбу против «кемализма», удаляя из государственных институтов и университетов тех военных, – а в Турции военная группировка всегда была достаточно сильна, – которые были последователями стратегии первого президента Турции Мустафы Кемаля Ататюрка. Потому что Эрдоган хотел бы сам быть тем, кто сделал для Турции буквально всё»¹⁰.

Наступает **второй этап** пост-имперского существования нации: постепенное восстановление былых геополитических пространств.

Необходимо отметить, что импульс имперского возрождения усиливается общим возрожденческим усилием гецивилизации, к которой принадлежит данное имперское тело. Так, к примеру, современная Турция действует в русле глобального процесса исламского возрождения: «Исламский вызов выражается во всеобъемлющем культурном, социальном и политическом исламском возрождении в мусульманском мире и сопровождающем этот процесс отвержении западных ценностей и институтов» [14, с. 149]. Этот процесс опирается, в том числе, на историческую память: «В период расцвета исламской цивилизации с ней по количеству населения и по культурным достижениям могла соперничать только китайская. Но китайская цивилизация формировалась как локальная, ограниченная одним регионом и одной расовой группой. Ислам же создал цивилизацию мирового масштаба – полиэтническую, многорасовую, межконтинентальную» [9, с. 487].

⁹ Цит. по: Габриелян А. Попытки Турции обновить Лозаннский договор // Институт Ближнего Востока [сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=39964> (дата обращения 25 марта 2021).

¹⁰ Языкова А. Турецкий неосоманизм и евроинтеграция: одно другому не мешает // Полит.ру [сайт]. URL: <https://polit.ru/article/2015/12/03/turkey> (дата обращения 22 марта 2021).

Турция целенаправленно создаёт сеть организаций, способствующих укреплению её статуса как лидера суннитско-исламского и общетюркского развития.

Создан (2009 г.) Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский совет), штаб-квартира которого располагается в Стамбуле, Парламентский совет – в Баку, Тюркская Академия (научные исследования различных аспектов жизни тюркских народов) – в Нур-Султане, а Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) – в Анкаре. В состав Тюркского совета входят, кроме Турции, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан. Статус наблюдателя в Совете имеет Венгрия (с 2019 г., в том же году в Будапеште открыт Европейский офис Тюркского совета). В проектах Тюркского совета участвуют регионы в составе России (в настоящее время – лишь Татарстан), Молдавии (Гагаузия), а также Республика Северного Кипра. После того как в 2015 г. в Сирии был сбит российский военный самолёт, Минкульт РФ направил в регионы, сотрудничавшие с Тюркским советом (Республика Алтай, Саха-Якутия, Башкортостан¹¹, Татарстан, Тыва, Хакасия), директиву о необходимости прекращения связи с этой организацией, однако Татарстан уклонился от её исполнения.

Посредством Тюркского совета Турция активно продвигает свои экономические и культурные проекты в регионе Центральной Азии и Казахстана. Совет установил официальные отношения с ОБСЕ, ОЧЭС, ОЭС и ВТО. «Тюркский совет придаёт большое значение экономическому сотрудничеству между тюркскими государствами и их экономическим связям. За годы деятельности Тюркского совета министры, отвечающие за экономику, собирались 10 раз. В ходе министерских встреч подписан ряд документов, регулирующих сотрудничество в данной сфере»¹². В 2019 г. в рамках Тюркского совета создан Тюркский инвестиционно-интеграционный фонд (ТИИФ), а также Тюркская торгово-промышленная палата (ТТПП).

Саммиты глав государств и правительств стран-членов Тюркского совета были посвящены следующим интеграционным направлениям. Первый саммит (2011 г.) – «Экономическое сотрудничество», второй (2012 г.) – «Сотрудничество в сфере образования, науки и культуры», третий (2013 г.) – «Транспорт и связь», четвёртый (2014 г.) – «Сотрудничество в сфере туризма», пятый (2015 г.) – «Сотрудничество в области информации», шестой (2018 г.) – «Молодёжь и национальный спорт», седьмой (2019 г.) – «Поддержка малого и среднего бизнеса», восьмой (2020 г.) – «Сотрудничество и солидарность в борьбе с пандемией COVID-19».

¹¹ В частности, 2012 г. в Башкирском государственном педагогическом университете открылась кафедра ТЮРКСОЙ.

¹² Амреев Б. Тюркский совет набирает обороты // Казахстанская правда : [сайт]. URL: <https://kazpravda.kz/articles/view/turkskii-socket-nabiraet-oboroti> (дата обращения 22 марта 2021).

В 2019 г. в Баку был подписан «Протокол о сотрудничестве между учреждениями общественного вещания государств – членов Тюркского совета». Принято решение создать Объединённый пул ФТР (национальных телеканалов) для производства и транслирования программ и видеоматериалов «по согласованным категориям». Достигнута договорённость о создании совместных документальных, короткометражных фильмов и видеороликов для реализации проектов «100 лиц Тюркского мира» и «Святая земля Тюркского мира». Тюркской академии и министерствам образования стран Тюркского совета поручено завершить работу над учебниками для средних школ стран – участниц Совета по «Общей истории тюркских народов до XV века», а также «Общей географии и литературы тюркского мира»¹³. Тюркский совет внимателен к тюркоязычным диаспорам: Советом принята «Стратегия совместной деятельности тюркоязычных диаспор Тюркского совета» и утверждён «Совместный план действий».

В 2012 г. на очередном саммите Тюркского совета был принят и в том же году впервые поднят общий флаг, сочетающий в себе символы из флагов всех стран-членов Совета (цвет – Казахстан, звезда – Азербайджан, солнце – Киргизия, полумесяц – Турция). Предписывается на официальных мероприятиях одной из стран Совета располагать этот флаг рядом с флагом данной страны.

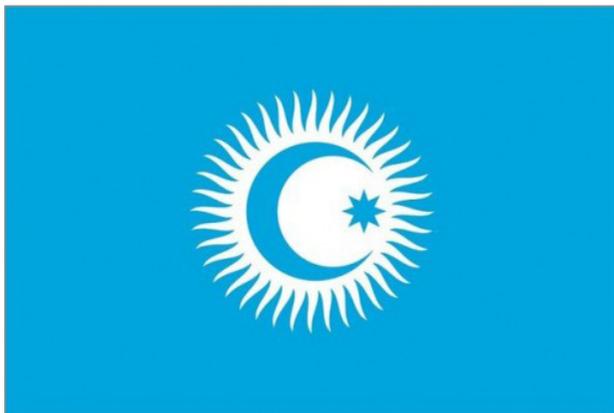

Рис. 2 / Fig. 2. Флаг Тюркского совета / Flag of the Turkic Council

Источник: Флаг Тюркского совета : [сайт]. URL: <https://f-gl.ru/флаги-международных-организаций/флаг-тюркского-совета> (дата обращения 7 апреля 2020 г.)

В 1992 г. при турецком Министерстве иностранных дел было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТКА). Его цель – «координация на государственном уровне всех видов деятельности во имя едине-

¹³ Амреев Б. Тюркский совет набирает обороты // Казахстанская правда: [сайт]. URL: <https://kazpravda.kz/articles/view/turkskii-socket-nabiraet-oboroti> (дата обращения 22 марта 2021).

ния тюрков»¹⁴. Однако Агентство работает и с религиозно близкими странами. Например, оно развило активную деятельность в государствах Африки с преобладанием мусульманского населения, подкрепив её идеологическим обоснованием: ТИКА «разработало, ни много ни мало, новую модель развития для африканских стран, которая состоит из широкого спектра программ поддержки: от восстановления до образования, от сельского хозяйства до ирригации, общей целью которых является способствование самодостаточности континента»¹⁵. Координационные офисы ТИКА находятся в 54 странах Азии, Европы и Африки. Особо отметим, что Агентство выделяет стипендии государственным должностным лицам этих стран для обучения и профессиональной подготовки в Турции¹⁶. Также обучение за счёт Турецкой республики предоставляется медицинскому персоналу различного уровня, военным, полицейским, а также религиозным деятелям (в том числе преподавателям исламских учебных заведений).

Рис. 3 / Fig. 3. Карта Великого Турана с обозначением входящих в него территорий / Map of Great Turan with the designation of the territories included in it
 Источник: Turan Haritası : [сайт]. URL: https://twitter.com/rizakaya_1919 (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁴ Агентство тюркского сотрудничества и развития. // Turkish First : [сайт]. URL: <http://www.turkishfirst.ru/stories/269-tika.html> (дата обращения: 25 марта 2021).

¹⁵ Ковалев В. И. К 25-летию турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА) и африканском векторе его деятельности. // Институт Ближнего Востока: [сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=35046> (дата обращения: 25 марта 2021).

¹⁶ См.: ТИКА. Официальный сайт // ТИКА: [сайт]. URL: <https://www.tika.gov.tr/en> (дата обращения: 5 апреля 2021).

Тюркский совет и Агентство тюркского сотрудничества и развития – это ключевые структуры реализации идей «турецкого треугольника», и прежде всего, проекта Великого Турана в рамках концепции пантюркизма.

В соцсетях Турции и других стран размещаются карты Великого Турана, одну из них представляем ниже.

В каждом конкретном типе геополитического пространства имперское возрождение происходит с присущей ему спецификой.

В ПРОСТРАНСТВЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ

Локальные войны способствуют возвращению контроля над прежними инклюзиями и / или лимитрофами. Таковы, к примеру, военные операции современной Турции в Сирийском и Иракском Курдистане, а также участие турецких военных в гражданской войне в Ливии на стороне Правительства национального согласия под предлогом защиты этнических тюрок, живущих в этих странах со времён Османской империи. При этом Турция обладает «огромным военным потенциалом, превосходящим потенциал практически любой страны на Ближнем Востоке, кроме разве что Израиля» [6, с. 317].

Турецкие военные базы как опорные пункты готовности к войнам за прежние имперские инклюзии и лимитрофы появляются в стратегических точках Восточной Евразии и Африки. Например, сформировавшийся на протяжении последнего десятилетия «турецкий военный треугольник».

Отметим, что турецкая военная база на острове Суакин (Северный Судан) воспроизводит ситуацию XVI в., когда османами здесь были построены казармы и штаб-квартира турецкого флота на Красном море.

Турция также имеет военные базы на территории Северного Кипра, в Ираке (база Башика, а также, возможно, ещё несколько, расположение которых на официальном уровне не указывается) и в Албании (Паша-Лиман). Существуют планы создания военных баз этой страны в Нигере (в июле 2020 г. подписано соответствующее соглашение) и в Ливии (военно-морская в Мисурате и военно-воздушная в Аль-Ватии)¹⁷. Комментируя последнее, политический аналитик Бюлент Ерандак заявляет: «Мы ещё раз напоминаем империалистическому Западу, что являемся потомками империи, которая сделала Средиземное море турецким озером»¹⁸.

Президент Турции Р.Т. Эрдоган, выступая в университете г.Ризе, заявил: «Кроме 79 миллионов жителей нашей страны, существуют ещё миллионы на-

¹⁷ Возрождение империи: зачем Турции военный контингент в разных странах мира. // РИА ФАН : [сайт]. URL: <https://riafan.ru/1287323-vozhrozhdenie-imperii-zachem-turcii-voennyi-kontingent-v-raznykh-stranakh-mira> (дата обращения 29 марта 2021).

¹⁸ Возрождение империи: зачем Турции военный контингент в разных странах мира. // РИА ФАН : [сайт]. URL: <https://riafan.ru/1287323-vozhrozhdenie-imperii-zachem-turcii-voennyi-kontingent-v-raznykh-stranakh-mira> (дата обращения 29 марта 2021).

ших братьев, живущих в других географических регионах, с которыми у нас есть исторические связи. В сферу наших интересов входит Ирак, Сирия, Ливия, Крым, Карабах, Азербайджан, Босния и другие братские регионы. Когда Турция потеряет свою независимость и потеряет будущее, тогда мы потеряем интерес к этим территориям. Множество историков считает, что в границы Турции должны входить Кипр, Алеппо, Мосул, Эрбиль, Киркук, Батуми, Салоники, Варна, Западная Фракия и острова Эгейского моря»¹⁹. Как говорится, неплохо для начала.

Рис. 4 / Fig. 4. «Треугольник» турецких военных объектов в Сомали, Катаре и Судане / “Triangle” of Turkish military installations in Somalia, Qatar and Sudan
 Источник: Аршев А. Турецкие базы в Африке как фактор влияния : [сайт]. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/tureckie-bazy-v-afrike-kak-faktor-vliyaniya-ii> (дата обращения 3 апреля 2021 г.)

Выступая в Великом национальном собрании Турецкой республики 3 октября 2020 г., Р. Т. Эрдоган объявил Иерусалим турецким городом: «Иерусалим – это наш город, город от нас. Наша первая кибла [направление молитвы] – это “Аль-Акса” <...> Иерусалим для нас – не просто геополитический вопрос. Нынешний облик Старого Города был создан при султанах Сулеймане Великолепном. Наши предки выражали уважение городу на протяжении

¹⁹ Габриелян А. Турция усиливает военное присутствие за рубежом // Институт Ближнего Востока : [сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=33110> (дата обращения 29 марта 2021).

веков²⁰»²¹. Говоря о странах Ближнего Востока, ранее входивших в состав Османской империи, президент Турции произнёс: «Не забывайте, что эти страны ещё не существовали вчера, вероятно, они не будут существовать завтра. Мы же установили наш флаг в регионе навсегда, с соизволения Аллаха!»²².

Помимо территорий бывшей Османской империи современная Турция претендует и на бывшие османские акватории в Чёрном, Эгейском и Средиземном морях с перспективой проецирования притязаний на акватории Персидского залива и Красного моря²³. Доктрина “Mavi Vatan” («Голубая родина»), в 2006 г. провозглашённая адмиралом Р. Гюрденизом и подробно разработанная им в фундаментальной книге «Труды о Голубой родине», насчитывающей 528 страниц, объявляет почти 500 кв. км акваторий указанных морей турецкой зоной влияния. При этом турецкий министр обороны М. Чавушоглу утверждает, что свои интересы в пространстве бывших османских акваторий Турция при необходимости будет отстаивать военной силой²⁴.

Какие реальные ресурсы имеет Турция для осуществления таких планов? Если говорить о ресурсах экспансии в географическом пространстве, то это прежде всего турецкая армия, считающаяся второй по мощи внутри блока НАТО после американской. «Политика турецких властей последних лет заключается в максимальной поддержке национальной оборонной промышленности. Предпочтение отдаётся созданию собственных прототипов или лицензионному производству иностранной техники. Турция стремится создавать свои образцы танков, бронетранспортёров, боевых самолётов, военной электроники и ракетных систем. Проводится масштабная модернизация вооружений военной техники турецкой армии»²⁵. К столетнему юбилею провозглашения Турецкой республики и реформ М. К. Ататюрка Турция полностью преодолела зависимость от поставок иностранной военной техники и вооружений. Современная Турция входит в число лидеров мировой обо-

²⁰ Иерусалим контролировался властями Османской империи с 1516 г. по 1917 г.

²¹ Эрдоган объявил Иерусалим турецким городом // EurAsia Daily от 3 октября 2020 г. : [сайт] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/03/erdogan-obyavil-ierusalim-tureckim-gorodom> (дата обращения: 5 апреля 2021).

²² Караев З. Эрдоган бросил вызов Ближнему Востоку: «Мы установили наш флаг навсегда с соизволения Аллаха» // Свободная пресса от 4 октября 2020 г. : [сайт]. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/277653> (дата обращения: 5 апреля 2021).

²³ Актар Д. Расширение военно-морских горизонтов Турции //МК Турция. Интернет-издание : [сайт]. URL: <https://mk-turkey.ru/blog/mnenie/2019/12/04/mosr-rasshirenje-voenno-morskih-gorizontov-turcii.html> (дата обращения: 29 марта 2021).

²⁴ Турция ведёт себя как хозяйка Восточного Средиземноморья // Европа – Кипр от 15.12.2019 : [сайт]. URL: <https://evropakipr.com/istorii/turciya-vedet-sebya-kak-hozyayka-vostochnogo-sredizemnomorya> (дата обращения 28 марта 2021).

²⁵ Вооружённые силы Турции // Арвелк. Стратегический аналитический центр : [сайт]. URL: <https://arevelkcenter.com/analytics-in-russian/vooruzhennye-silyi-turtsii> (дата обращения: 28 марта 2021).

ронной промышленности²⁶. Военные аналитики при этом отмечают, что развитие военной промышленности следует за геополитическими амбициями Турции [9]. «Стратегия состоит в том, чтобы построить военную силу, которая больше не уполномочена защищать родину, но должна иметь региональную позицию в случае необходимости», – утверждает турецкий политический аналитик А. Есилада²⁷.

На саммите Тюркского совета в октябре 2020 г. ожидалось заявление о создании Ассоциации правоохранительных органов военного статуса Евразии, которую журналисты загодя окрестили «армией Турана»²⁸, но этого не произошло. Ограничились обсуждением пандемии COVID-19. Тем не менее присутствие Р. Т. Эрдогана на параде победы в Баку 10 декабря 2020 г.²⁹ наводит некоторых аналитиков на мысль о том, что лозунг, касающийся Турции и Азербайджана, «две страны – один народ» через определенное время может быть продолжен лозунгом «две страны – одна армия» с формированием единого командного центра и утверждением постоянного военного присутствия Турции в Закавказье³⁰.

В 2019 г. Турция запатентовала слоган «Мир больше пяти» в качестве товарного знака, что означает её намерение войти в Совбез ООН в качестве полноправного члена, а также стать великой ядерной державой³¹.

В экономическом пространстве – произошла экспансия национальных корпораций в страны, бывшие некогда инклюзиями и / или лимитрофами прежнего имперского тела.

Турция, являясь аграрно-промышленной страной, по результатам 2019 г. занимала 19 место в мировом экономическом рейтинге (рассчиты-

²⁶ Турция вырывается в лидеры мировой «оборонки»: достижения и перспективы // Военные новости. Азербайджанская армия : [сайт]. URL: <https://www.armiya.az/ru/news/137612> (дата обращения: 21 марта 2021).

²⁷ Цит. по: Gorvett J. Turkey's Challenge to the Regional Status Quo Begins in the Eastern Mediterranean // WPR World Politics Review : [сайт]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29031/how-eastern-mediterranean-tensions-are-complicating-the-cyprus-turkey-dispute> (дата обращения: 29.03.2021)

²⁸ Мухин В. Строительство «Великого Турана» начинается с битвы за Карабах // Независимая газета : [сайт]. URL: https://www.ng.ru/armies/2020-10-06/1_7982_caucasus.html (дата обращения: 5 апреля 2021).

²⁹ Парад «в честь победы Азербайджана в Отечественной войне» в Нагорном Карабахе осенью 2020 г.

³⁰ Хроленко А. «Тюркское братство» и начало большой игры: что значит приезд Эрдогана на парад в Баку? // Sputnik Армения : [сайт]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20201208/25665206/Туркское-братство-и-nachalo-bolshoy-igry-chto-znachit-priezd-Erdogana-na-parad-v-Baku.html> (дата обращения: 8 апреля 2020).

³¹ Стамбульский волк. Турция хочет стать сверхдержавой: что значат слова Эрдогана о центре мирового порядка // РИА ФАН : [сайт]. URL: <https://riafan.ru/1270826-turciya-khochet-stat-sverkhderzhavoi-chto-znachat-slova-erdogana-o-centre-mirovogo-poryadka> (дата обращения: 30 марта 2021).

вается по объёму ВВП Всемирным банком)³². При этом Турция, по мнению Дж. Фридмана, это «не просто хорошо развитая и современная экономика, но ещё и самая крупная в регионе – гораздо крупнее, чем у Ирана. Пожалуй, это единственная страна с современной экономикой во всём мусульманском мире. И, что важнее всего, она расположена между Европой, Ближним Востоком и Россией. На пути Турции нет никаких естественных или искусственных преград – она может продвигаться в любом направлении. Большое значение имеет и то, что она не несёт в себе угрозы американским интересам и поэтому не испытывает постоянного давления со стороны США. Это значит, что ей не приходится тратить значительные средства на борьбу с США» [13, с. 112]. Р. Каплан утверждает: «Турция является демографическим и экономическим тяжеловесом, который может распространить своё... влияние на всё Средиземноморье» [6, с. 316].

Вот как, к примеру, Турция работает в экономическом пространстве грузинской Абхазии. «Турки интенсивно заселяют автономию. Официальная статистика занижена, но полагают, что только в Батуми их приблизительно 30 тысяч из 150.000 горожан. Они скупили до 70% лучших земель и завладели самыми крупными объектами здешней инфраструктуры (аэропортом, сетью сотовой связи и т. д.). Преуспевающие дельцы, <...> нередко с семьями, обживают коттеджи и многоквартирные дома, возводимые турецкими же фирмами. Турецкое правительство субсидирует их бизнес на грузинской земле, если тот оказался неприбыльным. Помогает кредитами на приобретение жилья. Разными мерами побуждает оседать в Абхазии, где к услугам новопоселенцев есть всё – от собственных магазинов и учебных заведений»³³. Турецкие власти настаивают на восстановлении культурно-исторических объектов, существовавших в османской Абхазии, включая мечеть Азизие в память султана Абдул-Азиза. На турецкие деньги в Абхазии построены 180 мечетей и 60 медресе (высшие исламские учебные заведения), хотя мусульмане составляют всего 15% населения³⁴.

А вот второй пример из целого ряда подобных: Туркменистан. «Сегодня экономика Туркменистана основательно вмонтирована в турецкий бизнес. <...> По официальным данным, за два последних десятилетия Турция инвестировала в экономику Туркменистана \$ 24 млрд, реализовав за этот период около 900 инвестиционных проектов. При этом только за последние два года Турция вложила в Туркменистан более \$ 10 млрд, а торговый оборот

³² Рейтинг стран по ВВП // NONEWS : [сайт]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp> (дата обращения 8 апреля 2021).

³³ Гурджиев Л. Внимание: турецкая экспансия! // Терские ведомости : [сайт]. URL: <https://terskievedomosti.ru/articles/vnimanie-turetskaya-ehkspansiya-4590> (дата обращения: 8 апреля 2021).

³⁴ Еркянян А. Когда Абхазия отойдет к Турции? // FMG News. International news agency : [сайт]. URL: <https://www.fmgnews.info/54035-kogda-abkhaziya-otoydet-k-turcii.html> (дата обращения 30 марта 2021).

между странами достиг \$ 6 млрд»³⁵. Турция «оказывала помощь» Туркменистану в создании банковского сектора. В настоящее время эта страна является вторым по значению экономическим партнёром Ашхабада. В государственном строительном секторе 90% контрактов заключены с турецкими фирмами. Турки имеют значительное влияние в топливно-энергетической и транспортной сфере туркменской экономики: строительство новых электростанций, нефтеперерабатывающих и газоперерабатывающих заводов, трубопроводов, объектов химической промышленности, морских портов и аэропортов. Развивается сотрудничество в области пищевой и текстильной промышленности, в сельском хозяйстве. Однако экономикой дело не ограничивается. Совместные проекты развиваются в образовании, культуре, внешней политике»³⁶. Турецкая компания STM Cyber активно содействует обеспечению кибербезопасности Туркменистана»³⁷.

Идеологическое обоснование такой экономической дружбы также, конечно, имеется. «Президенту Туркмении – страны, которая, как там утверждают, является прародиной всех тюрков, нужно крепкое турецкое политическое плечо»³⁸. Но и Турция, со своей стороны также объявляя Туркменистан прародиной всех тюрков, по этой причине особо заинтересована в Туркмении. Помимо того, туркмены (туркоманы) компактно проживают на северо-западе Сирии (до войны с запрещённой в России ИГИЛ – 10% населения страны), где Турция в 2012 г. создала Сирийскую туркменскую платформу с артикулируемой задачей включения сирийского бизнеса в строительство «новой Сирии без Башара Асада». Далее настала очередь создания военной организации туркоманов – Сирийского туркменского блока. Именно эта структура плотно сотрудничала с ИГИЛ и погубила российского военного пилота в 2015 г., подстрелив его, пока он спускался на парашюте из самолёта, подбитого турецким лётчиком»³⁹. А ранее, в 2011 г., Турция инициировала в Сирии, как раз в самом начале Сирийского кризиса, Сирийское туркменское движение, которое через соцсети активно выступало за применение в стране методик «цветных революций».

³⁵ Кадыров Ш. Визит Эрдогана в Туркменистан: Анкаре нужен газ, а Ашхабаду – политический покой. // EurAsia Daily : [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/12/11/vizit-erdogana-v-turkmenistan-ankare-nuzhen-gaz-a-ashhabadu-politicheskiy-pokoju> (дата обращения 5 апреля 2021).

³⁶ Индео Ф. Туркменистан и Турция: выгодное стратегическое партнёрство // CABAR (Central Asian Bureau for Analytical Reporting) : [сайт]. URL: <https://cabar.asia/ru/turkmenistan-i-turtsiya-vygodnoe-strategicheskoe-partnerstvo-2> (дата обращения: 5 апреля 2021).

³⁷ Туркменистан сотрудничает с Турцией в сфере кибербезопасности // ArmenianReport : [сайт]. URL: <https://armenianreport.com/print/233189/> (дата обращения: 5 апреля 2021).

³⁸ Эрдоган в Ашхабаде: турецкое плечо для осторожной Туркмении // Полит Информ : [сайт]. URL: <https://politinform.su/print:page,1,43553-erdogan-v-ashhabade-tureckoe-plecho-dlya-ostorozhnoy-turkmenii.html> (дата обращения: 5 апреля 2021).

³⁹ Степушова Л. Эрдоган: Полцарства за сирийских туркмен // Pravda.ru : [сайт]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1283811-erdogan> (дата обращения: 5 апреля 2021).

Экономическая экспансия Турции в страны, некогда входившие в состав Османской империи или этнически близкие, не ограничивается двусторонними отношениями Турции с этими странами. Существует идея Османского экономического пространства [5, с. 67] по аналогии с Европейским экономическим сообществом, и к этой цели Турция последовательно движется. Однако необходимо отметить, что на пути к Османскому экономическому пространству лежат определённые препятствия. «Военные операции в Сирии, Ливии, Ираке, Восточном Средиземноморье и на Южном Кавказе обходятся недёшево. Внешний долг Турции достиг \$421 млрд, из которых \$181 млрд должен быть выплачен в течение года. За последние три месяца турецкая лира потеряла 15% по отношению к мировым валютам (с начала года – 25%). Турецкий экспорт из-за эпидемии коронавируса только в первом полугодии упал на 26%»⁴⁰.

В кибернетическом пространстве Турция решает задачу, поставленную президентом Р.Т. Эрдоганом: стать «мировым брендом в сфере кибербезопасности»⁴¹, для чего ей нужно пройти немалый путь. Прежде всего – усилить разработку собственной программной базы и добиться того, чтобы базы данных находились в самой Турции. В частности, в феврале 2020 г. для ведения борьбы в киберпространстве при Управлении информационных технологий и связи Турции был создан Национальный центр по реагированию на киберпреступления (USOM). Работа центра полностью основана на программном обеспечении, разработанном в Турции. Одной из задач 150 человек, работающих в USOM, является координация деятельности 1200 турецких частных и государственных структур по защите от кибератак. В военной сфере действует Управление по киберобороне (создано в январе 2020 г.) – в координации с Министерством транспорта, мореходства и коммуникаций Турции и при тесном сотрудничестве с соответствующими структурами НАТО. Разработана национальная операционная система “Pardus”.

В информационно-идеологическом пространстве – внедрение традиционных ценностей данного имперского социума в ментальное пространство как собственной страны, так и стран, бывших ранее инклюзиями и / или лимитрофами данного имперского тела. Формируется мифологический образ идеального Отечества наций, существовавшего в рамках бывшей империи, что является социально-психологической и идеологической базой имперского возрождения в целом. Особую роль в данном процессе играют

⁴⁰ Хроленко А. «Тюркское братство» и начало большой игры: что значит приезд Эрдогана на парад в Баку? // Sputnik Армения: [сайт]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20201208/25665206/Tyurkskoe-bratstvo-i-nachalo-bolshoy-igry-cto-znachit-priezd-Erdogana-na-parad-v-Baku.html> (дата обращения: 08.12.2020).

⁴¹ Абдуллаев Р. Турция должна превратиться в мировой бренд кибербезопасности // Агентство Анадолю : [сайт]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-должна-превратиться-в-мировой-бренд-кибербезопасности> (дата обращения: 5 апреля 2021).

суперпопулярные как в Азии, так и в России турецкие телесериалы о славном прошлом Турции и её справедливых харизматичных правителях, а также соответствующая художественная литература, которые создают мощную мифологическую опору продвижению «турецкого треугольника»: неоосманизма, панисламизма и пантюркизма.

ВЫВОД

Таким образом, современная Турция осуществляет активную экспансию во всех типах геополитических пространств, стремясь как можно быстрее пройти путь от статуса региональной сверхдержавы Западной Азии к статусу глобальной сверхдержавы. В любом случае, формирующийся многополярный мир имманентно включает в себя Турецкую республику как один из полюсов, интенсивно растущих в своей совокупной мощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО–Университета. 2019. № 12. С. 113–129.
2. Аватков В. А., Баранчиков В. А. «Бесшумная революция» президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана // Мировая политика. 2017. № 4. С. 1–13.
3. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
4. Бедрик А. А., Волошина В. В., Губарев И. В. От вестернизации к исламизму: маятник внутривосточных процессов Турции во второй половине XX века // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 47–53.
5. Бурашников А. Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 2. С. 65–69.
6. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
7. Комлева Н. А. Геополитическое пространство: сущность и типология. // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2014. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/538> (дата обращения: 10.12.20)
8. Комлева Н. А. Осколки империй: признаки и причины частичной государственности пост-имперских стран. (Часть I) // Политическая экспертиза: политэкс. 2018. Т. 14. № 1. С. 165–175.
9. Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М: Издательство «Э», 2015. 672 с.
10. Овсепян Л. Вооружённые силы Турции в процессе трансформации и модернизации: стратегия и тенденции // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 2. С. 41–49.

11. Ратцель Ф. Политическая география. Народоведение. Глава 1. Государство как организм, тесно связанный с землёй // Геополитика: Хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб: Питер, 2007. С. 15–36.
12. Сулейманова З. Я. Реформы Мустафы Кемаля. // Научный журнал. 2017. № 2. С. 65–68.
13. Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / пер. с англ. А. Калинина, В. Наричи, М. Мацковской. М.: Эксмо, 2010. 336 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. М.: Издательство АСТ, 2015. 660 с.
15. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ., предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.

REFERENCES

1. Avatkov V. A. [Ideological and value factor in Turkey's foreign policy]. In: *Vestnik MGIMO–Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2019, no. 12 (4), pp. 113–129.
2. Avatkov V. A., Baranchikov V. A. [“Silent revolution” of Turkish President Recep Tayyip Erdogan]. In: *Mirovaya politika* [World Politics], 2017, no. 4, pp. 1–13.
3. Auzan A. A. [Path dependence problem: evolution of approaches]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [MSU Bulletin. Series 6. Economy], 2015, no. 1, pp. 3–17.
4. Bedrik A. A., Voloshina V. V., Gubarev I. V. [Poles of Westernization and Islamisation in the Inner-political process in the Turkish Republic (the second half of the 20th century)]. In: *Nauchnaya mys' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2018, no. 4, pp. 47–53.
5. Burashnikova A. B. [Neo-Panturkism and Neo-Ottomanism in Turkey's Foreign Policy]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. Series: History. International relationships], 2013, vol. 13, no. 2, pp. 65–69.
6. Kaplan R. [Revenge of Geography. What the map tells us about coming conflicts and the battle against fate]. Moscow, Kolibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2015. 384 p.
7. Komleva N. A. [Geopolitical space: essence and typology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 1. Available at: evestnik-mgou.ru (accessed: 10.12.20)
8. Komleva N. A. [Fragments of empires: signs and causes of the post-imperial countries partial statehood of]. In: *Politicheskaya ekspertiza: Politeks* [Political Expertise: Politeks], 2018, vol. 14, vol. 1, pp. 165–175.
9. Nikonov V. A. [Civilization code. What awaits Russia in the world of the future?]. Moscow, «Е» Publ., 2015. 672 p.
10. Ovsepyan L. [Turkish Armed Forces in the Process of Transformation and Modernization: Strategy and Trends]. In: *Central'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2013, vol. 16, no. 2, pp. 41–49.

11. Ratcel' F. [Political geography. Ethnology. Chapter 1]. In: *Geopolitika: Hrestomatiya* [Geopolitics: anthology]. St. Peterburg, Piter Publ, 2007, pp. 15–36.
12. Sulejmanova Z. Ya. [Mustafa Kemal's reforms]. In: *Nauchnyj zhurnal* [Scientific magazine], 2017, no. 2, pp. 65–68.
13. Fridman D. [Next 100 years: forecast of events of the XXI century], Moscow, Eksmo Publ., 2010. 336 p.
14. Hantington S. [Clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2015, 660 p.
15. Shumpeter J. [Capitalism, socialism and democracy] Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.04.2021

Статья размещена на сайте: 19.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комлева Наталья Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем; e-mail: komleva1@yandex.ru

Natalia A. Komleva – Dr. Sci. (Politics), Prof., Director, Geopolitical analysis Center in Academy of geopolitical problems; e-mail: komleva1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Комлева Н. А. Возрождение империи: «Турецкий треугольник» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Komleva N. A. The rebirth of the empire: "Turkish triangle". In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 327.2

Simons G.

*Institute for Russian and Eurasian Studies (IRES) at Uppsala University
Box 514, 75120 Uppsala, Sweden*

*Ural Federal University
51 prosp. Lenina, Yekaterinburg 620075, Russian Federation*

*Diplomatic Academy of the Russian Federation
53/2, str. 1, ul. Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

OPERATIONAL IMPLICATIONS AND EFFECTS OF INFORMATIONAL AND POLITICAL DIMENSIONS OF WESTERN HYBRID WARFARE

ABSTRACT

Aim. This paper critically examines these political and informational aspects of hybrid as used and defined in the West.

Methodology. The paper applied critical discourse analysis to the collected research materials. In this manner, the power relations and dynamics are revealed more clearly for the reader.

Results. It reveals that Western hybrid warfare consists of constraining the strengths and opportunities of other targeted powers while minimising their own weaknesses and threats within the context of the decline of the US-led Western global hegemony.

Research implications. Hybrid warfare is a very commonly heard, used and abused concept in the 21st century. On the one hand, it is subjectively used as a concept of non-conventional warfare, often in the context of what the hostile and 'aggressive other' inflicts upon a 'defensive us.' It is also at times an accusation used against a foreign policy opponent or competitor as a means of constraining their operational choices.

KEYWORDS

hybrid warfare, information realm, physical realm, cognitive realm, obstructive foreign policy, perception, influence

STRUCTURE

INTRODUCTION

METHOD AND APPROACH

POLITICISATION OF THE HYBRID WARFARE CONCEPT

HYBRID WARFARE AS A MECHANISM FOR OBSTRUCTIVE FOREIGN POLICY

CONCLUSION

Саймонс Г.*Институт исследований России и Евразии (IRES) Уппсальского университета
75120, Вох 514, Уппсала, Швеция**Уральский федеральный университет
620075, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, Российская Федерация**Дипломатическая академия Российской Федерации
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация*

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье даётся критический анализ политических и информационных аспектов гибридной войны в аспекте их определения и использования Западом.

Процедура и методы. Собранные для исследования материалы рассмотрены в статье с использованием критического дискурс-анализа. Это позволяет яснее представить для читателя отношения сил и их динамику.

Результаты. Установлено, что гибридная война Запада – это сдерживание сил и возможностей других целевых сторон и минимизация своих собственных слабостей и угроз в условиях ослабления западной мировой гегемонии, возглавляемой США.

Теоретическая и/или практическая значимость. Уточнено понятие «гибридная война» применительно к XXI в. С одной стороны, этот термин используется для обозначения нетрадиционных военных действий, которые «враждебные и агрессивные они» ведут против «обороняющихся нас». С другой стороны, этот термин используется как обвинение, выдвигаемое против иностранного политического оппонента или соперника с целью ограничить его оперативные возможности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гибридная война, информационная сфера, физическая сфера, когнитивная сфера, препятствующая внешняя политика, восприятие, влияние

INTRODUCTION

Warfare in the contemporary age consists of three distinct and yet interrelated and interacting realms of existence – the physical, informational and cognitive realms (Alberts et al., 2001). This present article intends to examine the conceptual aspects of Western hybrid warfare in terms of its activity and effects, where the activity takes place in the information realm and the effects occur in the cognitive realm. The assumption being, informational activities are intended by their very nature should have calculated and anticipated cognitive effects to deliver advantage to the communicator in their policy goals and objectives. This situation becomes increasingly actual in a situation of changing global orders, where a rising potential order threatens the viability of the incumbent hegemony.

An increasingly number of analyses and prognoses are emerging that evaluate the transformation of the global order, from a unipolar United States-led Western order towards a multipolar non-Western order [3, 5]. The relative decline in US (and Western) political, economic and military power and influence creates the motivation to try and save its privileged position by means that incur lesser economic, political and military risks and costs [29]. This is where the logic of Western conceptualisation and operationalisation of hybrid warfare is rooted as a relatively inexpensive form (in terms of political, military and economic costs) and plausibly deniable form of covert and indirect form of warfare upon a targeted government and country [20, 13].

Hybrid warfare as a concept was coined by Frank Hoffman [12]. He predicted a convergence in future warfare where challengers would engage in multi-modal warfare that combined organisation and means of the lethality of state conflict and fanatical passion of irregular warfare. The concept is a highly contested one, owed in no small part to the very high levels of politicisation and the absence of a clear and concise definition [4]. This brief paper intends to look more closely at specific aspects of hybrid warfare in terms of its political and informational dimensions. This leads logically to the following research question. How do the intangible elements of politics and information shape and influence tangible (physical realm) outcomes?

The paper begins with establishing the method and approach used to collect and analyse the data set of academic literature. Then the paper turns to the issue of outlining and understanding the aspects involved in the politicisation of the hybrid warfare concept. It then moves to the issue of the informational operationalisation of the hybrid warfare concept as a mechanism and means of obstructive foreign policy.

METHOD AND APPROACH

A general internet search was conducted to search for academic articles engaging in the political and informational elements of hybrid warfare. The specific search terms used to locate the articles were: "hybrid warfare"; "hybrid warfare + politics"; "hybrid warfare + information". Results obtained from the search were then subjected to a manual evaluation as to the suitability for further analysis based on the focus of this article. A pool of over 50 relevant academic articles were collected for this purpose. This was the basis for a semi-structured literature review, which seeks understand the logic and influence of political and informational elements on the outcome of hybrid warfare by Western actors on targeted countries and governments.

This article shall employ a form of textual analysis with critical discourse analysis (CDA) on the above-mentioned sample of academic literature. It is noted that CDA intends to employ a critical dimension in the theoretical and

descriptive analyses and evaluations of those texts seen through the relations of power that are revealed by the inequalities in use of and access to language [15, 7, 28, 2]. This is motivated by the inherent embedded relationship between discourse and political power that is derived through meaning “as constructed during production or comprehension, is liable to embody opinions that derive from underlying ideologies” [27: 283]. A definition of hybrid warfare is needed at this stage, before moving to the consequences and implications of the concept’s operational deployment.

For the purposes of this paper, NATO [20] defines “hybrid warfare and its supporting tactics can include broad, complex, adaptive, opportunistic and often integrated combinations of conventional and unconventional methods. These activities could be overt or covert, involving military, paramilitary, organised criminal networks and civilian actors across all elements of power.” The following section deals with the politicisation of the concept of hybrid warfare in the information realm, with a focus on the political construction of the definition and how this discourse is employed to influence comprehension and perception of the physical realm.

POLITICISATION OF THE HYBRID WARFARE CONCEPT

By the very essence of its nature, hybrid warfare is an attempt to lever maximum possible advantage against a target in achieving foreign or security policy goals and objectives at a bare minimum of exposure to risks (political and military) and costs (political and economic). Hybrid warfare is a form of potential force multiplier that crosses and connects the physical, informational and cognitive realms. At the same time there is an evident hyper-politicisation of the hybrid warfare concept as something that is done by the ‘Other’, rather than an activity conducted by ‘Us’ [6, 8]. In this respect, it is politicised along similar lines as the concept and practice of propaganda, with the myth that this is not something that is done by so-called ‘democracies’ [23, 17: 137-174, 25]. It is seen as being ‘unethical’ as its definition and perception is firmly ensconced in the notion as being a deceptive and manipulative practice somewhere between the grey and black forms of information operations and influence activity.

Concepts, such as hybrid warfare, are subjected to definitions in the information realm that are useful or convenient for interpreting and analysing people, places and events situated in the physical realm as a means for shaping the cognitive realm of the various segmented audiences. Therefore, concepts form a potential bridge between the physical realm realities and the cognitive realm interpretations. Potentially, they are an important building block in establishing the orthodoxy of knowledge (the commonly assumed ‘facts’ and ‘knowledge’ on a particular object or subject). Caliskan [4: 40] notes the lack of conceptual clarity around hybrid warfare and “the opportunity cost of mis-conceptualisation is too

high, as it creates confusion rather than clarity and obscures strategic thought.” However, the lack of definitional precision creates an environment that supports political and policy opportunism owing to an abundance of potential political manoeuvring through the flexible and multiple potential operationalizable interpretations.

The heuristics of the term hybrid warfare tell us much about our philosophical interpretation of war. Like most fashionable ideas, the idea of hybrid warfare is condemned or embraced in equal measure, and discussions take the notion far beyond the initial conception. In doing so, the first iteration is changed beyond all recognition: it is reinterpreted and restyled until such a time as it is superseded by a new concept [13: 143].

Johnson goes on to argue that this makes dramatic and compelling grounds for the deployment of emotional logic to subvert the established norms and grounds for conducting warfare (and the basis for diplomacy and international relations) and to form the basis of a call and generate a desire for urgent remedies to combat this constructed threat. Mumford [19] argues that this situation creates difficulties in understanding the origin and meaning of a hostile action. This tends to increase the fog of (pre)war, permitting the cognitive manipulation of different stakeholders towards an operational objective. For example, to create an armed conflict, but the attacker may be perceived as the victim.

The political informational dimensions and elements are a means of attempting to engineer audience perception and consent. Several myths were actively perpetuated to raise the level of perceived risk and threat of hybrid warfare’s use against Western targets. These included: 1) it is a strategy; 2) it is something new; and 3) it is below the threshold of NATO’s article 5. However, the main arguments have been formulated against hybrid warfare: 1) it is about tactics; 2) it is not new; 3) the concept is weak; 4) creates an unnecessary category; and 5) it is not below NATO’s article 5 [16, 4: 49]. In Western academic discourse there has been a gradual and incremental shift in trying to associate the act of hybrid warfare as being something done by countries like China or Iran, and especially Russia, to “undermine” Western security, interests and the way of life [24, 26]. In doing so, the informational realm is used to create a highly simplified binary interpretation and representation of the physical realm, in order to deliberately shape the minds and behaviour of various target audiences in a manner that benefits the interests of the US-led global order.

HYBRID WARFARE AS A MECHANISM FOR OBSTRUCTIVE FOREIGN POLICY

Obstructive foreign policy as a concept and a practice occurs when the proactive party seeks to retain or attain a competitive relative advantage over its rising geopolitical competitors or rivals through simultaneously limiting their opponent's strengths and opportunities, increasing their opponent's weaknesses and threats. This is done while increasing their own strengths and opportunities and reducing their own weaknesses and threats. The obstructive foreign policy makes use of activity in the information realm to try and limit the perception of operational choice in the cognitive realm of the targeted country's decision-makers. This is intended to cause indecision, delay or 'forcing' inappropriate choices based on creating a phantom-effect of international 'opinion', 'consensus' or 'realities' that prevent the target from taking a course of action that would effectively defend and preserve national security and stability.

Fridman [9] observed that, in political terms, the vague concept of hybrid warfare makes it easier to accuse the other side of illegal actions and activities while fending off similar criticisms from their opponent as they gather the requisite political support and legitimacy from domestic and international audiences. In the analysis of Wither [30], it is noted that hybrid warfare does not change the nature of war but is rather attempting to gain some form of physical or psychological advantage over an opponent or target.

Various Western academics attempted to assign the operational use of hybrid warfare to Russia after the Western-led regime change of President Viktor Yanukovich in Ukraine in 2014 [10, 22, 30, 4, 6, 26]. This was based upon the supposed 'evidence' of the Russian Chief of General Staff, Gerasimov's 2013 article [11], which was widely misinterpreted as a signal for use of Russian hybrid warfare rather than a defence against Western hybrid warfare. Although, Fabian [6: 322] concluded that "the Russian hybrid warfare strategy is rather a Western myth than a comprehensive Russian strategic concept." This is the deliberate and calculated use of the information realm to influence the cognitive realm, where an Orwellian reality is created with the aggressor being perceived as the victim. In this instance, the Ukrainian people are the primary victim of this aggression and attempts are made to constrain Russia's operational choices by controlling the information flows around the event.

Therefore, hybrid warfare is developed operationally as a tool of cognitive constraint or restraint on the actual target of hybrid warfare through the use of assertion. This is not based on an absolute truth and maybe not even a partial truth, the main intended effect is that it resonates in the manner intended with the target audience. The target audience will react to the perception of reality that it believes to be true, rather than is objectively true. A desired outcome of the actual aggressor is to put the target in a reactive and defensive posture by manipulating and managing the reputational and brand elements of the actors

and events (present and future). This enables the aggressor to enable a stance that is proactive and offensive (although appearing as being the binary opposite) in their policy enactment of informational and physical realm activities.

Kofman [14] noted that the association of the concept of hybrid warfare to Russia when formulating political and military strategy that deals with Russia is not only a bad narrative, but is also leading to malinformed analysis. Although the practice of deception in politics and foreign policy is far from being a new phenomenon as the works of the likes as Machiavelli attest. The use of hybrid warfare as a mechanism for obstructive foreign policy seems to be an exercise of shifting the balance of political capital and legitimacy among the various target audiences. By evoking the sense of 'Russian hybrid warfare' risks and threats among domestic audiences, the political class communicating the threat can create the impression of an extraordinary situation in national and international relations as a means of manipulating and engineering public consent to pursue an aggressive foreign policy in the guise of a defensive posture.

It can also be used as a means of accumulating political capital among other international actors and entities by evoking a bandwagon effect through the notion of 'international rules' or 'international consensus' to coerce the appearance of establishing an international coalition of support for the use of hybrid warfare enacted against the country accused of waging hybrid warfare. This gives the impression that the target country is internationally isolated and needs to 're-join' the vague entity called the international community, which has a habit of giving the appearance of weakness and vulnerability in the minds of the decision-makers of the target. This is intended to persuade and influence the policy makers and decision makers of the target country that they need to 'reform' their political, economic, social and security system to be accepted in to the international system that is controlled by the US-led West. The result, if this logic is believed and followed by the target country's leadership, the political establishment is likely to collapse the appropriate and preferred policy options that can potentially challenge the West's power and influence and thereby erode its hegemony. The projection of the situation on the cognitive realm of the target country can also create a paralysis or lethargy among policy and decision makers that can create a vacuum that can be exploited by various hybrid forces in the country to precipitate the collapse of the incumbent political hierarchy or at least weaken its potential power and influence.

It is the intention to limit and weaken the strengths and opportunities for challenger actors to the global order's status quo, thereby offer the chance for the unipolar US order to survive longer based upon a relative advantage over any single rival, and to prevent the rise of coalitions. This is the reason for motivating the US-led foreign policy to weaken China's One Belt One Road project or trade wars (seen as a geoeconomic 'threat' to US global economic supremacy), but also explains the earlier Asia Pivot under Obama and more lately the Indo-Pacific

coalition as means to limit China's geopolitical rise. It also explains attempts to isolate Russia, by obstructing economic relations with other countries as the Nordstream-2 pipeline or attempting to leverage the use of Navalny to coerce change or obstruct opportunities. Independent foreign policy is not subordinate to or controlled by the system of the unipolar hegemony, so therefore the logic concludes as such, it constitutes a threat to the continued power and influence of that same said international order.

CONCLUSION

In the introduction of this article, a research question was posed. How do the intangible elements of politics and information shape and influence tangible (physical realm) outcomes? The human world is divided into the three interacting and inter-influencing realms of physical, informational and cognitive. Although the informational and cognitive realms belong to the intangible world, they do affect events, processes and outcomes in the tangible physical realm. All of these realms are interconnected and create various effects upon one another. Warfare is increasingly crossing these realms and becoming embedded in all of them in order to create greater effect on the intended target audiences, which is particularly relevant as information communication technologies evolve in terms of their power and reach in the era of the current information age. The very fashionable and deeply politicised concept of hybrid warfare serves as an excellent example, especially as motivation and opportunity is being driven by the political and geopolitical concerns of the currently transforming global order.

One of the more immediately obvious aspects that is readily apparent is the highly subjective and deeply politicised definition of the concept of hybrid warfare. It serves policy makers and practitioners simultaneously as both a tactical operational concept and an accusation against an opponent or rival in international relations. This may create confusion among the public and practitioners owing to a lack of clarity and precision, but it creates opportunities for the political operationalisation of the concept to create the impression of a threatening extraordinary situation that requires urgency to address. As such, it creates an opportunity by the user to break the conventions and rules of the game by creating a new orthodoxy of knowledge to shape the outcomes of the cognitive realm through manipulating the information realm content. Creating a much more flexible environment that potentially favours the possessor of the new orthodoxy of knowledge and disadvantaging rivals and competitors.

This is seen in the use of obstructive foreign policy that wields the perception and understanding of hybrid warfare as a means to render the target ineffective or at least less effective through the inflicting of reputational harm as a means to constrain their operational choices and to create a defensive and reactive posture. As such, the relative context lends an advantage, in this case, to a weakened US

unipolar hegemon over their rivals (in particular China and Russia). The cognitive realm is intended to generate or at least inflate the understanding or awareness of weaknesses and threats and minimise the strengths and opportunities. Thereby limiting their prospects for a relative rise in relation to the US and challenge the incumbent's privileged position of global power and influence. Obstructive foreign policy is conducted in the information realm but intends to affect the cognitive realm of the intended target and fits with the NATO [20] definition of hybrid warfare.

REFERENCES

1. Alberts D. S., Garstka J. J., Hayes R. E. & Signori D. A. Understanding information age warfare. Washington DC, CCRP Publication Series, 2001. 320 p.
2. Blommaert J. & Bulcaen C. Critical discourse analysis. In: *Annual Review of Anthropology*, 2000, no. 29, pp. 447–466.
3. Brooks S. G., Wohlforth W. C. America abroad: The United States' global role in in the 21st century. New York, Oxford University Press, 2016. 288 p.
4. Caliskan M. Hybrid warfare through the lens of strategic theory. In: *Defence & Security Analysis*, 2019, no. 35(1), pp. 40–58.
5. Cooley A., Nexon D. Exit from hegemony: The unravelling of the American global power. New York, Oxford University Press, 2020. 256 p.
6. Fabian S. The Russian hybrid warfare strategy – Neither Russian nor strategy. In: *Defence & Security Analysis*, 2019, no. 35(3), pp. 308–325.
7. Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. In: *Discourse & Society*, 1993, no. 4(2), pp. 133–168.
8. Fridman O., Kabernik V., Pearce J. C. (Editors). Hybrid conflicts and information warfare: New labels, old politics. Boulder (CO), Lynne Rienner Publishing, 2019. 271 p.
9. Fridman O. Hybrid warfare or gibridnaya voyna? Similar, but different. In: *The RUSI Journal*, 2017, no. 162(1), pp. 42–49.
10. Galeotti M. Hybrid, ambiguous, and non-linear? How is Russia's 'new way of war'? in: *Small Wars & Insurgencies*, 2016, no. 27(2), pp. 282–301.
11. Gerasimov V. *Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий*. In: Военно-промышленный курьер, 27 February 2013, URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (accessed: 27.05.2021).
12. Hoffman F. G. Hybrid warfare and challenges. In: *JFQ*, 2009, no. 52 (1st Quarter), pp. 34–48.
13. Johnson R. Hybrid war and its countermeasures: A critique of the literature. In: *Small Wars and Insurgencies*, 2018, no. 29(1), pp. 141–163.
14. Kofman M. Russian hybrid warfare and other dark arts. In: *War On the Rocks*, 11 March 2016. URL: <https://warontherocks.com/2016/03/russian-hybrid-warfare-and-other-dark-arts/> (accessed: 27.05.2021).

15. Kress G. Critical discourse analysis. In: *Annual Review of Applied Linguistics*, 1990, no. 11. pp. 84–99.
16. McCulloh T., Johnson R. *Hybrid warfare*. Report 13-4. MacDill Air Force Base (FL): The Joint Special Operations University JSOU Press, 2013.
17. Marlin R. Propaganda and the ethics of persuasion. Ontario, Broadview Press, 2002. 392 p.
18. Mullins S., Spence S. A. Re-examining thought insertion: Semi-structured literature review and conceptual analysis. In: *British Journal of Psychiatry*, 2003, 182, pp. 293–298.
19. Mumford, A. Understanding hybrid warfare. In: *Cambridge Review of International Affairs*, 2020, no. 33(6), pp. 824–827.
20. NATO. Next steps in NATO's transformation: To the Warsaw Summit and beyond. Washington DC, NATO & Atlantic Council. URL: https://www.act.nato.int/images/stories/events/2015/nts/NATO_NTS_2015_White_Paper_Final_Public_Version.pdf (accessed: 26.05.2021).
21. Pawar A. V., Spence S. A. Defining thought broadcast: Semi-structured literature review. In: *British Journal of Psychiatry*, 2003, no. 183, pp. 287–291.
22. Renz B. Russia and 'hybrid warfare.' In: *Contemporary Politics*, 2016, no. 22(3), pp. 283–300.
23. Sproule J. M. Propaganda and democracy: The American experience of media and mass persuasion. New York, Cambridge University Press, 1996. 332 p.
24. Suchkov, M. Whose hybrid warfare? How 'the hybrid warfare' concept shapes Russian discourse, military, and political practice. In: *Small Wars & Insurgencies*, 2021, no. 32(3), pp. 415–440.
25. Taylor P. M. *Munitions of the mind: A history of propaganda from the ancient world to the present day*. Third Edition. Manchester, Manchester University Press, 2003. 360 p.
26. Tsygankov, A. P., Tsygankov, P. A. & Gonzales, H. Putin's "global hybrid war": U.S. experts, Russia, and the Atlantic Council. In: *Russia in Global Affairs*, January-March 2021, no. 19(1), pp. 146–172.
27. Van Dijk, T. A. Discourse semantics and ideology. In: *Discourse & Society*, 1995, no. 6(2). pp. 243–289.
28. Van Dijk, T. A. Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 1993, no. 4(2). pp. 249–283.
29. Waldman T. *Vicarious warfare: American strategy and the illusion of war on the cheap*. Bristol, Bristol University Press, 2021. 320 p.
30. Wither, J. K. Making sense of hybrid warfare. *Connections*, 2016, no. 15(2), pp. 73–87.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила 26.05.2021

Статья размещена на сайте: 06.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Greg Simons – Assoc. Prof., Researcher, Institute for Russian and Eurasian Studies at Uppsala University, Uppsala, Sweden; Leading Researcher, Humanitarian Institute at Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; Assoc. Researcher, Diplomatic Academy of the Russian Federation, Moscow, Russia; ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com

Грег Саймонс – доцент Института исследований России и Евразии (IRES) Уппсальского университета, Швеция; ведущий научный сотрудник Гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; доцент, научный сотрудник Дипломатической академии Российской Федерации, Москва, Россия; ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Simons G. Operational implications and effects of informational and political dimensions of western hybrid warfare // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Саймонс Г. Практические последствия и результаты информационных и политических аспектов гибридной войны Запада. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 316.347 : 323.1

Спасов А. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить факторы, обострившие этнополитический конфликт в Северной Македонии, а также определить специфику развития данного конфликта.

Процедуры и методы. Исследование основано на анализе источников, содержащих информацию о конфликтующих сторонах, боевых действиях и погромах в Северной Македонии. Проведён анализ демографической статистики албанского и македонского населения Северной Македонии.

Результаты. Выявлено, что развитие этнополитического конфликта обусловлено резким переходом к открытым боевым действиям из-за недооценки опасности вторжения албанских группировок из Косово. Динамику конфликта определили такие факторы, как отлаженная вербовка боевиками албанцев, миграция и прирост албанского этноса в стране.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут использоваться для дальнейшего изучения противоборства сторон на современном этапе, а также для прогнозирования развития событий с учётом Евроинтеграции и вступления страны в НАТО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этнополитический конфликт, Северная Македония, албанские группировки, погромы в Скопье, вербовка албанскими боевиками

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Миграция и демография албанцев в Северной Македонии](#)

[Вербовка албанского населения боевиками](#)

[Албанские погромы в Скопье и их последствия для страны](#)

[Заключение](#)

A. Spasov

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF THE ETHNOPOLITICAL CONFLICT IN THE REPUBLIC OF NORTH MACEDONIA

ABSTRACT

Aim. To identify the factors that aggravated the ethnopolitical conflict in Northern Macedonia, as well as to determine the specifics of the conflict development.

Methodology. The study is based on the analysis of sources containing information about the conflicting parties, fighting and pogroms in North Macedonia. The analysis of demographic statistics of the Albanian and Macedonian population of North Macedonia is carried out.

Results. It is revealed that the development of the ethno-political conflict is caused by a sharp transition to open hostilities due to underestimation of the danger of the invasion of Albanian groups from Kosovo. The dynamics of the conflict were determined by such factors as the well-established recruitment of Albanians by the militants, migration and the growth of the Albanian ethnic group in the country.

Research implications. The results of the analysis can be used to further study the confrontation between the parties at the present stage, as well as to predict the development of events taking into account European integration and the country's accession to NATO.

KEYWORDS

ethnopolitical conflict, North Macedonia, the Albanian group, the pogroms in Skopje, the recruitment of Albanian militants

ВВЕДЕНИЕ

Конфликт этнополитического толка представляет собой борьбу различных социальных групп, которые организовались по этническому принципу, и этот принцип является основанием их идеологического и политического противостояния [5, с. 193]. Политическая борьба между социальными группами, организованных по этническому принципу, может возникнуть из-за разногласий по таким вопросам, как: право использовать и изучать родной язык, поддержка и развитие культуры, право на образование и т. д.

Большая часть конфликтов, которые определяются как этнические, приобретают по мере своего развития, как правило, политическую составляющую. В подобных случаях этническая группа начинает использовать разные методы борьбы (митинги, провокации, вооружённые столкновения, манипулирование данными и информацией) для дестабилизации государства, а затем захвата власти. Ведя речь о соотношении этнических и этнополитических конфликтов, удачно высказался американский исследователь Р. Липшутц: «То, что стало называться этническим конфликтом, не более и не менее

чем борьба за государственную власть» [8, с. 44]. Борьба этносов за государственную власть, которая возникает, как правило, из-за сразу нескольких накопившихся разногласий, проходит свой путь развития, и в каждом отдельном случае имеется своя специфика конфликта.

Так, в Республике Северная Македония противоборство между албанскими группировками, вторгнувшимся со стороны Косово, и македонцами началось с открытых боевых действий на севере страны. Албанские группировки в ходе наступления молниеносно разгромили правительственные войска, а затем провели ряд боевых атак на полицейские посты на приграничных территориях с Косово. В данном случае для изучения специфики конфликта важно проанализировать те факторы, которые привели к первоначальному преимуществу боевых группировок в столкновениях с правительственными войсками, а затем позволили сепаратистам на протяжении многих лет поддерживать свою боеспособность и участвовать в локальных столкновениях с полицией и армией страны.

Также интересен для исследования современный этап развития конфликта, ознаменовавшийся албанскими погромами в 2015 г. и 2016 г. в Скопье, которые были направлены против правительства Северной Македонии. Ранее открытое противоборство между сторонами конфликта, как правило, велось в приграничных районах с Косово, на данном же этапе албанцы и сторонники партии СДСМ разгромили столицу и взяли верх над политической ситуацией в стране. Это привело к тому, что премьер-министром был назначен Зоран Заев (лидер СДСМ), при котором был подписан договор о вступлении в НАТО и взят курс на Евроинтеграцию.

Логика действий албанского населения на современном этапе, равно как и причины поражения македонского правительства, становятся ясны только при детальном анализе развития конфликта в разные периоды (начиная с 2001 г.), и с учётом тех факторов (миграция, прирост албанского этноса, влияние косовских группировок, вербовка населения), которые повлияли на конфликтную ситуацию.

МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ АЛБАНЦЕВ В СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

Ввиду сложившихся демографических и миграционных тенденций в Республике Северная Македония к началу XXI в. нарастала этническая напряжённость, особенно на севере страны, где преимущественно проживает албанский этнос. Находясь по соседству с государствами, которые не могли урегулировать территориальные, политические, этнические, экономические и иные вопросы, Северная Македония оказалась под влиянием тех проблем и конфликтов, которые сформировались за её территориальными границами.

Так, противоборство между косовскими албанцами и сербами привело к миграции албанского населения в Северную Македонию, поскольку

государство граничит с Косово, и беженцам достаточно быстро удавалось перебраться из зоны боевых действий на безопасную территорию. Миграционная политика в стране в период войны в Косово была направлена на то, чтобы помочь косовским жителям, поэтому Северная Македония в 1999 г. приняла около 360 тыс. албанцев [3, с. 143]. Примечательно, что после распада СФРЮ в стране находилось от 50 тыс. до 200 тыс. албанцев, но миграционная политика Северной Македонии привела к тому, что албанское население увеличилось в 1,8 раза, если отталкиваться от цифр 200 тыс. (проживающих в стране после распада СФРЮ) и 360 тыс. (принятых после войны в Косово). А если брать за основу нижнюю отметку в 50 тыс. (число албанского этноса после распада СФРЮ), то получается, что число албанцев в стране из-за миграции увеличилось в 7,2 раза.

Безусловно, часть албанского населения после военных действий НАТО на Балканах вернулась в прежние места проживания, но часть осталась в стране, присоединившись к тем албанцам, которые проживали в Северной Македонии долгие годы. Как правило, большая часть албанцев оставалась на северных территориях страны, но часть населения перебиралась и в столицу, чтобы найти себе работу [9, с. 12].

Помимо притока албанских беженцев, на северных территориях страны наблюдался естественный прирост албанского населения. Высокие темпы рождаемости характерны для социокультурных и религиозно-традиционных особенностей албанского мусульманского этноса. К примеру, в течение сорока лет (с 1953 г. по 1994 г.) процент албанского населения в стране удвоился. При этом удвоенный рост зафиксирован за 20-летний период (1961–1981) [1, с. 105].

Столь стремительный прирост албанского населения вызван тем, что албанская женщина, как правило, рождает более трёх детей, а македонские женщины рожают одного либо двух детей [10, с. 33]. И подобные тенденции рождаемости отразились на демографии македонского населения. Например, почти за такой же временной промежуток процент македонского населения остался практически неизменным (66% – 1954 г., 66,6% – 1994 г.), увеличившись всего на 0,6%, а к 2008 г. вовсе сократилось до 64,2% [1, с. 105].

Итак, на протяжении многих лет процент албанского населения в стране увеличивался из-за притока беженцев и естественного прироста. Это, в свою очередь, привело к тому, что демографическая экспансия стала инструментом для легализации территориальных претензий в период переговоров с правительством Северной Македонии по Охридскому соглашению в 2001 году. К примеру, албанцы сочли, что муниципальные здания и школы должны иметь албанскую символику и албанские флаги, а на государственной службе и в учебных заведениях должен использоваться албанский в качестве основного языка. Таким образом, северные территории к 2001 г. утратили какую-либо связь с центром, а среди албанского этноса появились сепара-

тистские идеи. Это повлияло на дальнейшее развитие конфликта, поскольку албанцы не препятствовали вторжению боевиков с Косово из-за общих сепаратистских взглядов.

Вторжение албанских группировок в Северную Македонию и их боевые действия против правительственных войск

Военные действия в Косово способствовали формированию и развитию албанских сепаратистских группировок, таких как: АНО (Армия национального освобождения) и АОПМБ (Армии освобождения Прешева, Медвежи и Буяновца). На территории Косово данные группировки ранее входили в состав АОК (Армия освобождения Косово) и воевали против сербов. Но после окончания интенсивных боевых действий в Косово албанские группировки не были расформированы, и появилась высокая вероятность их вторжения на территорию Северной Македонии, поскольку там проживали преимущественно албанцы, которое не желали иметь ничего общего с правительством страны из-за языковых, культурных, политических и иных разногласий. Вновь отметим, что прирост албанского этноса и приток беженцев привели к демографической экспансии и территориальным претензиям албанцев в Северной Македонии. Поэтому северные территории стали уязвимым местом для страны из-за близости границ с Косово и лояльности населения (в районах Тетово, Гостивар, Дебар, Струга и Кичево) по отношению к албанским сепаратистам. Это понимали албанские боевики и их лидер Али Ахмети, подготавливая вторжение в страну через северные территории.

Так, уже в январе 2001 г. начались первые атаки албанских группировок на северных территориях. Боевики с Косово беспрепятственно переходили границу и захватывали небольшие села и города, где преимущественно проживало албанское население. К примеру, 22 января 2001 г. была совершена атака на небольшой городок Терце (2/3 населения – этнические албанцы). В ходе столкновений погиб офицер полиции и ещё трое были ранены. 5 марта 2001 г. боевики напали на деревню Танушевци (из 417 жителей 409 – этнические албанцы). В бою погибли три солдата армии Северной Македонии и ещё один был ранен [6, с. 43].

После первых столкновений с албанскими группировками вооруженные силы страны не предпринимали каких-либо попыток обезопасить северные территории от дальнейшего вторжения боевиков. Правительство Северной Македонии казалось абсолютно парализованным перед угрозой потери территориальной целостности из-за неподготовленности собственной армии. К слову, невыверенные политические решения правительства в 1990-е гг. привели к тому, что в 2001 г. численность армии Северной Македонии достигала 12 тыс. солдат, в то время как численность АНО составляла 16 тыс. боевиков, а в АОПМБ было 2 тыс. боевиков, которые были оснащены снайперскими винтовками, миномётами, противотанковыми гранатами. В начале 1990-х гг. численность армии Северной Македонии составляла 120

тыс. солдат, но из-за проведенных реформ и подписанного договора с НАТО (СОФА – Status of Forces Agreement), которое было выведено в рамках программы «Партнерство ради мира», правительство страны существенно сократило численность воинского состава к началу XXI в.¹ Это послужило ещё одним фактором молниеносного развития событий, поскольку одна сторона конфликта обладала значительным перевесом в боевой мощи и достаточно быстро захватывала северные территории.

Вероятно, вооружённые силы страны в тот период делали ставку на военную технику, поскольку к 2001 г. Северная Македония получила 50 танков Т-55 из Болгарии и 100 гаубиц М-30. Также страны НАТО предоставили 40 «хаммеров» и несколько сотен БТР. В Казахстане были закуплены 12 БТР-80². Однако наличие военной техники не помогло армии в противоборстве с албанскими группировками.

В марте 2001 г. албанские группировки приступили к полномасштабным боевым действиям и выдвинулись в район Тетово, обстреляв солдат из снайперских винтовок и миномётов. В итоге, к концу марта того же года военные группировки установили частичный контроль над северными и западными районами республики, остановившись в 20 км от Скопье. Возможно, если бы военные группировки не согласились на переговоры с правительством страны, оказавшись под давлением мирового сообщества (НАТО провели 3 военные операции против боевиков: «Богатый урожай», «Янтарная лиса», «Эллайд хармони»; представители США и ЕС были посредниками в переговорах по Охридскому соглашению), то они могли бы вторгнуться и в столицу, а Северная Македония утратила бы территориальную целостность.

Итак, невыверенные политические решения правительства Северной Македонии привели к сокращению численности армии. Это, в свою очередь, существенно сказалось на подготовленности македонских военных и их возможностях противостоять албанским группировкам. Недооценка опасности вторжения албанских группировок через северные границы привели к разгрому правительственных сил и к стремительному продвижению боевиков вглубь страны. Конфликт осложнялся тем, что албанцы на севере страны были лояльны к боевикам и не желали поддерживать вооружённые силы Северной Македонии. В сложившихся обстоятельствах правительство страны согласилось подписать Охридское соглашение и реформировать государственные институты власти, расширив права албанского этноса в стране.

Однако это не привело к урегулированию конфликта, поскольку группировки продолжили вести боевые действия после заключения мирного догово-

¹ «Партнерство ради мира» // НАТО.РФ. URL: https://нато.рф/ru/partnership_for_peace.html (дата обращения: 20.08.2020).

² Первая война 21 века: почему православные и мусульмане устроили войну в самой безопасной части Югославии. Часть первая // Tjournal.ru. URL: <https://tjournal.ru/stories/184835-pervaya-voyna-21-veka-pochemu-pravoslavnye-i-musulmane-ustroili-voynu-v-samoy-bezopasnoy-chasti-yugoslavii-chast-pervaya> (дата обращения: 28.08.2020).

вора. К примеру, в 2015 г. албанские группировки напали на город Куманово и атаковали полицию. В ходе боя погибло 5 служащих полиции, более 30 получили ранения³.

ВЕРБОВКА АЛБАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОЕВИКАМИ

После подписания Рамочного соглашения правительство страны рассчитывало на прекращение боевых действий с албанскими группировками, однако, как показало время, открытое противоборство армии и полиции Северной Македонии с боевиками сохранилось. Это было обусловлено тем, что военизированные группировки долгое время поддерживали свою боеспособность, пополняя свои ряды новобранцами из числа албанских юношей, проживающих на севере страны.

Албанцы в Северной Македонии вербовались боевиками по отлаженной схеме. Сначала устанавливался близкий контакт с албанскими юношами (обсуждались радикальные идеи в мечетях), дальше устанавливались доверительные отношения (если юноша шёл на контакт), и, пройдя отбор, молодой албанец направлялся в тренировочные лагеря боевиков. Как правило, вербовались албанцы в возрасте от 16 до 20 лет, которые еще не имели сформированного мировоззрения и которые легче всего поддавались влиянию [4, с. 46]. Идеологической подпиткой, способствующей вербовке, выступали исламистские идеи, поскольку подавляющее большинство албанцев исповедовало ислам. Распространением радикальных идей, в свою очередь, занимались различные организации в Косово и Северной Македонии. В Косово были задействованы такие организации: Саудовский комитет по оказанию чрезвычайной помощи (Saudi joint relief committee); Исламский благотворительный фонд Аль-Харамейн (Al Haramain Humanitarian Foundation); Всемирная ассоциация исламской молодежи (World association of muslim youth); Исламская международная организация помощи (Islamic International Relief Organization); Глобальный фонд помощи (Global relief foundation); Общество возрождения исламского наследия (Revival of Islamic heritage society). На территории Северной Македонии действовала организация «Союз Джамаата салафитской давы» во главе с Мухамедом Проча родом из Сараева [4, с. 41–42]. Данная организация имела свои мечети, где и велась вербовка молодых албанцев. Следовательно, для вербовки большего числа албанцев необходимо было выстроить целую сеть вербовочных точек, в качестве которых выступали мечети.

Так, с момента подписания Охридского договора на пути из Скопье в Гостивара было отстроено 88 мечетей. В каждом населенном пункте страны сегодня имеется по одной мечети. Строительство мечетей напрямую финансировалось арабскими странами. Бывший директор департамента контрраз-

³ В Македонии в столкновениях с боевиками погибли шесть полицейских // Svoboda.org. URL: <https://www.svoboda.org/a/27007294.html> (дата обращения: 03.09.2020).

ведки Республики Северная Македония Зоран Митевский, ведя речь о финансировании строительства мечетей и распространении ислама в стране, отметил: «Саудиты в последние 10 лет потратили ок. 1 млрд евро на распространение ислама на Балканах. 600 млн было потрачено на строительство мечетей, на оплату мужчинам премий за ношение бороды, женщинам за ношение бурки, на оплату стипендий и поездок на учёбу в Саудовскую Аравию для обучения исламу»⁴.

Пройдя вербовку, юноши с северных территорий отправлялись в лагеря исламистов для получения навыков владения оружием. Подготовкой занимались, как правило, бывшие члены АОК (Армии освобождения Косово). Также в лагерях происходило закрепление идейных позиций и окончательная «промывка мозгов». После подготовки боевики решали, что делать с новичком. Как правило, новобранца отправляли либо на боевые действия, либо отводили ему роль смертника⁵. По данным спецслужб Косово, в 2016 г. на приграничных территориях Албании и Северной Македонии располагалось пять лагерей для подготовки боевиков⁶.

Стоит отметить, что помимо лояльности албанского населения к группировкам и распространения радикальных идей на севере страны, албанцы шли на контакт с боевиками из-за бедности (экономическое неблагополучие, безработица) и отсутствия каких-либо перспектив для самореализации.

Бедность населения обусловлена экономическим спадом в стране. Начиная с 1990-х годов в Северной Македонии наблюдается сокращение промышленности, сельского хозяйства и количества рабочих мест. Доля промышленности за 20 лет сократилась с 29,8% до 24,3%, а сельского хозяйства с 11,4% до 9,8%.⁷ Северная Македония также обладает слабым экспортом, используются устаревшие технологии производства товара, которые не могут конкурировать на международном рынке, что также негативным образом сказывается на экономике страны [2, с. 1]. Сокращение промышленного и сельскохозяйственного сектора отразилось на росте безработицы, к примеру, в 2006 г. она достигала пика и составила 37% от общего числа населения, к 2020 г. ситуация несколько улучшилась, и безработица сократилась до 16,7%⁸.

⁴ В Македонии растёт число нелегальных мечетей, финансируемых арабскими странами // Ruskline.ru. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2013/02/19/v_makedonii_rastyot_chislo_nelegalnyh_mechetej_finansiruemyh_arabskimi_stranami/ (дата обращения: 15.09.2020).

⁵ Прогнозы сбываются: Косово становится логовом исламских террористов // Cont.ws. URL: <https://cont.ws/@tdk1/411627> (дата обращения: 21.09.2020).

⁶ ISIS-Daesh Training Camps in Kosovo, Recruitment of Terrorists by NGOs // Mondialisation.ca. URL: <https://www.mondialisation.ca/isis-daesh-training-camps-in-kosovo-recruitment-of-terrorists-by-ngos/5537652> дата обращения: 26.09.2020).

⁷ Экономика Македонии // Webeconomy.ru. URL: <https://www.webeconomy.ru/index.php?page=c&at&cat=mc&mc=223&type=news&p=4&newsid=3526> (дата обращения: 01.10.2020).

⁸ Уровень безработицы в Македонии // Take-profit.org. URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/macedonia/> (дата обращения: 03.10.2020).

Кроме того, около 70% албанского населения было вовлечено в аграрный сектор, где не требовалась высокая квалификация. Это было связано с тем, что албанцы не получали квалифицированного образования. К примеру, каждый год около 11% албанских детей получали среднее образование и 3% албанских студентов получали высшее образование от общего числа желающих получить его [3, с. 147]. Поэтому албанские юноши, не видя возможностей для какого-либо заработка и самореализации из-за отсутствия образования и экономического спада в стране, легко шли на контакт с боевиками.

Стоит отметить, что США пытались содействовать экономическому развитию Северной Македонии и выступали одним из ключевых двусторонних доноров для страны. Сразу же после кризиса 2001 г. двусторонняя помощь США возросла с 32,9 млн долл. США до 41,64 млн долл. США, а в рамках закона «О поддержке восточноевропейской демократии (SEED)» в период с 1990 г. по 2008 г. оказанная помощь составила более 440 млн долл. США [7, с. 21]. Однако оказанная помощь не привела к каким-либо результатам, лишь усилив зависимости страны от США в финансовом плане.

Таким образом, из-за бедности, отсутствия образования и перспектив для самореализации, албанские юноши с несформировавшимся мировоззрением легко шли на контакт с вербовщиками, которые «накачивали» их радикальными идеями, а после отправляли в тренировочные лагеря для боевиков. Также отметим, что албанские группировки через мечети выстроили целую сеть вербовочных мест, а идеологическую подпитку обеспечивали исламские организации в Косово и Северной Македонии. Данные факторы способствовали тому, что боевики долгие годы поддерживали боеспособность и вступали в открытое противоборство с армией и полицией страны. Поэтому правительство Северной Македонии никак не могло наладить какие-либо контакты между северными районами и центром, поскольку боевики контролировали данные территории и всегда вступали в жесткую конфронтацию с македонцами.

АЛБАНСКИЕ ПОГРОМЫ В СКОПЬЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАНЫ

На современном этапе конфликта албанцы перешли от противоборства на северных территориях к программам в Скопье, чтобы парализовать работу правительства Северной Македонии и выступить в поддержку прозападной оппозиции и поддержать партию СДСМ. Так, в мае 2015 г. албанцы начали разворачивать подготовку для уличных демонстраций. Под албанскими флагами организованные группы пришли в центр города, где было решено провести демонстрации и разбить палаточный лагерь у Дома правительства⁹. По разным источникам, было задействовано от 30 до 90 тыс. жителей

⁹ Многотысячный митинг македонской оппозиции в Скопье // Ria.ru. URL: <https://ria.ru/20150518/1065097021.html> (дата обращения: 05.10.2020).

города¹⁰. На протестных акциях албанцы демонстративно жгли фотографии Н. Груевского (на тот момент действующий премьер-министр страны), высказывались против проводимой политики Георге Иванова (президент страны до 2019 г.) в отношении албанцев. Лидер протестов Зоран Заев (лидер СДСМ), заявил о своих намерениях стать премьер-министром Северной Македонии и изменить политику, взяв курс на Евроинтеграцию.

В период протестов Н. Груевский согласился уйти в отставку и покинул пост премьер-министра в январе 2016 г. Однако Георги Иванов остался в должности президента, что шло в разрез с планами прозападной оппозиции и албанских демонстрантов. Поэтому в 2016 г. албанцы решили перейти от демонстраций к массовым погромам в Скопье. Так, в апреле того же года для нарушения работы государственных органов власти было решено атаковать правительственные здания. К примеру, была разгромлена Народная канцелярия президента страны, а затем и здание министерства юстиций. Полиция пыталась противостоять албанским погромам, однако из-за её неорганизованных действий оцепления разрывались. Демонстранты проникали внутрь правительственных учреждений и выносили оттуда всю мебель и документацию. В ходе погромов скандировались лозунги в поддержку СДСМ и албанских партий, а лидер протестов Зоран Заев заявил, что его партия не желает принимать участие в предстоящих парламентских выборах¹¹.

Из-за погромов в Скопье послы США, Великобритании и еврокомиссар Йоханнеса Хана предложили конфликтующим сторонам сесть за стол переговоров для урегулирования конфликта. После переговоров было решено перенести парламентские выборы, которые, к слову, состоялись только в 2020 г., и по их итогам СДСМ в коалиции с албанскими партиями заняли большинство мест в парламенте¹².

Отметим, что в переговорном процессе в 2001 г. между боевиками и правительством посредниками были Западные представители, так и в 2016 г. выступали те же агенты. Договоренности по Охридскому соглашению были нарушены, поскольку албанские боевики не сложили оружие и продолжили вести бои с вооружёнными силами страны, так и в 2016 г. достигнутые договорённости на переговорах не привели к результату, на который рассчитывало правительство Северной Македонии, то есть погромы не прекратились. Так, в июне того же года в Скопье вновь прошли погромы в знак протеста против Георге Иванова (на тот момент действующего Президента), который отказался помиловать 56 политических активистов в стране. Демонстранты атаковали полицию и стали закидывать краской здания государственных уч-

¹⁰ Репортаж из соцсетей: Рекордные митинги в Македонии // Tjournal.ru. URL: <https://tjournal.ru/internet/55141-skopje-manifestation> (дата обращения: 05.10.2020).

¹¹ СМИ: демонстранты в Скопье вступили в уличные столкновения с полицией // Ria.ru. URL: <https://ria.ru/20160413/1410302517.html> (дата обращения: 08.10.2020).

¹² Албанцы получили рекордное количество мест в парламенте Северной Македонии // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3014003.html> (дата обращения: 10.10.2020).

реждений¹³. В сложившихся обстоятельствах прозападной оппозиции удалось установить контроль над политической ситуацией в стране, поскольку правительство не имело каких-либо средств и сил для подавления беспорядков. Полиция Северной Македонии действовала неорганизованно, а армию было решено не задействовать для наведения порядка в столице.

В итоге отлаженные действия оппозиции, которые были направлены на дестабилизацию государства, привели к тому, что:

- Никола Груевский покинул пост премьер-министра страны;
- на парламентских выборах 2020 г. СДСМ в коалиции с албанскими партиями заняли большинство мест;
- премьер-министром был назначен Зоран Заев (лидер СДСМ), который взял курс на Евоинтеграцию и подписал документ о вступлении в НАТО в 2019 г.; Георге Иванова на посту президента сменил Стево Пендаровский в 2019 г., который поддержал путь Евоинтеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика развития этнополитического конфликта в Республике Северная Македония обусловлена резким переходом к открытому противоборству из-за беспрепятственного вторжения албанских группировок с территории Косово и недооценки опасности такого развития событий правительством страны. Правительство Северной Македонии допустило серьезную ошибку, сократив численность воинского состава армии (по заключенному договору с НАТО) и не укрепив северные границы государства. Это привело к тому, что боевики беспрепятственно переходили границу с территории Косово и вступали в бой с армией и полицией страны.

Также конфликтную ситуацию осложнил целый ряд факторов. Во-первых, миграционная политика государства (принятие албанских беженцев) и естественный прирост албанского населения привели к демографической экспансии, и затем это было использовано в качестве инструмента легализации территориальных претензий албанцами в период проведения переговоров по Охридскому соглашению. Также албанское население не пыталось препятствовать вторжению боевиков и их продвижению в глубь страны, поскольку албанцы разделяли сепаратистские идеи группировок. Во-вторых, албанские группировки благодаря распространению радикальных идей и разрастанию вербовочной сети (главным образом, через мечети) постоянно пополняли свои ряды новобранцами, а после отправляли их в тренировочные лагеря террористов. Таким образом, регулярно пополняя численный состав албанскими юношами, боевики долгие годы поддержива-

¹³ «Красочный» протест. Акция македонской оппозиции // Ria.ru. URL: <https://ria.ru/20160607/1443908173.html> (дата обращения: 10.10.2020).

ли свою боеспособность и вступали в открытое противоборство с армией и полицией Северной Македонии, что привело к дестабилизации государства.

На современном этапе противоборства албанцы вместе со сторонниками партии СДСМ перешли к погромам в Скопье. В результате столичных погромов прозападная оппозиция взяла верх над политической ситуацией в стране и добилась смены премьер-министра (новым премьер-министром стал лидер СДСМ Зоран Заев), а в 2019 г. был избран новый Президент Стево Пендаровский. При новом Президенте и премьер-министре страна вступила в НАТО. Зоран Заев также продолжает активно высказываться о необходимости Евроинтеграции, не учитывая мнения части македонского населения, которая, к примеру, резко выступила против смены конституционного названия страны из-за разногласий с Грецией и провела митинг в Скопье¹⁴.

Сегодня албанцы и македонцы продолжают противостоять друг другу, так и не найдя общих целей для развития страны. Вероятно, на суверенных территориях с некоторой периодичностью вновь будут возобновляться боевые действия несмотря на членство страны в НАТО, а попытки разрешить внутренние проблемы путём Евроинтеграции не приведут к каким-либо результатам. Поэтому этнополитический конфликт не потерял своей актуальности для дальнейшего анализа, поскольку теперь албанцы существенным образом влияют на политику в стране (албанские партии в коалиции с СДСМ занимают большинство в парламенте), а македонцы разными методами будут пытаться изменить баланс политических сил в стране в свою сторону. Также необходимо и дальше следить за развитием конфликта в Северной Македонии в рамках взаимодействия страны с ЕС (путь Евроинтеграции) и НАТО. Размещение натовского контингента в Северной Македонии может создать политическую напряженность с сербским правительством, учитывая, что Сербия входит в сферу интересов России, а Северная Македония сегодня находится под влиянием США и ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитров Д. Антропологический взгляд на албанский экстремизм // Албанский фактор кризиса на Балканах. М., 2002. С. 104–110.
2. Коцева З. Экономическая ситуация в Македонии и уровень развития её компаний // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 12. С. 122–123.
3. Пономарева Е. Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства // Политическая наука. 2010. № 1. С. 138–172.
4. Пономарева Е. Г., Дмитровска. А. Балканский узел международного терроризма // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2018. № 5. С. 37–51.

¹⁴ Guardian: низкой явкой на референдум македонцы грозят сорвать евроинтеграцию // Russian.rt.com. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-10-01/Guardian-nizkoj-yavkoj-na-referendum> (дата обращения: 12.10.2020).

5. Тишков В. А., Шабаяев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2011. 376 с.
6. Arsovska J. Decoding Albanian Organized Crime: Culture, Politics, and Globalization. California: University of California Press, 2015. 312 p.
7. Katie P. States of Conflict. A case study on conflict prevention in Macedonia. Newcastle: IPPR, 2009. 36 p.
8. Lipschutz R. D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sec Tarian Conflicts. The Myth of "Ethnic Conflict": Politics, Economic and «Cultural» Violence. Beverly, Cal.: American Political Science Association, 1998. 233 p.
9. The regional differentiation of the demographic movements in the Republic of Macedonia / M. Madjevikj, B. Apostolovska Toshevskа, S. Gorin, M. Ljakoska // *Environ. Socio.* 2016. Vol. 4. № 3. P. 10–20.
10. Николовска Н. Македонската транзиција во дефект – од унитарна кон бинационална држава. Скопје: Магор, 2001. 158 с.

REFERENCES

1. Dimitrov D. [Anthropological perspective on Albanian extremism]. In: *Albanski faktor krizisa na Balkanakh* [Albanian factor of the crisis in the Balkans]. Moscow, 2003, pp. 104–110.
2. Kotseva Z. [Economic situation in Macedonia and the level of development of its companies]. In: *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal* [Symbol of science: international scientific journal], 2016, no. 12, pp. 122–123.
3. Ponomareva E. G. [Republic of Macedonia: offensive of the Albanian minority]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2010, no. 1, pp. 138–172.
4. Ponomareva E.G., Dmitrovska. A. [Balkan knot of international terrorism]. In: *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' – Observer* [Scientific and analytical journal Observer], 2018, no. 5, pp. 37–51.
5. Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti [The ethnopolitical political functions of ethnicity]. Moscow, Moscow University press Publ., 2011. 376 p.
6. Jana Arsovska. Decoding Albanian Organized Crime: Culture, Politics, and Globalization. California, University of California Press, 2015. 312 p.
7. Katie P. States of Conflict. A case study on conflict prevention in Macedonia. Newcastle, IPPR, 2009. 36 p.
8. Lipschutz R. D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sec Tarian Conflicts. The Myth of "Ethnic Conflict": Politics, Economic and «Cultural» Violence. Beverly, Cal., American Political Science Association, 1998. 233 p.
9. Mirjanka Madjevikj, Biljana Apostolovska Toshevskа, Svemir Gorin, Marija Ljakoska. The regional differentiation of the demographic movements in the Republic of Macedonia. In: *Environ. Socio.*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 10–20.
10. Nikolovska N. Macedonian destruction, from unitary to dual power in the state. Skopje, Magor, 2001. 158 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила 17.10.2020

Статья размещена на сайте: 12.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Спасов Александр Андреевич – аспирант кафедры российской политики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: s4267@yandex.ru

Alexander A. Spasov – Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: s4267@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА / FOR CITATION

Спасов А. А. Специфика развития этнополитического конфликта в республике Северная Македония // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Spasov A. A. Specifics of the development of the ethno-political conflict in the Republic of North Macedonia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.222.63

Крамаренко Н. С.

Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Ефремова Д. Н.

Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д 6, Российская Федерация

МОДЕЛЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО СЧАСТЬЯ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье обсуждаются результаты исследования, целью которого было построение теоретической модели субъективного благополучия пожилых людей.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 180 человек из 10 регионов РФ, посещавшие центры социального обслуживания населения своих регионов. Гипотезой исследования было предположение о том, что субъективное благополучие пожилых людей в большей степени обусловлено особенностями эмоционально-личностной сферы, компонентами экзистенциальной исполненности, в то время как когнитивные особенности имеют второстепенное значение.

Результаты. Выявлено, что актуальное состояние интеллектуально-мнестической сферы не является ключевым в определении субъективного благополучия пожилого человека, в отличие от эмоционально-личностной сферы и экзистенциальной исполненности. По результатам исследования сконструирована теоретическая модель субъективного благополучия пожилых людей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные могут быть использованы при разработке научно обоснованных социально-психологических программ поддержки пожилых людей, а также программ профилактики когнитивных и эмоциональных нарушений с целью повышения общего уровня психологического благополучия пожилого человека и улучшения качества его жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

психологическое благополучие, пожилые люди, экзистенциальная исполненность, качество жизни пожилых людей, субъективное благополучие

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Теоретико-методологические основания исследования](#)

[Материалы и методы исследования](#)

[Дизайн исследования](#)

[Обсуждение результатов исследования](#)

[Построение модели субъективного благополучия](#)

[Заключение](#)

Kramarenko I.

Moscow Region State University
24 Very Voloshinai ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Efremova D.

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya ploshchad', Moscow 125047, Russian Federation

THE MODEL OF EXPERIENCING SUBJECTIVE HAPPINESS IN THE ELDERLY

ABSTRACT

Aim. The article discusses the results of a study aimed at constructing a theoretical model of the subjective well-being of older people.

Methodology. The study involved 180 people from 10 regions of the Russian Federation, who visited their regional Centers of social services. The hypothesis of the study was the assumption that the subjective well-being of the elderly is largely determined by the characteristics of the emotional-personal sphere, components of existential fulfillment, while cognitive characteristics will be of secondary importance.

Results. It was found out that the actual state of the intellectual-mnestic sphere is not the key factor in determining the subjective well-being of an elderly person, in contrast to the emotional-personal sphere and existential fulfillment. A theoretical model of subjective well-being is constructed.

Research implications. The data obtained can be used in the development of scientifically based socio-psychological programs to support the elderly, as well as programs for the prevention of cognitive and emotional disorders in order to increase the general level of psychological well-being of the elderly and improve the quality of their life.

KEYWORDS

psychological well-being, older people, existential fulfillment, quality of life of older people, subjective well-being

ВВЕДЕНИЕ

Проблема улучшения качества жизни пожилого человека является важнейшей социально-психологической проблемой и первостепенной задачей любого цивилизованного общества.

Как отмечают исследователи, вопросы поддержания качества жизни пожилых людей особенно обостряются в периоды демографических изменений, когда происходит увеличение продолжительности жизни и, как следствие, увеличивается доля пожилых людей в обществе [21]. Современные общемировые тенденции свидетельствуют о всё увеличивающемся количестве пожилых людей и происходящем старении населения [21].

В этой связи внимание исследователей (в нашей стране и за рубежом) всё чаще обращается к вопросам изучения объективных возрастных изме-

нений психофизиологических процессов пожилого человека (физического здоровья, когнитивных функций и эмоциональных процессов), их поддержка, психологической коррекции и реабилитации [27].

Учёными исследуются отдельные когнитивные и психофизиологические процессы, их связь с состоянием здоровья, физическим самочувствием [5; 6], эмоциональной стороной личности пожилого человека [4], способами когнитивной регуляции эмоций [18]; изучаются связь между когнитивными особенностями и общим показателем эмоционального благополучия личности [1], самопознание и самоконтроль [26]. Рассматриваются вопросы субъективного психологического благополучия [17]. Показано, что тренировка когнитивных процессов благоприятно воздействует на психосоматическое состояние пожилых людей, особенно одиноких, и служит профилактикой психосоматических расстройств, влияет на адекватную оценку и выбор конструктивной стратегии совладания со стрессовыми факторами окружающей среды [4].

При изучении вопроса субъективного благополучия человека отечественные и зарубежные исследователи чаще всего исходят из двухкомпонентной модели субъективного благополучия Э. Динера, который выделил в ней аффективный и когнитивный компоненты [22]. Аффективный (эмоциональный) компонент определяется соотношением позитивных и негативных эмоций. Когнитивный – даёт оценку удовлетворённости человека своей жизнью. В исследованиях отечественных учёных, посвящённых изучению субъективного благополучия, оба выделенных компонента часто рассматриваются в качестве базовых [20]. Одновременно с этим при изучении проблемы субъективного благополучия учёными исследуется довольно широкий диапазон его взаимосвязей с личностными качествами, самооценкой, защитными механизмами, смысложизненными ориентациями, экзистенциальной исполненностью и др. [10; 27].

Происходящие изменения в социальной жизни, связанные с переходом к информационному обществу, цифровизация повседневной жизни, технологичность – всё это актуализирует внимание исследователей и к другим сторонам социальной жизни пожилого человека: процессам адаптации к стремительно изменяющимся условиям. Современные процессы, связанные с переходом общества в эпоху цифровизации к информационному этапу своего развития, усиливают сложности адаптации пожилого человека к жизни в условиях технологических изменений, к процессам, происходящим в обществе [7; 13; 24]. Процесс межпоколенной трансмиссии претерпевает изменения, передача жизненного опыта традиционным путём затрудняется [13].

Таким образом, немалое количество исследований, изучающих вопросы оптимальных условий для плавного течения или возможного замедления возрастных когнитивных и эмоциональных изменений, адаптации пожилого человека к происходящим изменениям в мире, а также выработанные по

итогах их изучения средства профилактики и психологической коррекции актуализировали вопрос о том, насколько прилагаемые усилия способствуют улучшению не отдельных психических процессов и функций, а целостного ощущения субъективного благополучия, защищённости, удовлетворённости жизнью, экзистенциальной исполненности людей пожилого возраста.

В этой связи внимание к разработке научно обоснованного наполнения программ психосоциальной реабилитации, выстроенных с учётом синергетического подхода к пониманию психологического благополучия, может стать шагом на пути к решению проблемы переживания экзистенциального вакуума у пожилых людей. И может способствовать повышению субъективного благополучия и улучшению качества жизни пожилых людей в целом.

Важно понять, на какие психологические ресурсы необходимо опираться в работе с пожилыми людьми, какие компоненты субъективного благополучия могут являться ключевыми в социально-психологической работе по улучшению субъективного благополучия и качества жизни пожилого человека.

Целью исследования является построение теоретической модели субъективного благополучия пожилых людей в связи с особенностями их когнитивной, эмоционально-личностной сфер и компонентами экзистенциальной исполненности.

Гипотеза исследования: субъективное благополучие пожилых людей в большей степени обусловлено особенностями их эмоционально-личностной сферы, компонентами экзистенциальной исполненности, в то время как актуальное состояние интеллектуально-мнестических особенностей имеет второстепенное значение.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическим основанием в изучении экзистенциальных вопросов жизни человека, его психологического благополучия послужила концепция экзистенциальной исполненности А. Лэнгле [11; 19], опирающаяся на воззрения В. Франкла о смыслообразующих концептах жизни человека [2]. В. Франкл выявляет качества, способствующие экзистенциальной исполненности человека как возможности реализовать смысл своей жизни [2]. Лэнгле трактует экзистенцию как «конкретное бытие человека, его нахождение в отношениях взаимодействия с миром, когда он постоянно получает запросы от мира, обращённые к глубинному духовному началу Person» [2, с. 317; 25], как «наполненную смыслом, воплощаемую свободно и ответственно жизнь в создаваемом самим человеком мире, с которым он находится в отношениях взаимовлияния / взаимодействия и противоборства» [11].

Экзистенциальная исполненность содержит такие характеристики, как осмысленность жизни, вопросы о том, как часто человек живёт с внутренним

ощущением согласия с самим собой, соответствуют ли его решения и поступки его сущности, может ли он менять свою жизнь в соответствии со своими установками и представлениями [23]. Экзистенциальная исполненность отражает качество жизни человека с точки зрения ценностей и смыслов и является, по сути, мерой удовлетворённости жизнью, которая выражается в чувственной сфере (например, возникает чувство правильности происходящего и полноты жизни [8]).

Экзистенциальная исполненность рассматривается нами как составляющая **субъективного благополучия**. По мнению исследователей, субъективное благополучие выражает собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим для неё большое значение с точки зрения усвоения нормативных представлений о внешней и внутренней среде, характеризуется ощущением удовлетворённости [1]. Субъективное благополучие понимается нами вслед за Д. А. Леонтьевым как «субъективная шкала, обобщённо оценивающая суммарный баланс положительных и отрицательных эмоций и когнитивных оценок жизни в целом, как она ощущается на данный момент жизни. Счастье выступает как верхнее предельное значение этой шкалы» [9]. В связи с этим в рамках данного исследования «субъективное благополучие» и «субъективное счастье» понимаются нами как тождественные понятия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 180 человек, из них 147 женщин и 33 мужчины, в возрасте от 60 до 80 лет из 10 регионов РФ (Московская обл., Нижегородская обл., Тверская обл., Краснодарский край, Пензенская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Алтайский край, Иркутская обл. и Ханты-Мансийский а. о.). Все пожилые люди посещали Центр социального обслуживания населения в своём регионе и добровольно согласились принять участие в исследовании (предложение участвовать было адресовано всем, кто при посещении Центра предъявлял жалобы на снижение процессов памяти, переживание одиночества, опустошённости, ощущения беззащитности и незначимости).

Исследование проводилось в феврале 2020 г. (до перехода страны на режим самоизоляции) перед началом психологического курса тренировок когнитивных процессов (памяти, внимания) и навыков эмоциональной регуляции, который планировали посещать респонденты.

В исследовании использовались следующие методики: тест (опросник) эмоционального интеллекта Люсина (ЭМИн) [12]; опросник «Когнитивная регуляция эмоций» (Н. Гарнефски и В. Крайг «Cognitive Emotion Regulation Questionnaire» (CERQ), адаптирован Е. И. Рассказовой) [16]; Шкала субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппера (Lyubomirsky, Lepper, 1999;

Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев, 2008) [14; 15]; методика экзистенциальной исполненности (Existenz-Skala, ESK) А. Лэнгле (доп. К. Орглер, перевод В. Кривцовой, адапт. В. Шумский, 2016) [3]; методика SAGE (Self-Administrated Gerocognitive Exam).

С целью обработки полученных данных применялись методы математической статистики (корреляционный и факторный анализ), данные обрабатывались с использованием программы MS Excel, программы SPSS.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе респондентам было предложено ответить на вопросы названных методик. Затем результаты методики SAGE, которая направлена на выявление умеренных нарушений памяти и мышления, а также ранних симптомов развития интеллектуального снижения, соотносились с данными, полученными по остальным методикам. В результате корреляционного анализа была получена общая картина, характеризующая взаимосвязи между компонентами интеллектуального и аффективного блоков. Далее данные были подвергнуты факторному анализу (с использованием метода вращения Varimax). В итоге были выделены 5 факторов, характеризующих субъективное благополучие пожилых людей. Во время третьего этапа исследования на основе анализа полученных данных была сконструирована модель субъективного благополучия пожилых людей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе исследования нами были получены данные по методике SAGE (методика направлена на выявление умеренных нарушений памяти и мышления, а также ранних симптомов развития интеллектуального снижения). Анализ данных показал, что этот показатель у всех испытуемых находится в нормативном интервале (норма 17–26); испытуемых с серьёзным снижением по данному показателю выявлено не было. Результаты, полученные по методике SAGE, соотносились с данными, полученными по остальным методикам (опросник эмоционального интеллекта, опросник «Когнитивная регуляция эмоций», «Шкала субъективного счастья», «Методика экзистенциальной исполненности»), и были подвергнуты факторному анализу (с использованием метода вращения Varimax). В результате исследуемые компоненты были сгруппированы в 5 факторов:

1 – *эмоциональный интеллект* (возможность взаимодействия с другими). В него вошли такие показатели, как понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями;

II – *конструктивная регуляция эмоциональных состояний*. В него вошли такие показатели, как самообвинение, принятие, руминация, позитивная перефокусировка, планирование, позитивная переоценка и рассмотрение в перспективе;

III – *экзистенциальная исполненность*. В него вошли такие показатели, как доверие, фундаментальная ценность, самооценка, смысл жизни, экзистенциальная исполненность;

IV – *анализ своих состояний*. В него вошли такие показатели, как анализ своих состояний, внутрличностный эмоциональный интеллект и контроль над эмоциями.

V – *деструктивная когнитивная регуляция эмоциональных состояний*. В него вошли такие переменные, как катастрофизация и обвинение.

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

На основе данных факторного анализа нами была сконструирована модель субъективного благополучия. Данная модель проверялась с помощью медиационного анализа с использованием Process Macro for SPSS (версия 3.5). Модель была рассчитана с учётом коварианта «возраст» и «пол».

A – коэффициент уравнения $y = Ax + B$

se – стандартная ошибка значения A

Рис. 1 / Fig. 1. Теоретическая модель субъективного благополучия / A theoretical model of subjective well-being

В представленной модели мы видим, что показатель субъективного благополучия (субъективного счастья) взаимосвязан: с конструктивной регуляцией эмоциональных состояний ($A=0,21$; $se=0,084$), со способностью к анализу своих состояний ($A=0,16$; $se=0,08$), с особенностями деструктивной

когнитивной регуляции эмоциональных состояний ($A = -0,39$; $se = 0,084$) и с экзистенциальной исполненностью ($A = 0,42$; $se = 0,09$).

В свою очередь, когнитивный компонент (данные по методике Sage) взаимосвязан с возможностью выстраивать отношения с другими людьми ($A = 0,19$; $se = 0,095$), регулировать свои эмоциональные состояния (способность к конструктивной регуляции эмоциональных состояний ($A = 0,33$; $se = 0,092$)), с уровнем деструктивной когнитивной регуляции эмоций ($A = -0,2$; $se = 0,01$). Однако напрямую он не соотносится с переживанием экзистенциальной исполненности, осмысленности жизни и своих состояний. Полученные данные показывают, что субъективное благополучие слабо связано с когнитивными особенностями (актуальным состоянием интеллектуально-мнестической сферы), а смысложизненная сфера личности в большей степени определяет субъективное благополучие пожилых людей.

Тем не менее, как видно из представленной модели (рис. 1), отрицательный фон когнитивных особенностей может опосредовать субъективное благополучие в случаях недостаточно сформированной способности к конструктивной регуляции эмоциональных состояний, выраженной склонности к деструктивной когнитивной регуляции эмоций и недостаточности конструктивного взаимодействия с другими людьми.

Выявленные взаимосвязи показывают, что экзистенциальная исполненность, особенности когнитивной регуляции эмоций (конструктивной и деструктивной) и способность к анализу своих состояний – это те компоненты, воздействие на которые может оптимизировать уровень субъективного благополучия пожилого человека. Это означает, что акцент на развитии навыков конструктивной эмоциональной регуляции и конструктивного переживания осмысленности жизни и себя может оказать благоприятное воздействие на субъективное благополучие пожилых людей, снизить риски развития когнитивных и эмоциональных нарушений в пожилом возрасте, позволит повысить качество процесса социально-психологического сопровождения людей пожилого возраста.

Таким образом, разработка социально-психологических программ поддержки пожилых людей (имеющих жалобы на состояние памяти, внимания, неустойчивость настроения или на мысли о бесполезности и собственной незначимости) с учётом полученных в исследовании результатов может внести вклад в оптимизацию субъективного благополучия пожилого человека и стать шагом на пути к решению вопроса научно обоснованного содержательного наполнения программ социально-психологической помощи пожилым людям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило выявить ключевые факторы субъективного благополучия пожилых людей в связи с особенностями их когнитивной, эмоционально-личностной сфер, в связи с компонентами экзистенциальной исполненности – и на этой основе построить теоретическую модель субъективного благополучия пожилого человека.

Было доказано, что субъективное благополучие пожилых людей в меньшей степени обусловлено актуальным состоянием интеллектуально-мнестической сферы и в большей степени определяется особенностями их эмоционально-личностной сферы, компонентами экзистенциальной исполненности. В исследовании было показано, что когнитивная сфера (актуальное состояние интеллектуально-мнестической сферы) не является ключевой в определении субъективного благополучия пожилого человека, в отличие от эмоционально-личностной сферы и составляющих экзистенциальной исполненности (качество жизни человека с точки зрения ценностей и смыслов).

Выделение факторов субъективного благополучия и анализ взаимосвязей между ними показали **необходимость включения в научно обоснованные программы реабилитации и профилактики когнитивных и эмоциональных нарушений** в пожилом возрасте таких социально-психологических навыков, как конструктивное взаимодействие с другими, позитивный эмоциональный баланс (регуляция эмоциональных состояний), осознание собственных смыслозначимых ориентаций.

Полученный результат позволит акцентировать эти ключевые позиции при разработке научно обоснованных программ социально-психологической поддержки людей пожилого возраста, программ профилактики когнитивных и эмоциональных нарушений с целью повышения общего уровня психологического благополучия пожилого человека до его максимального значения – «субъективного счастья» [9] – и улучшения качества его жизни.

Перспективами дальнейшего развития предложенной темы могут служить апробация разработанной с учётом полученных результатов исследования программы социально-психологической поддержки пожилых людей и анализ её результативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е. Е. Соотношение эмоциональных и когнитивных компонентов субъективного благополучия в разных условиях социализации [Электронный ресурс] // Проблемы социальной психологии личности: сборник тезисов по проблемам психологии личности. URL: https://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30281_full.shtml (дата обращения: 29.07.2021).

2. Даниленко О. И., Носова А. С. Экзистенциальная исполненность и социально-психологическая адаптированность как предикторы субъективного благополучия студентов // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 4. С. 315–325. DOI: 10.32744/pse.2020.4.21
3. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций / В. Б. Шумский, Е. М. Уколова, Е. Н. Осин, Я. Д. Лупандина // *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2016. Т. 13. № 4. С. 763–788.
4. Ефремова Д. Н. Психологическая реабилитация людей пожилого возраста // *Евразийский союз учёных*. 2016. Т. 1. № 4. С. 130–133.
5. Захаров В. В. Эволюция когнитивного дефицита: лёгкие и умеренные когнитивные нарушения // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2012. № 2. С. 16–21.
6. Кашеева А. М. Оценка факторов ментального здоровья пожилого населения России на основе индивидуальных данных // *Население и экономика*. 2019. № 3. С. 117–140. DOI: 10.3897/poreson.3.e47190
7. Крамаренко Н. С. Обучение через всю жизнь: психолого-педагогический аспект обучения взрослых // *Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: сборник трудов Международной научно-практической конференции “XV Левитовские чтения”, Москва, 15–16 апреля 2020 г.: в 3 т. Т. 2. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 28–35.*
8. Кривцова С. В. Экзистенциально-аналитическая теория Альфрида Лэнгле // *Развитие личности*. 2005. № 1. С. 105–127.
9. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02
10. Лэнгле А. *Person: экзистенциально-аналитическая теория личности: сборник статей / пер. с нем. О. Ларченко. 2-е изд. М.: Генезис, 2008. 158 с.*
11. Лэнгле А., Е. М. Уколова, В. Б. Шумский. *Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика исследования*. М.: Логос, 2014. 556 с.
12. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМин // *Психологическая диагностика*. 2006. № 4. С. 3–22.
13. Марцинковская Т. Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // *Психологические исследования*. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru/num/2012v5n26/766-> (дата обращения: 29.07.2021).
14. Некоторые психометрические показатели русскоязычного варианта Шкалы субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер / С. П. Елшанский, А. Ф. Ануфриев, З. Ф. Камалетдинова, О. Е. Сапарин, Д. В. Семёнов // *Гуманитарные научные исследования*. 2014. № 7. С. 136–139.
15. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс]

- // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, 2008. 1 CD-ROM.
16. Писарева О. Л., Гриценко А. Когнитивная регуляция эмоций // *Философия и социальные науки*. 2011. № 2. С. 64–69.
 17. Стрижицкая О. Ю. Субъективное благополучие пожилых женщин с различным профессиональным прошлым // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 16. Психология. Педагогика. 2012. № 4. С. 53–60.
 18. Суворова И. Ю., Ефремова Д. Н., Глебов В. В. Тренировка памяти как способ улучшения качества жизни людей пожилого возраста с деменцией // *Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 ноября 2020 г.* / под ред. А. Б. Холмогоровой, О. Д. Пуговкиной, Н. В. Зверевой, И. Ф. Рощиной, О. В. Рычковой, Н. А. Сирота. М.: МГППУ, 2020. С. 627–631.
 19. Франкл В. *Доктор и душа: от психотерапии к логотерапии*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 138 с.
 20. Шамионов Р. М. *Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы*. Саратов: Научная книга, 2008. 296 с.
 21. Ćwirlej-Sozańska A. B., Sozański B., Wilmowska-Pietruszyńska A. Quality of life and related factors among older people living in rural areas in south-eastern Poland // *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*. 2018. Vol. 25. № 3. P. 539–545. DOI: 10.26444
 22. Diner E. Subjective well-being // *Psychological bulletin*. 1984. Vol. 95. № 3. P. 542–575.
 23. Frankl V. E. *Man's search for meaning*. Boston: Beacon Press, 2006. 165 p.
 24. Halicka K., Surel D. Evaluation and selection of technologies improving the quality of life of older people // *European Research Studies Journal*. 2020. Vol. 23. № 2. P. 592–611. DOI: 10.35808/ersj/1611
 25. Längle A. Burnout – existential meaning and possibilities of prevention // *European Psychotherapy*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 107–123.
 26. Social cognition, executive functioning, and neuroimaging correlates of empathic deficits in frontotemporal dementia / P. J. Eslinger, P. Moore, C. Anderson, M. Grossman // *The Journal of neuropsychiatry and clinical neurosciences*. 2011. Vol. 23. № 1. P. 74–82. DOI: 10.1176/jnp.23.1.jnp74
 27. The relationship between health-related physical fitness, cognitive function and sense of isolation in the elderly / K.-H. Lee, J. Choi, N. E. Lee, S.-G. Kang, H.-Y. Jung, M. Chun // *Journal of the Korean Convergence Society*. 2018. Vol. 9. № 4. P. 285–301.

REFERENCES

1. Bocharova E. E. [The ratio of emotional and cognitive components of subjective well-being in different conditions of socialization]. In: *Problemy cotsial'noi psikhologii lichnosti: sbornik tezisov po problemam psikhologii lichnosti* [Problems of social psychology of personality: a collection of theses

- on the problems of personality psychology]. Available at: https://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30281_full.shtml (accessed: 29.07.2021).
2. Danilenko O. I., Nosova A. S. [Existential fulfillment and socio-psychological adaptation as predictors of students' well-being]. In: *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2020, no. 4 (46), pp. 315–325. DOI: 10.32744/pse.2020.4.21
 3. Shumskiy V. B., Ukolova E. M., Osin E. N., Lupandina Ya. D. [Diagnostics of existential fulfillment: the original Russian-language version of the test of existential motivations]. In: *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2016, vol. 13, no. 4, pp. 763–788.
 4. Efremova D. N. [Psychological rehabilitation of elderly people]. In: *Evrasiiskii soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2016, vol. 1, no. 4 (22), pp. 130–133.
 5. Zakharov V. V. [Evolution of cognitive deficits: mild to moderate cognitive impairment]. In: *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika* [Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics], 2012, no. 2, pp. 16–21.
 6. Kashcheeva A. M. [Assessment of mental health factors in the elderly population of Russia based on individual data]. In: *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics], 2019, no. 3 (3), pp. 117–140. DOI: 10.3897/popecon.3.e47190
 7. Kramarenko N. S. [Lifelong learning: the psychological and pedagogical aspect of adult learning]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologo-pedagogicheskikh i pedagogicheskikh issledovaniy: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "XV Levitovskie chteniya", Moskva, 15–16 aprelya 2020 g. T. 2* [Topical problems of the theory and practice of psychological, psychological and pedagogical research: proceedings of the International Scientific and Practical Conference "XV Leviticus Readings", Moscow, 15–16 April, 2020. Vol. 2]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020, pp. 28–35.
 8. Krivtsova S. V. [Alfried Langle's existential analytic theory]. In: *Razvitie lichnosti* [Personal development], 2005, no. 1, pp. 105–127.
 9. Leont'ev D. A. [Happiness and Subjective Well-Being: Towards Constructing a Conceptual Field]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2020, no. 1 (155), pp. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02
 10. Langle A. *Person: ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person: existential-analytical theory of personality]. Moscow, Genezis Publ., 2008. 158 p.
 11. Langle A. *Sovremenniy ekzistentsial'nyi analiz: istoriya, teoriya, praktika issledovaniya* [Modern existential analysis: history, theory, research practice]. Moscow, Logos Publ., 2014. 556 p.
 12. Lyusin D. V. [A new method for measuring emotional intelligence: EQ questionnaire]. In: *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2006, no. 4, pp. 3–22.

13. Martsinkovskaya T. D. [Information socialization in a changing information space]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2012, vol. 5, no. 26. Available at: <http://psystudy.ru/num/2012v5n26/766-> (accessed: 29.07.2021).
14. Elshanskiy S. P., Anufriev A. F., Kamaletdinova Z. F., Saporin O. E., Semenov D. V. [Some psychometric indicators of the Russian-language version of S. Lubomirsky and H. Lepper Subjective Happiness Scale]. In: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities scientific researches], 2014, no. 7 (35), pp. 136–139.
15. Osin E. N., Leont'ev D. A. [Approbation of Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being]. In: *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow, Institute of Sociology RAS Publ., 2008. 1 CD-ROM.
16. Pisareva O. L., Gritsenko A. [Cognitive regulation of emotions]. In: *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2011, no. 2, pp. 64–69.
17. Strizhitskaya O. Yu. [Subjective well-being of older women with different professional backgrounds]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg university. Series 16. Psychology and education], 2012, no. 4, pp. 53–60.
18. Suvorova I. Yu., Efremova D. N., Glebov V. V. [Memory training as a way to improve the quality of life of elderly people with dementia]. In: Kholmogorova A. B., Pugovkina O. D., Zvereva N. V., Roshchina I. F., Rychkova O. V., Sirota N. A., eds. *Zeigarnikovskie chteniya. Diagnostika i psikhologicheskaya pomoshch' v sovremennoi klinicheskoi psikhologii: problema nauchnykh i eticheskikh osnovanii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 18–19 noyabrya 2020 g.* [Zeigarnik readings. Diagnostics and psychological assistance in modern clinical psychology: the problem of scientific and ethical foundations: proceedings of an international scientific and practical conference, Moscow, 18–19 November 2020]. Moscow, Moscow State University of Psychology & Education Publ., 2020. C. 627–631.
19. Frankl V. *Doktor i dusha: ot psikhoterapii k logoterapii* [The doctor and the soul: from psychotherapy to logotherapy]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2016. 138 p.
20. Shamionov R. M. *Sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory* [Subjective well-being of the individual: psychological picture and factors]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 296 p.
21. Ćwirlej-Sozańska A. B., Sozański B., Wilmowska-Pietruszyńska A. Quality of life and related factors among older people living in rural areas in south-eastern Poland. In: *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*, 2018, vol. 25, no. 3, pp. 539–545. DOI: 10.26444
22. Diner E. Subjective well-being. In: *Psychological bulletin*, 1984, vol. 95, no. 3, pp. 542–575.
23. Frankl V. E. *Man's search for meaning*. Boston, Beacon Press, 2006. 165 p.

24. Halicka K., Surel D. Evaluation and selection of technologies improving the quality of life of older people. In: *European Research Studies Journal*, 2020, vol. 23, no. 2, pp. 592–611. DOI: 10.35808/ersj/1611
25. Längle A. Burnout – existential meaning and possibilities of prevention. In: *European Psychotherapy*, 2003, vol. 4, no. 1, pp. 107–123.
26. Eslinger P. J., Moore P., Anderson C., Grossman M. Social cognition, executive functioning, and neuroimaging correlates of empathic deficits in frontotemporal dementia. In: *The Journal of neuropsychiatry and clinical neurosciences*, 2011, vol. 23, no. 1, pp. 74–82. DOI: 10.1176/jnp.23.1.jnp74
27. Lee K.-H., Choi J., Lee N. E., Kang S.-G., Jung H.-Y., Chun M. The relationship between health-related physical fitness, cognitive function and sense of isolation in the elderly. In: *Journal of the Korean Convergence Society*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 285–301.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.08.2021

Статья размещена на сайте: 15.09.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крамаренко Наталья Станиславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета; e-mail: contactsnsk@gmail.com

Ефремова Диляра Набиуллиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: dileff@mail.ru

Dilyara N. Efremova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Neuro- and Pathopsychology, Russian State University for the Humanities; e-mail: dileff@mail.ru

Natalia S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof, Department of General and Educational Psychology, Moscow Region State University; e-mail: contactsnsk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Крамаренко Н. С., Ефремова Д. Н. Модель переживания субъективного счастья пожилого человека // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kramarenko N. S., Efremova D. N. The model of experiencing subjective happiness in the elderly. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 316.6

Петренко А. И.

Академия социального управления
129344, г. Москва, ул. Енисейская, д. 3, корп. 3, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЗАМЫСЛОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление факторов и разработка инструментов, направленных на нейтрализацию деструктивного воздействия на психику.

Процедура и методы. На примере конкретного случая (case-study) рассмотрен механизм срыва замысла одной из психологических операций. При проведении исследования применены методы включённого наблюдения, обобщения. Использовались методы контент-анализа информации зарубежных СМИ и интерпретации результатов.

Результаты. Выявлены закономерности проводимых психологических операций. Проведён анализ материалов деструктивного содержания (фейков). Предложены пути нейтрализации их деструктивного воздействия.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию и практику противодействия психологическим операциям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

психологические операции, контрдифамационные программы, условия эффективности противодействия психологическим операциям, фейки, психологическое воздействие, программирование поведения

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Пример из истории](#)

[Факторы, определяющие успешность нейтрализации целей психологических операций](#)

[Фейки как инструменты информационно-психологического воздействия](#)

[Рекомендации по противодействию ложной информации](#)

[Заключение](#)

A. Petrenko

*Academy of Public Administration
3 korp. 3 Eniseiskaya ul., Moscow 129344, Russian Federation*

NEUTRALIZING THE INTENTIONS OF PSYCHOLOGICAL OPERATIONS

ABSTRACT

Aim. Analysis of psychological factors and tools aimed at neutralizing the destructive effect on the psyche. Proposals for the organization of counter-defamation programs.

Methodology. A specific example of organizing a foil of a psychological operations plan is considered. Analysis of destructive content (fake) materials has been carried out. The study used methods of included observation, generalization, content analysis and interpretation of the results.

Results. The patterns of psychological operations have been defined. The ways to neutralize their destructive influence are shown.

Research implications. The results of the study contribute to the theory and practice of counteracting psychological operations.

KEYWORDS

psychological operations, counter-defamation programs, conditions of effectiveness of counteracting psychological operations, fakes, psychological impact, behavior programming

ВВЕДЕНИЕ

История организации и проведения психологических операций (ПО), направленных на дестабилизацию социального, экономического и политического положения в различных государствах, насчитывает не один десяток лет. Одни встречали противодействие со стороны тех, на кого они были направлены, другие проходили без какого-либо активного противодействия. Одни заканчивались успешно (с точки зрения разработчиков ПО), другие удавалось пресечь.

Мы попытаемся на примере конкретной ситуации рассмотреть проблемы разработки и реализации комплекса мероприятий, способствовавших срыву планов одной из психологических операций.

Такой подход позволяет осуществить анализ факторов и инструментов психологических операций, направленных на оказание деструктивного воздействия на психику больших социальных групп.

В результате этого исследования может быть разработана и эффективно реализована программа, направленная на нейтрализацию созданной с помощью проведённой психологической операции кризисной социально-политической ситуации.

ПРИМЕР ИЗ ИСТОРИИ

Немного о предпосылках. К 1984 г. высшим руководством Болгарии было принято решение о директивной натурализации граждан Болгарии – этнических турок. Этническим туркам стали менять паспорта с присваиванием им болгарских имён. Это вызвало волну протестов, резкую активизацию выезда этих граждан Болгарии в Турцию. К 1985 г. обострилась не только политическая, но и экономическая ситуация в стране, поскольку стали оголяться те отрасли экономики, где традиционно были задействованы этнические турки. Более 300 000 граждан Болгарии этой категории покинули страну. Началась дестабилизация социально-политической обстановки в стране в целом, активизировалась деятельность эмиссаров спецслужб ряда государств. Руководство страны приняло решение разработать и реализовать контр-операцию, преследующую целью оперативную стабилизацию ситуации в стране.

Автор этих строк был приглашён в Болгарию и включён в состав рабочей группы по разработке плана и контента этой контр-операции. Работа группы строилась по принципам инновационной деловой игры с использованием метода мозгового штурма. Группе было предоставлено право в режиме онлайн получать любую информацию, которую она сочтёт необходимой.

Прежде всего был проведён оперативный анализ ситуации, определены зоны риска, оценены имеющиеся ресурсы (людские, информационные, финансовые и временные). Это позволило приступить к составлению плана мероприятий с определением ответственных и сроков выполнения каждой из намеченных позиций.

При выработке решений принимались во внимание возможные риски и их негативные последствия. На каждую такую ситуацию разрабатывался альтернативный вариант действий, снижающий или исключающий возможный ущерб.

В самом начале работы группы было принято решение о целесообразности проведения видеосъёмки, фиксирующей всю процедуру пересечения границы гражданами Болгарии и то, что с ними происходит уже на территории Турции. К этому были привлечены несколько съёмочных групп зарубежных телекомпаний, которые могли свободно перемещаться как по территории Болгарии, так и по территории Турции. На завершающем этапе работы группа уже располагала необходимым количеством отснятых видеосюжетов для включения их в медиаплан операции.

Был проведён анализ всех оперативных материалов по данной ситуации. На одном из таких видеороликов было зафиксировано, как эмиссар спецслужб Турции путём жёсткого шантажа принуждал гражданина Болгарии подать заявление на выезд из страны. На наше предложение включить этот ролик в медиаплан для трансляции по болгарскому телевидению про-

звучало возражение: «Так это же оперативная съёмка!». Мы предложили сопроводить данный ролик бегущей строкой: «Оперативная съёмка МВД Болгарии». Положительное решение по данному вопросу было принято в течение десяти минут!

Видеорепортажи, снятые зарубежными тележурналистами, в деталях показывали с меткой времени процедуру пересечения болгаро-турецкой границы, на которую у граждан уходило от 15 до 30 минут практически без досмотра. Затем шли репортажи о процедуре пересечения турецко-болгарской границы, где переселенцев досматривали с большим пристрастием. Эта процедура занимала от 2 до 3 с лишним часов.

Далее пересёкших границу размещали в приграничные фильтрационные лагеря, в которых отсутствовали какие-либо человеческие условия для проживания, питания и оказания медицинской помощи. В этих лагерях люди находились от 2 до 5 дней.

И последний этап переселения – вывоз бывших теперь граждан Болгарии в пустынные районы Турции, где условия были ещё хуже по сравнению с условиями в фильтрационных лагерях.

Уже из фильтрационных лагерей, а особенно из лагерей в пустыне, были записаны видеообращения к родственникам, друзьям и знакомым, которые ещё не покинули Болгарии, с мольбами не делать этого, поскольку тех, кто прибыл в Турцию, жестоко обманули, они тут никому не нужны, с ними обращаются, как с животными, и т. д. и т. п.

Самым дискуссионным в рабочей группе оказался вопрос о целесообразности признания высшим руководством Болгарии ошибочности принятого ранее решения о натурализации граждан Болгарии – этнических турок. Удалось убедить всех членов группы в том, что без этого важнейшего элемента успех всей операции будет весьма сомнителен и кратковременен.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает хронометраж процедуры утверждения плана, предложенного рабочей группой:

05.30 – группа признаёт документ полностью готовым;

06.00 – документ докладывается министру внутренних дел Болгарии;

07.00 – документ докладывается генеральному секретарю ЦК Компартии Болгарии Тодору Живкову;

09.00 – документ утверждается в политбюро ЦК Компартии Болгарии;

12.00 – по всем теле- и радиоканалам Болгарии идёт первый ролик с выступлением Тодора Живкова, где он признаёт ошибочность решения о натурализации болгарских турок и отменяет это решение.

Далее пошла демонстрация всех материалов, подготовленных для СМИ Болгарии. Эти же материалы по дипломатическим каналам были доведены до посольств всех стран, аккредитованных в Болгарии.

На следующий день после такого мощного информационного взрыва на выезд из Болгарии не было подано ни одного заявления, а те, кто накануне

их подал, заявили, что отказываются покидать Болгарию. В последующие дни во всей стране подавалось до 5–6 заявлений в день.

Мы привели этот пример лишь для того, чтобы подкрепить базовые принципы подготовки и проведения контрдиффузионных программ, направленных на нейтрализацию того информационного воздействия на целевые группы социума, которое планируют разработчики психологических операций.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСПЕШНОСТЬ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Выделим наиболее значимые факторы, игнорирование которых создаёт предпосылки для успешной реализации целей психологических операций [3; 4; 5].

Прежде всего, это **отлаженная система мониторинга информационного пространства** для своевременного выявления признаков информационной интервенции на начальной стадии реализации психологических операций.

Выявление наиболее уязвимых мест в информационном пространстве даёт возможность оперативно разработать контрдиффузионную программу для нейтрализации негативных последствий психологических операций [1; 6].

Оперативность принимаемых решений по реализации такой программы, а иногда и по коррекции некоторых её положений в зависимости от того, как будет развиваться ситуация, во многом предопределяет успешность противодействия информационным атакам.

Оперативность и согласованность в действиях всех участников данной операции, отсутствие многоуровневой координации и согласования принимаемых решений также играют важную роль. К сожалению, у нас в стране сложилась практика, когда каждый участник такой операции обязан согласовать свои действия именно со своим начальником, не посвящённым, как правило, во все её детали и поэтому далеко не всегда способным принять адекватные решения. Все специалисты, включённые в рабочую группу по разработке и реализации комплекса мероприятий по дискредитации замыслов психологических операций, должны иметь на время этой работы только одного руководителя, с которым и согласовываются любые предложения.

Важным фактором, обеспечивающим успех нейтрализации замыслов организаторов психологических операций, является **и неординарность принимаемых решений, и отход от стереотипов мышления**. Чем креативнее будет мышление каждого члена такой группы, тем больше шансов на успех [8]. Практика показала, что нередко нелепое, на первый взгляд, предложение при тщательном анализе может стать основой неординарного решения.

И, наконец, ещё один фактор, без которого успех в обсуждаемом нами направлении невозможен, – это **своевременное разоблачение ложной и подача правдивой информации**. Важно также учитывать то, какие информационные каналы задействуют авторы психологических операций, и именно они должны занимать доминирующий удельный вес в проводимых контрдифамационных программах [2; 7].

События последнего времени показывают, что доведение такой информации только через СМИ и ресурсы интернета может быть не всегда эффективно. Нередко возникает необходимость вступления в непосредственный контакт с оппонентами для доведения до них необходимой информации, для ответа на их вопросы и т. д.

Наши функционеры, с одной стороны, не готовы к разговору с оппонирующей аудиторией, а с другой стороны, просто боятся выходить к народу. Совершенно очевидно, что агитировать надо не сторонников, а сомневающих и заблуждающихся, что требует специальной подготовки. Если её не начать сегодня, завтра может оказаться поздно.

ФЕЙКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Одним из самых распространённых инструментов психологических операций, направленных на деформацию сознания граждан России, стали фейки. Их удельный вес в информационном пространстве заметно возрос, а анализ, проведённый нами, позволяет сделать определённые выводы.

Раскрывая основные структурные инструменты информационно-психологического воздействия, определяющие содержание информационно-психологической войны и психологических операций, мы в своё время выделили такое явление, как дезинформирование.

Дезинформирование, в свою очередь, базируется на таком понятии, как «дезинформация», которое определяется как способ маскировки, заключающийся в преднамеренном распространении ложных сведений об объектах, их составе и деятельности, а также в имитации их деятельности.

Модель порождения дезинформации представляет собой:

- выбор отрицательного действия;
- гиперболизацию отрицательного действия;
- имплантацию результата в реальность;
- акцент на введённом сообщении;
- порождение следствий [1, с. 196–198].

На наш взгляд, фейки содержат в себе все перечисленные элементы дезинформации и именно поэтому их можно рассматривать как разновидность дезинформации, а следовательно, фейки нужно относить к инструментам психологических операций.

К наиболее характерным особенностям этого инструмента психологической операции можно отнести:

- во-первых, возможность направлять на один объект воздействия большое количество фейков, подготовленных разными авторами, размещённых на различных информационных ресурсах, а сама процедура размещения может носить пролонгированный характер;
- во-вторых, неспонтанный характер – фейки всегда чётко планируются и координируются из единого центра управления;
- в-третьих, простоту их изготовления – анализ значительного количества фейков показывает, что их авторы не затрудняют себя поиском фактов, а пользуются одними и теми же информационными клише;
- в-четвёртых, активное окрашивание передаваемой информации в негативный эмоциональный фон в отношении объекта воздействия;
- в-пятых, наличие у каждой серии фейков своего объекта (объектов) воздействия и своей целевой группы.

Мы провели небольшой анализ информационной направленности фейков, появившихся в зарубежных СМИ в последнее время (см. таблицу 1).

Таблица 1 / Table 1

Анализ направленности фейков, опубликованных в зарубежной печати за период с ноября 2020 по февраль 2021 гг. / Analysis of the direction of fakes published in the foreign press in November 2020 – February 2021

№ п / п	Дата публикации	Темы							
		Нападки на Президента РФ	Русофобия	Россия – агрессор	Россия – враг демократии	Угрозы в адрес России	Навальный	Скрипали	Спецслужбы России
1	30.11.2020 Bild	+		+	+				
2	23.11.2020 Abendlich Hamburg	+					+		
3	19.11.2020 National Interests	+				+			
4	11.11.2020 The New York Times	+							+
5	05.11.2020 Foreign Policy		+					+	
6	03.11.2020 The Washington Post	+	+				+		
7	02.12.2020 Foreign Policy		+	+					

№ п / п	Дата публикации	Темы							
		Нападки на Президента РФ	Русофобия	Россия – агрессор	Россия – враг демократии	Угрозы в адрес России	Навальный	Скрипали	Спецслужбы России
8	01.12.2020 Atlantic Council	+	+		+				
9	05.11.2020 CNN				+				
10	12.11. 2020 Daily Mail		+						+
11	18.11.2020 DeníkN (Чехия)				+				+
12	12.11.2020 The Independent		+	+					
13	20.11.2020 Times				+				+
14	24.11.2020 The Spectator	+			+				
15	30.11.2020 The Telegraph			+					
16	04.11.2020 Politico		+		+	+			
17	03.11.2020 Proletären (Швеция)		+						
18	06.01.2021 The Wall Street Journal	+		+					
19	17.02.2021 Bloomberg	+					+		+
20	22.02.2021 Le Figaro	+		+					
21	06.01.2021 The Wall Street Journal	+	+	+		+			
22	17.01.2021 Bloomberg (США)	+			+		+		+
23	25.01.2021 Der Spiegel	+					+		
24	28.01.2021 The Times (Великобритания)			+		+			
25	31.01.2021 The New York Times	+			+		+		
26	03.02.2021 The New York Times	+	+	+			+		

Как видно из таблицы 1, основной упор в информационных атаках авторы фейков делают на внедрение негативного отношения к России. Цель такой компоновки материалов вполне понятна – оказать психологическое воздействие на сознание и подсознание читателя, сформировать осознаваемый или неосознаваемый негативный образ России, а следовательно, и негативное отношение к ней.

Важно также понять, что за идеология является базисной для всех современных фейкопроизводителей, какими постулатами они руководствуются. Попробуем представить их фундаментальные профессиональные постулаты:

- «пушки и штыки – ничто, если вы не обладаете сердцами нации»;
- овладение массами – единственная цель пропаганды;
- для достижения этой цели хороши любые средства, главное, чтобы пропаганда была эффективной;
- помимо «белой», правдивой информации, необходимо использовать «серую», т. е. полуправду, и «чёрную» – откровенную ложь: «мы добиваемся не правды, а эффекта»;
- «чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят» и тем быстрее она распространяется;
- адресованные толпе «послания» должны быть примитивными, без подробностей, на уровне односложного лозунга: «худший враг пропаганды – интеллектуализм»;
- «пропаганда должна воздействовать больше на чувства, чем на разум», а поэтому быть яркой, броской;
- для наилучшего усвоения меседжа «мы обязаны говорить на языке, понятном народу», точнее, на разных языках: один – для столицы, другой – для провинции, один – для рабочих, другой – для служащих;
- следует превозносить вождя и народ, постоянно поддерживая высокий градус идеологического пафоса и истерии;
- следует бесконечно повторять пропагандистскую «трескотню»: ведь трудно не поддаться её магии, если в неё верит всё большее число окружающих.

Подобного рода тезисы были сформулированы ещё Йозефом Геббельсом, но до сих пор свято соблюдаются при подготовке фейковой информации.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Можно ли создать систему противодействия тому воздействию, ради которого готовятся и распространяются фейки? На наш взгляд, необходимость в этом назрела давно, и кое-что в данном направлении делается.

Какие шаги следует предпринять для нейтрализации такого инструмента психологической войны, как фейки?

– Создание **системы мониторинга информационного пространства** для своевременного «вылавливания» антироссийских фейков. Проведение анализа поступающих в результате мониторинга фейков для определения основных объектов их атак, интенсивности и продолжительности воздействия, изменений в риторике, степени агрессивности, схожести и различий в использовании информационных клише и т. д.

– **Разоблачение фейков** по основным их болевым точкам: отсутствию логики, игнорированию доказательной базы, противоречиям в самой фейковой информации, откровенной ложности, абсурдности утверждений, – перевод читателя фейка из эмоциональной в рациональную сферу восприятия, демонстрация единообразия в выборе одних и тех же информационных клише практически всеми авторами фейков и т. д. [4].

– **Разработка и реализация контрдифамационных программ**, направленных на дискредитацию замыслов авторов фейковых кампаний. Размещение контрдифамационных материалов необходимо осуществлять незамедлительно, на русском языке и языке оригинала, прежде всего, именно в тех информационных ресурсах, на которых появился тот или иной фейк.

– **Проведение правовой и психологической экспертизы фейков**, содержащих признаки нарушения законодательства РФ, и принятие соответствующих правовых мер по привлечению к ответственности авторов, допустивших такие нарушения.

– Контрдифамационные материалы должны быть ориентированы на те же целевые группы, что и фейки. Эти материалы должны не только разоблачать контент фейков, но и **осуществлять информационные прививки** против этого контента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо отметить, что, несмотря на теоретическую проработку проблемы и выработку практических рекомендаций по её решению, к сожалению, мы сегодня запаздываем с решением этой серьёзной проблемы. Важно незамедлительно и масштабно развернуть работу на государственном уровне против дезориентации граждан, особенно подростков и молодёжи. Работа по противодействию психологическим операциям, направленным на деформацию сознания наших граждан и дестабилизацию социально-политической ситуации в стране, должна вестись активно, наступательно и с упреждением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев Г. В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград: Издатель, 2004. 336 с.
2. Карпович О. Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: Юнити-Дана, 2015. 112 с.
3. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 496 с.
4. Манойло А. В., Попадюк А. Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // Россия и современный мир. 2020. № 2. С. 285–300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17
5. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 636 с.
6. Петренко А. И. Психологические операции, направленные на эрозию сознания подрастающего поколения // Психология интегральной индивидуальности в информационном обществе: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. С. 38–44.
7. Петренко А. И. Общая характеристика психологических операций // Национальная безопасность. 2009. № 1. С. 59–65.
8. Petrenko A. I. Technologies of information wars and psychological operations in international relations and world politics // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: SCTCMG 2019 – Social and cultural transformations in the context of modern globalism, Groznyi, June 14th–15th, 2019. Groznyi: Future Academy, 2019. P. 245–250. DOI: 10.15405/epsbs(2357-1330).2019.12.4

REFERENCES

1. Grachev G. V. *Lichnost' i obshchestvo: informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' i psikhologicheskaya zashchita* [Personality and Society: Information and Psychological Security and Psychological Protection]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2004. 336 p.
2. Karpovich O. G., Manoilo A. V. *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov* [Colour revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2015. 112 p.
3. Manoilo A. V. *Informatsionnye voiny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviyu* [Information warfare and psychological operations. A guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2018. 496 p.
4. Manoilo A. V., Popadyuk A. E. [Foreign scientific approaches to the study of “fake news” in world politics]. In: *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the contemporary world], 2020, no. 2, pp. 285–300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17

5. Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoi voyny* [State information policy in the context of information and psychological warfare]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2021. 636 p.
6. Petrenko A. I. [Psychological operations aimed at erosion of the consciousness of the younger generation]. In: *Psikhologiya integral'noi individual'nosti v informatsionnom obshchestve: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The psychology of integral individuality in the information society: collection of materials of the international scientific and practical conference]. Saratov, ITS "Nauka" Publ., 2019, pp. 38–44.
7. Petrenko A. I. [General characteristics of psychological operations]. In: *Natsional'naya bezopasnost'* [National security], 2009, no. 1, pp. 59–65.
8. Petrenko A. I. Technologies of information wars and psychological operations in international relations and world politics. In: *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: SCTCMG 2019 – Social and cultural transformations in the context of modern globalism, Groznyi, June 14th–15th, 2019*. Groznyi, Future Academy, 2019, pp. 245–250. DOI: 10.15405/epsbs(2357-1330).2019.12.4

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

Статья размещена на сайте: 01.09.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петренко Анатолий Иванович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методики воспитания и дополнительного образования Академии социального управления; e-mail: aipetr@rambler.ru

Anatoly I. Petrenko – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Upbringing Methods and Additional Education, Academy of Social Management; e-mail: aipetr@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Петренко А. И. К вопросу о нейтрализации замыслов психологических операций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Petrenko A. I. Neutralizing the intentions of psychological operations. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072.433

Письменюк Е. С.

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76, Российская Федерация

ООО «Объединённые кондитеры»

115184, г. Москва, 2-ой Новокузнецкий пер., д. 13/15, стр. 1, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА КОМПАНИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение особенностей изменения социальной идентичности и структуры ценностей персонала в ситуации обучения.

Процедура и методы. Основное содержание исследования включает анализ результатов изучения взаимосвязи социальной идентичности и структуры ценностей менеджеров в ситуации обучения. Автором проведён эксперимент с помощью методик «РОССТЛ» В. Г. Грязевой-Добшинской и «Рефлексивный выбор» В. А. Петровского на 80 менеджерах российских коммерческих организаций.

Результаты. Анализ показал, что обучение персонала выступает фактором изменения социальной идентичности и структуры ценностей менеджеров. Обучение способствует идентификации менеджеров с ролями заместителя руководителя и творческого сотрудника и выбору актуальных в работе ценностей «Карьера» и «Власть», необходимых в работе ценностей «Познание» и «Деньги», желаемой в работе ценности «Творчество».

Теоретическое и/или практическое значение. В заключение статьи сформулированы основные выводы и возможности использования полученных данных с учётом актуальных практических запросов сферы обучения и развития персонала компании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная идентичность, идентификация с ролью руководителя, структура ценностей, ценность карьеры, обучение персонала

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Дизайн исследования](#)

[Анализ данных и результаты исследования](#)

[Особенности изменения структуры ценностей менеджеров в ситуации обучения](#)

[Заключение](#)

E. Pismenyuk

South Ural State University (National Research University)
76 prospekt Lenina, Chelyabinsk 454080, Russian Federation

LLC "United Confectioners"
13/15 str. 1 2-oi Novokuznetskii pereulok, Moscow 115184, Russian Federation

SOCIAL IDENTITY AND VALUE STRUCTURE AS A FACTOR OF PERSONNEL TRAINING

ABSTRACT

Aim. The paper defines the characteristics of changes in social identity and the structure of personnel values in a training situation.

Methodology. The main content of the study includes an analysis of the results of studying the relationship between social identity and the structure of managers' values in a learning situation. The author carried out an experiment using the methods of "ROSSTL" V. G. Gryazeva-Dobshinskaya and "Reflexive choice" by V. A. Petrovsky on 80 managers in Russian commercial organizations.

Results. The analysis showed that personnel training is a factor in changing the social identity and value structure of managers. Training promotes the identification of managers with the roles of a deputy leader and a creative employee and the choice of the values "Career" and "Power" that are relevant in their work, the values "Cognition" and "Money" that are necessary in their work, the values "Creativity" that are desired in work.

Research implications. In the conclusion of the article, the main conclusions and the possibilities of using the obtained data are formulated, taking into account the actual practical needs in the field of training and development of company personnel.

KEYWORDS

social identity, identification with the role of the leader, value structure, career value, staff training

ВВЕДЕНИЕ

Современный конкурентный рынок актуализирует запросы коммерческих организаций в развитии существующей системы обучения. В контексте ресурсного подхода к формированию кадровой политики предприятия обучение персонала реализуется с помощью активных методов, позволяющих сформировать модели эффективного поведения сотрудника [2; 16]. Реализация моделей эффективного поведения сотрудников на рабочем месте осуществляется с помощью дидактических (уровень знаний и умений) и дополнительных факторов обучения [7]. Дополнительные факторы обучения связаны с ключевой проблематикой настоящего мира – вызовами сложности, развития и неопределённости [1, с. 3–13]. По мнению исследователей, адаптация к неопределённости опосредована готовностью выбора и скоростью принятия решений [1, с. 3–13; 3, с. 10–20; 11], разделяемой членами группы социальной идентичностью и ценностями, как механизмами поведения в мобильном мире [1, с. 3–13; 4, с. 8–19; 5].

Социальная идентичность в классическом варианте определяется как часть индивидуальной Я-концепции, происходящая от знаний индивида о собственной принадлежности к социальной группе или группам вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этой принадлежности [5; 6]. Исследование изменений социальной идентичности рассматривается как следствие стремления к достижению позитивного представления о себе [6]. Изменение конструкта социальной идентичности исследуется, в частности, с позиции изменения собственной ролевой структуры [13, с. 24–31]. Социально-ролевая идентичность определяется исследователями идентификацией с ролью в ответ на ситуацию, в которой находится индивид [10; 13, с. 24–31]. Применительно к организациям, социально-ролевая идентичность реализуется в принятии сотрудником интересов и ценностей организации [12, с. 67–84].

Структура ценностей в контексте подхода к изучению организационной идентичности определяет развитие идентичности сотрудников [4, с. 8–19], что способствует их адаптации и мотивации к работе [12, с. 67–84], разделяемые членами группы идентичность и ценности влияют на успех функционирования организации [18]. К ценностям, позволяющим совладать с вызовами сложности, неопределённости и разнообразия, по мнению исследователей, относятся преадаптивные установки, такие как игра [11], риск [14], инновации и потенциальные перспективы развития [1, с. 3–13].

Успех реализации ресурсного подхода в формировании кадровой политики компании опосредован не только обучением, но и особенностями конкурентного рынка [2]. Поэтому проблематика взаимосвязи специфики социальной идентичности и ценностей менеджеров как фактора обучения в условиях конкурентного рынка становится особенно актуальной в настоящее время и формирует наш исследовательский интерес к данному вопросу.

Основная **гипотеза** исследования: у менеджеров с различной идентификацией с ресурсными ролями в результате обучения социальная идентичность изменяется по-разному.

Цель исследования заключается в определении особенностей изменения социальной идентичности и структуры ценностей персонала в ситуации обучения.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить особенности изменения социальной идентичности менеджеров в ситуации обучения.
2. Выявить особенности изменения структуры ценностей менеджеров в группах с социальной идентичностью творческого сотрудника, спасателя в кризисе и востребованного сотрудника в ситуации обучения.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании принимали участие менеджеры коммерческих организаций. Они регулярно проходят корпоративное обучение в компании, и в рамках экспериментального воздействия на обучении присутствовали руководители и менеджеры кадрового резерва подразделений, проходящие его впервые. Непрерывное обучение в организации представляет собой цикл тренингов для сотрудников. Для осуществления эксперимента был выбран тренинг «Навыки мотивации персонала», рассчитанный на один рабочий день. Целью тренинга является формирование навыков мотивации сотрудниками своих команд. В ходе тренинга использовались лекции, групповые дискуссии, ролевые игры и решение кейса. В качестве посттренингового сопровождения менеджеры принимали участие в семинарском занятии, где смогли закрепить полученные навыки.

Диагностика социальной идентичности и структуры ценностей менеджеров проводилась до тренинга и через две недели после его завершения.

Выборку исследования составили 48 менеджеров российских организаций, в возрасте от 23 до 45 лет.

Для исследования **особенностей социальной идентичности** менеджеров использовалась психодиагностическая технология «Ролевые отношения социальных субъектов к творческим личностям» (РОССТЛ), представляющая собой интегративную психодиагностическую технологию и выявляющая социально-ролевую идентичность субъектов творческой и инновационной деятельности. В основе технологии лежит психосемантический метод Дж. Келли (техника репертуарных решёток). Из 27 предложенных образов испытуемые выбирают 10 образов для нескольких групп ролевых позиций: образ «Я», статусные роли (руководитель мужчина, руководитель женщина, заместитель руководителя мужчина, заместитель руководителя женщина), ресурсные роли (кризйтор, востребованный сотрудник, спасатель в кризисе), роли увольняемых сотрудников (увольняемый мужчина, увольняемая женщина). Выбранные образы оцениваются по биполярным конструктам, произвольно создаваемым самими участниками эксперимента на основе базы из 72 фразеологизмов. Испытуемые заполняют репертуарную решётку – матрицу, в которой 10 образов оцениваются по 12 биполярным конструктам [8, с. 17–24; 9, с. 9–17]. Другими словами, для определения индивидуальных особенностей социальной идентичности использовалось соотношение проективного и психосемантического метода.

Индивидуальные особенности социальной идентичности определялись при помощи факторного анализа результатов методики «РОССТЛ». На основе анализа результатов матриц факторного анализа выявлялись значимые нагрузки образа «Я» с профессиональными ролями в одном факторе, что позволило выявить особенности социальной идентичности каждого участника.

Выборка исследования была разделена на группы по параметру индивидуальной идентификации с ресурсными ролями:

Первая группа – менеджеры с идентификацией творческого сотрудника;

Вторая группа – менеджеры с идентификацией спасателя в кризисе;

Третья группа – менеджеры с идентификацией востребованного сотрудника.

Для исследования **особенностей структуры ценностей** менеджеров использовалась мультисубъектная метаимплицативная методика рефлексивного выбора В. А. Петровского, сформированная с опорой на модель рефлексивного выбора В. А. Лефевра и на трансактную модель личности Э. Берна. Методика позволяет описать выбор жизненных ценностей как результат синергии эго-состояний (Взрослый, Родитель, Дитя) и предлагает математическую форму модели

$$W = ((a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1) \rightarrow a_k,$$

где W – мера благополучия (адаптивности) субъекта, совершающего выбор некоторой ценности в разных по уровню поддержки социальных контекстах; a_3 – «запрос» Взрослого – рефлексия меры актуальной необходимости; a_2 – ресурс, предоставляемый Родителем – рефлексия меры долженствования; a_1 – ресурс, предоставляемый Дитя – рефлексия меры хотения; a_k – ресурс, предоставляемый миром – контекст уровня поддержки выбора социальной средой [14].

Для определения индивидуальных особенностей структуры ценностей менеджеров использовалась метаимплицативная модель рефлексивного выбора ценностей, предложенная В. А. Петровским. На основе модели рассчитывался показатель «мера благополучия субъекта, совершающего выбор ценности в контекстах различных по уровню поддержки этого выбора средой» [14], отражающий соотношение готовности испытуемого к выбору ценности, исходя из рефлексии значимости для него внутреннего «Взрослого», «Родителя» или «Ребёнка» с уровнем поддержки этого выбора благоприятной, индифферентной и сопротивляющейся средой. Для анализа результатов из 16 ценностей методики «рефлексивный выбор» выбраны 6 ценностей (карьера, творчество, познание, деньги, власть, развитие, уверенность в себе), которые в большей степени относятся к корпоративному обучению и деятельности менеджеров в организации.

Для определения групповых особенностей социальной идентичности и групповых особенностей структуры ценностей менеджеров использовался эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент, алгоритм вращения Варимакс с нормализацией по Кайзеру), актуальный для исследования воздействий разных сочетаний двух факторов на выборку испытуемых [15]. Расчёты осуществлялись в программах «SPSS 17» и «Excel». Особенности изменений социальной идентичности менеджеров и их структуры

ценностей определялась в выделенных группах менеджеров как сравнение результатов группового факторного анализа преобладающих типов социальной идентичности и особенностей структуры ценностей до и после обучения без изменения списка участников выделенных групп в день обучения и через две недели после проведённого обучения.

АНАЛИЗ ДАННЫХ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты обследования по методике «РОССТЛ» выявили, что каждый участник эксперимента может идентифицировать себя с одной или несколькими профессиональными ролями, так 35% субъектов выборки идентифицируют себя с одной профессиональной ролью, 15% – с двумя профессиональными ролями, 15% – с тремя профессиональными ролями и 2% – с четырьмя профессиональными ролями.

Особенности изменения социальной идентичности менеджеров в ситуации обучения

Для определения особенностей изменений социальной идентичности в ситуации обучения персонала выборка менеджеров была разделена на группы с социальной идентичностью творческого сотрудника, спасателя в кризис и востребованного сотрудника.

Гипотеза № 1: факторная структура социальной идентичности менеджеров различна до и после обучения

В первой группе менеджеров, с идентификацией творческого сотрудника, до и после обучения установлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ролью «Кризэйтор», входящей в единый с образом «Я» второй и третий фактор ($\sigma_1 0,11$, $\sigma_2 0,10$). Кроме того, в группе менеджеров до обучения выделился первый фактор «Руководитель с готовностью к подчинению» ($\sigma_1 0,45$), а после обучения первый фактор с ролью «Начальник мужчина» ($\sigma_1 0,41$) и второй фактор с ролью «Востребованный сотрудник» ($\sigma_1 0,12$). Результаты исследования представлены в таблице 1.

Другими словами, до и после обучения менеджеры идентифицируют себя с ролью творческого сотрудника. До обучения менеджеры имеют представление о роли руководителя в организации с готовностью к подчинению. После обучения менеджеры получают более четкие представления об управленческой деятельности и роли сотрудника, готового к выполнению любой актуальной для компании работы.

Таким образом, в ситуации обучения идентификация менеджеров, определяющих себя творческими сотрудниками, не изменилась. Но в процессе обучения менеджеры структурировали свое представление о роли руководителя и сформировали видение востребованного для компании специалиста.

Таблица 1 / Table 1

Факторная структура социальной идентичности в группе менеджеров с идентификацией творческого сотрудника, до и после обучения / Factor structure of social identity in a group of managers with the identification of a creative employee, before and after training

Рольевая позиция	Факторная структура до обучения		Факторная структура после обучения		
	1 фактор	2 фактор	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Я		0,85			0,70
Начальник мужчина			0,85		
Начальник женщина	0,83				
Зам. начальника – мужчина	0,77				
Зам. начальника – женщина	0,79				
Криэйтор		0,88			0,90
Востребованный сотрудник				0,81	
Спасатель в кризисе					
Доля объясненной дисперсии	0,45	0,11	0,41	0,12	0,10

Результаты исследования согласуются с исследованиями социокультурного пространства, способствующего высокой творческой продуктивности. Р. Флорида определяет три характеристики инновационной, творческой деятельности: талант, технологии, толерантность. Описывая феномены толерантности в организационной среде в ситуации командной работы, В. Г. Грязева-Добшинская обращает наше внимание на необходимость понимания творцами возможностей своей уникальной творческой личности, с одной стороны, и на понимание Другого как дополнительного к своим возможностям, как ресурса эффективного выполнения деятельности для оптимизации командной работы [8, с. 17–24; 9, с. 9–17].

Результаты исследования социальной идентичности во второй группе менеджеров представлены в таблице 2. В группе менеджеров, с идентификацией спасателя в кризисе, до обучения установлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ролями «Спасателя в кризис» и «Востребованный сотрудник», входящих в единый с образом «Я» первый фактор (σ 0,41). Кроме того, выделился отдельный «Управленческий» фактор (σ 0,12) и третий фактор с ролью «Криэйтор» (σ 0,11).

После обучения во второй группе менеджеров выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» и роли «Заместителя мужчины», входящих в

единый с образом «Я» первый фактор (σ 0,45), и отдельный второй фактор с ролью «Кризэйтор» (σ 0,11).

Таблица 2 / Table 2

Факторная структура социальной идентичности в группе менеджеров с идентификацией спасателя в кризисе, до и после обучения / Factor structure of social identity in a group of managers with identification of a lifeguard in a crisis, before and after training

Рольевая позиция	Факторная структура до обучения			Факторная структура после обучения	
	1 фактор	2 фактор	3 фактор	1 фактор	2 фактор
Я	0,72			0,70	
Начальник мужчина		0,75			
Начальник женщина		0,78			
Зам. начальника – мужчина				0,73	
Зам. начальника – женщина					
Кризэйтор			0,82		0,79
Востребованный сотрудник	0,70				
Спасатель в кризисе	0,70				
Доля объясненной дисперсии	0,34	0,12	0,11	0,45	0,11

Другими словами, до обучения менеджеры, идентифицирующие себя спасателем в кризисе, определяют себя востребованными антикризисными менеджерами для организации и имеют представление о деятельности руководителя организации и творческого сотрудника. После обучения менеджеры определяют себя заместителями руководителя, демонстрируя готовность к работе под руководством, и сохраняя представление о деятельности творческого сотрудника в компании.

Таким образом, в ситуации обучения идентификация менеджеров, определяющих себя спасателем в кризисе, меняется. Но в процессе обучения менеджеры сохранили свое представление о деятельности творческого сотрудника в организации.

Результаты исследования согласуются с исследованиями организационной идентичности, где динамика социальной идентичности выступает ресурсом реализации собственной профессиональной роли. Сотрудник оценивает личные качества коллег и причисляет себя к тем же группам, что и они, следовательно сотрудник примыкает не к группам, а к отдельным людям [17, с. 16–24].

В третьей группе менеджеров, идентифицирующих себя с ролью востребованного сотрудника, до обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ролью «Востребованный сотрудник», входящий в единый с образом «Я» первый фактор (σ 0,26), и отдельный «Управленческий» фактор (σ 0,12). После обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ролью «Криэйтора», входящих в единый с образом «Я» третий фактор (σ 0,11). Данные исследования представлены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Факторная структура социальной идентичности в группе менеджеров с идентификацией востребованного сотрудника, до и после обучения / Factor structure of social identity in a group of managers with identification of a demanded employee, before and after training

Рольевая позиция	Факторная структура до обучения		Факторная структура после обучения		
	1 фактор	2 фактор	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Я	0,80				0,70
Начальник мужчина					
Начальник женщина		0,89			
Зам. начальника – мужчина					
Зам. начальника – женщина		0,70			
Криэйтор					0,80
Востребованный сотрудник	0,85		-0,85		
Спасатель в кризисе				-0,84	
Доля объясненной дисперсии	0,26	0,12	0,34	0,13	0,11

Другими словами, менеджеры, идентифицирующие себя с ролью востребованного сотрудника, до обучения демонстрируют готовность выполнять любую актуальную для компании деятельность и имеют представление о деятельности руководителя в компании. После обучения менеджеры определяют себя «Криэйтором» – сотрудником, выполняющим творческую, необычную деятельность в организации.

Таким образом, в ситуации обучения идентификация менеджеров, определяющих себя востребованным сотрудником, меняется.

Результаты исследования согласуются с исследованиями социокультурной идентичности [8; 9], где показано наличие взаимосвязи инновационной творческой активности и толерантности. По мнению, В. Г. Грязевой-Добшинской, идентичность с ролью «Творца» и толерантность к креативным эле-

ментам в деятельности группы определяет процесс личностного развития с принятием опыта адаптации к ценностям значимых, референтных групп с высоким уровнем разнообразия, инаковости её членов. Это понимание дифференцированного «Мы», восприятие личной принадлежности к этим группам, включающим сложных, непохожих, амбициозных творцов, когда характеристики этих групп переходят в личностные качества.

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТЕЙ МЕНЕДЖЕРОВ В СИТУАЦИИ ОБУЧЕНИЯ

Для анализа результатов группового факторного анализа структуры ценностей менеджерами, исходя из рефлексии внутреннего «Взрослого», «Родителя», «Ребёнка», использовались только данные факторных нагрузок образа «Я» с ценностями, входящих в единый с образом «Я» первый фактор. Изменения структуры ценностей анализировались в группах менеджеров с социальной идентичностью творческого сотрудника, спасателя во время кризиса и востребованного сотрудника.

Гипотеза № 2: факторная структура ценностей менеджеров различна до и после обучения

В результате анализа данных выбора ценностей, исходя из рефлексии позиции внутреннего взрослого, до обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ценностью «Карьера» (σ 0,27) у менеджеров с идентификацией творческого сотрудника, «Власть» (σ 0,24) у менеджеров с идентификацией спасателя в кризисе. После обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ценностями «Познание» и «Деньги» (σ 0,23) у менеджеров с идентификацией спасателя в кризисе, «Познание» (σ 0,23) у менеджеров с идентификацией востребованного сотрудника. Данные исследования представлены в таблице 4.

Другими словами, в качестве актуального запроса до обучения менеджеры с идентификацией творческого сотрудника выбирают ценности профессионального роста, но после обучения данный запрос отсутствует. Менеджеры с идентификацией спасателя в кризисе до обучения в качестве актуального запроса выбирают ценности власти и влияния, а после обучения ценности информационного и финансового ресурса. У менеджеров с идентификацией востребованного сотрудника до обучения отсутствует актуальный запрос, но проявляется после обучения в качестве ценности информационного ресурса.

Таким образом, ситуация обучения позволила изменить структуру ценностей менеджерам, идентифицирующим себя с ролью спасателя в кризисе, опираясь на выбор наиболее актуальных ценностей в рабочей деятельности, исходя из рефлексии позиции внутреннего «Взрослого». Ситуация обучения позволила отказаться от выбора ценности, как не актуальной в рабочей деятельности, менеджерам с идентификацией творческого сотрудника, и сформировать

ровать актуальный запрос в работе менеджерам с идентификацией востребованного сотрудника, исходя из рефлексии позиции внутреннего «Взрослого».

Таблица 4 / Table 4

Структура ценностей менеджеров, идентифицирующих себя с ролью творческого сотрудника, спасателя в кризисе и востребованного сотрудника, исходя из рефлексии позиции внутренних «Взрослого», «Родителя», «Ребёнка», до и после обучения в первом факторе / The values structure of managers identifying themselves with the role of a creative employee, lifeguard in a crisis and a demanded employee, based on the reflection of the position of the internal “Adult”, “Parent”, “Child”, before and after training in the first factor

Ценности	Менеджеры с идентификацией криэйтора		Менеджеры с идентификацией спасателя в кризисе		Менеджеры с идентификацией востребованного сотрудника	
	До обучения	После обучения	До обучения	После обучения	До обучения	После обучения
	Позиция внутреннего «Взрослого»					
Я – ролевое	0,92	0,79	-0,96	0,93	0,70	0,87
Карьера	0,70					
Творчество			0,88			
Познание				0,73		0,88
Деньги				0,79		
Власть			-0,91			
Доля объясненной дисперсии	0,27		0,24	0,23		0,23
	Позиция внутреннего «Родителя»					
Я – ролевое	0,85	0,84	0,91	-0,92	-0,89	0,86
Карьера		0,94				
Творчество	0,73					
Власть		0,86				
Доля объясненной дисперсии	0,28	0,23				
	Позиция внутреннего «Ребенка»					
Я – ролевое	0,95	-0,76	-0,89	0,86	0,93	0,89
Творчество						0,70
Познание						0,73
Власть					0,85	
Доля объясненной дисперсии					0,23	0,30

В результате анализа данных выбора ценностей, исходя из рефлексии позиции внутреннего родителя, до обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ценностью «Творчество» (σ 0,28) у менеджеров с идентификацией творческого сотрудника, а после обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ценностями «Карьера» и «Власть» (σ 0,23). У менеджеров с идентификацией спасателя в кризисе и востребованного сотрудника значимые факторные нагрузки образа «Я» с предложенными ценностями отсутствуют. Данные исследования представлены в таблице 4.

Другими словами, в качестве необходимого запроса до обучения менеджеры с идентификацией творческого сотрудника выбирают ценности творчества, но после обучения сформировался необходимый запрос в выборе ценностей карьерного роста и влияния и власти.

Таким образом, ситуация обучения позволила изменить структуру ценностей менеджерам, идентифицирующим себя с ролью творческого сотрудника, опираясь на выбор необходимых для рабочей деятельности ценностей, исходя из рефлексии позиции внутреннего «Родителя».

В результате анализа данных выбора ценностей, согласно рефлексии позиции внутреннего ребёнка, до обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ценностью «Власть» (σ 0,23) у менеджеров с идентификацией востребованного сотрудника, а после обучения выявлены значимые факторные нагрузки образа «Я» с ценностями «Творчество» и «Познание» (σ 0,30). У менеджеров с идентификацией спасателя в кризисе и творческого сотрудника значимые факторные нагрузки образа «Я» с предложенными ценностями отсутствуют. Данные исследования представлены в таблице 4.

Другими словами, в качестве желаемого запроса до обучения менеджеры с идентификацией востребованного сотрудника выбирают ценности власти и влияния, но после обучения сформировался желаемый запрос в выборе ценностей творчества и получения новой информации.

Таким образом, ситуация обучения позволила изменить структуру ценностей менеджерам, идентифицирующим себя с ролью востребованного сотрудника, опираясь на выбор желаемых ценностей для эффективной работы, исходя из рефлексии позиции внутреннего «Ребенка».

Анализируя особенности изменений структуры ценностей менеджеров в ситуации обучения можно отметить следующее:

– менеджеры, демонстрирующие готовность к выполнению творческой и необычной для организации деятельности, в ситуации обучения выбирают ценности, опираясь на необходимые для рабочей деятельности запросы, исходя из рефлексии внутреннего «Родителя»; менеджеры, идентифицирующие себя с ролью «Кризейтора», в результате обучения выбирают ценности построения карьеры в организации, власти и влияния на других.

– менеджеры, демонстрирующие готовность к антикризисной деятельности в компании, в ситуации обучения выбирают ценности, опираясь на ак-

туальные для рабочей деятельности запросы, исходя из рефлексии внутреннего «Взрослого»; менеджеры, идентифицирующие себя с ролью «Спасателя в кризисе», в результате обучения выбирают ценности получения новой информации и финансового благополучия.

– менеджеры, демонстрирующие готовность к любой востребованной для организации деятельности, в ситуации обучения выбирают ценности, опираясь на актуальные и желаемые для рабочей деятельности запросы, исходя из рефлексии внутреннего «Взрослого» и «Ребёнка»; менеджеры, идентифицирующие себя с ролью «Востребованного сотрудника», в результате обучения выбирают ценности творчества и получения новой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная гипотеза о том, что обучение персонала выступает фактором изменения социальной идентичности и структуры ценностей менеджеров, подтвердилась. В результате исследования особенностей изменений социальной идентичности менеджеров в ситуации обучения установлено, что факторная структура социальной идентичности менеджеров в группах с идентификацией спасателя в кризисе и востребованного сотрудника, различна до и после обучения. Факторная структура социальной идентичности менеджеров в группе с идентификацией творческого сотрудника до и после обучения неизменна. Таким образом, обучение персонала выступает фактором изменения социальной идентичности и способствует идентификации менеджеров с ролями «Заместителя начальника» и «Кризэйтора».

В результате исследования особенностей изменения структуры ценностей менеджеров с идентификацией творческого сотрудника, спасателя в кризисе и востребованного сотрудника в ситуации обучения установлено, что факторная структура ценностей менеджеров различна до и после обучения по всех группах исходя из рефлексии внутреннего «Взрослого». Факторная структура ценностей менеджеров в группе с идентификацией творческого сотрудника изменяется до и после обучения согласно рефлексии внутреннего «Родителя». Факторная структура ценностей менеджеров в группе с идентификацией востребованного сотрудника, изменяется до и после обучения, исходя из рефлексии внутреннего «Ребёнка». Таким образом, обучение персонала выступает фактором изменения структуры ценностей менеджеров и способствует выбору актуальных, необходимых и желаемых ценностей для рабочей деятельности.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в сфере обучения и развития персонала, коучинга, составления тренинговых программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. А., Черноризов А. М. Историко-эволюционный подход к развитию сложных систем // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 3–13.
2. Бавина П. А., Чурилина И. Н., Егорова Е. В. Современные технологии профориентационного обучения в концепции work based learning // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения : сборник материалов XLVIII Международной научно-практической конференции : г. Новосибирск, 9 февраля 2016 г. / под общей редакцией С. С. Чернова. Новосибирск, 2016. С. 165–169.
3. Бадью А. Философия и событие / пер. Д. Кралечкин. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
4. Базаров Т. Ю. Управление персоналом развивающейся организации. М.: Инфра-М, 2006. 116 с.
5. Белинская Е. П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005. 319 с.
6. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. № 8. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения: 30.06.2020).
7. Виштак О. В., Варгина Е. В. Анализ факторов, влияющих на результативность подготовки персонала промышленных предприятий [Электронный ресурс] // Universum: Психология и образование. 2015. № 3-4. URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2056> (дата обращения: 27.06.2020).
8. Грязева-Добшинская В. Г. Толерантность субъектов творческой и инновационной деятельности как социокультурный капитал инновации предприятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42. С. 17–24.
9. Грязева-Добшинская В. Г. Инновационное лидерство: моделирование тенденций активности менеджеров предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 17. С. 9–17.
10. Иванова Н. Л., Румянцева Т. В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Современный гуманитарный университет, 2009. 456 с.
11. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.06.2020).
12. Несмеянова Р. К., Липатов С. А. Взаимосвязь восприятия привлекательности корпоративной культуры с организационной идентификацией сотрудников // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 3. С. 67–84.
13. Особенности идентификации с персонажами культового фильма в контексте проблем социальной идентичности зрителей / С. Ю. Коробова и др. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 24–31. DOI: 10.14529/psy180303.

14. Петровский В. А., Таран Т. А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия // VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием (Коломна, 7–12 октября 2002 г.) : труды в 2 т. Т. 1. М.: Физматлит, 2002. С. 502–511.
15. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2000. 350 с.
16. Третьяков В. П. Порождающие игры. Практическое руководство по применению. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 240 с.
17. Хухлаев О. Е., Хайт М. А. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккаса и М. Брюера // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 16–26.
18. Haslam S. A. Psychology in organizations: The social identity approaches. London: Sage, 2004. 336 p.

REFERENCES

1. Asmolv A. G., Shekhter E. A., Chernorizov A. M. [Historical and evolutionary synthesis: mutual assistance as a factor of evolution]. In: *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 2013, no. 6, pp. 3–13.
2. Bavina P. A., Churilina I. N., Egorova E. V. [Modern technologies of vocational guidance training in the concept of work based learning]. In: *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya : sbornik materialov XLVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : g. Novosibirsk, 9 fevralya 2016 g.* [Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application: proceedings of XLVIII International scientific-practical conference. Novosibirsk, February 9, 2016]. Novosibirsk, 2016, pp. 165–169.
3. Badiou A. La Philosophie Et l'Evenement (Russ. ed.: Krалechkin D., transl. Filosofiya i sobytie. Moscow, Institute of General Humanities Research, 2013, 192 p.).
4. Bazarov T. Yu. *Upravlenie personalom razvivayushcheysya organizatsii* [HR management of a developing organization]. Moscow, Infra-M, 2006, 116 p.
5. Belinskaya E. P. *Chelovek v izmenyayushchemsya mire – sotsial'no-psikhologicheskaya perspektiva* [Man in a changing world – a socio-psychological perspective]. Moscow, Prometei, 2005, 319 p.
6. Belinskaya E. P. [The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2015, no. 8 (40), available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (accessed: 30.06.2020).
7. Vishtak O. V., Vargina E. V. [Analysis of factors affecting the effectiveness of training of personnel of industrial enterprises]. In: *Universum: Psikhologiya i obrazovanie* [Universum: Psychology and education], 2015, no 3-4. Available at: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2056> (accessed: 27.06.2020).
8. Gryazeva-Dobshinskaya V. G. [Tolerance of subjects of creative and innovative activity as the sociocultural capital of enterprise innovation]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

- Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology], 2011, no. 42 (259), pp. 17–24.
9. Gryazeva-Dobshinskaya V.G. [Innovative Leadership: Modeling Activity Trends for Enterprise Managers]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology], 2010, no. 17 (193), pp. 9–17.
 10. Ivanova N. L., Rumyantseva T. V. *Sotsial'naya identichnost': teoriya i praktika* [Social Identity: Theory and Practice]. Moscow, Modern Humanities University, 2009. 456 p.
 11. Leontiev D. A. [The challenge of uncertainty as the central problem of personality psychology]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (accessed: 30.06.2020).
 12. Nesmeyanova R. K., Lipatov S. A. [The relationship between the perception of the attractiveness of corporate culture and organizational identification of employees]. In: *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2017, vol. 7, no. 3, pp. 67–84.
 13. Korobova S. Yu., et al. [Features of identification with the characters of a cult film in the context of problems of social identity of viewers]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology], 2018, vol. 11, no. 3, pp. 24–31. DOI: 10.14529/psy180303.
 14. Petrovskii V. A., Taran T. A. [Reflexive choice model: transactional version]. In: *VIII natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem (Kolomna, 7–12 oktyabrya 2002 g.) : trudy. T. 1* [VIII National Conference on Artificial Intelligence with International Participation (Kolomna, October 7–12, 2002): Proceedings. Vol. 1]. Moscow, Fizmatlit, 2002, pp. 502–511.
 15. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, Rech, 2000, 350 p.
 16. Tretyakov V. P. *Porozhdayushchie igry. Prakticheskoe rukovodstvo po primeneniyu* [Generative games. Practical Application Guide]. Kharkov, Gumanitarnyi tsentr, 2016, 240 p.
 17. Khukhlaev O. E., Khayt M. A. [S. Roccas' and Martin Brewer's concept of social identity complexity]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2012, no. 3, pp. 16–26.
 18. Haslam S. A. *Psychology in organizations: The social identity approaches*. London, Sage, 2004. 336 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила 01.07.2020

Статья размещена на сайте: 04.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Письменюк Екатерина Сергеевна – аспирант лаборатории психологии и психофизиологии, стрессоустойчивости и креативности Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет); бизнес-тренер ООО «Объединённые кондитеры»; e-mail: pismieniuk@list.ru

Ekaterina S. Pismenyuk – Postgraduate Student, Laboratory of Psychology and Psychophysiology, Stress Resilience and Creativity, South Ural State University (National Research University); business trainer, LLC “United Confectioners”; e-mail: pismieniuk@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Письменюк Е. С. Социальная идентичность и структура ценностей как фактор обучения персонала компании // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Pismenyuk E. S. Social identity and value structure as a factor of personnel training. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 378

Попова И. Н.

Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФИРО РАНХиГС)
125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1, Российская Федерация

МЕТОД СУПЕРВИЗИИ В РАБОТЕ С ПЕДАГОГАМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ ПОДДЕРЖКУ ДЕТЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ особенностей реализации метода супервизии в процессе подготовки педагогов, осуществляющих профессиональную деятельность в условиях организации педагогической поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Процедура и методы. В статье рассматриваются вопросы организации профессиональной поддержки педагогов, сталкивающихся с препятствиями в работе с детьми, которые находятся в трудной жизненной ситуации. Основным методом исследования является метод супервизии, основанный на методологии клиент-центрированной терапии Карла Роджерса.

Результаты. Модель применения метода супервизии в работе с педагогами-практиками апробирована в рамках выполнения научно-исследовательской работы по созданию условий профессиональной поддержки педагогов, ориентированных на работу с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Применение метода супервизии позволяет профилировать эмоциональное выгорание у педагогов, а также осуществлять поиск оптимальных путей решения профессиональных проблем в условиях супервизорской группы, в том числе и в режиме дистанционного взаимодействия.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие вариативных форматов подготовки педагогов к работе с детьми уязвимых категорий. Представленная в статье структура групповой супервизорской сессии и опыт организации таких сессий с педагогами на основе методологии клиент-центрированной терапии Карла Роджерса могут быть использованы в условиях вузовской подготовки и при освоении образовательных программ повышения квалификации педагогов и специалистов помогающих профессий (социальные педагоги, практические психологи) при учёте специфики их профессиональной деятельности, состоящей в обеспечении педагогической поддержки детям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

педагогическая поддержка детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, метод супервизии, профессиональная поддержка педагогов, профилактика эмоционального выгорания у педагогов

СТРУКТУРА

Введение

Постановка проблемы

Методология исследования

Организация исследования

Модель организации супервизорских сессий

Результаты исследования

Заключение

Popova I.

*Federal Education Development Institute RANEPA,
9 str. 1 Chernyakhovskogo ul., Moscow 125319, Russian Federation*

SUPERVISION METHOD IN WORKING WITH TEACHERS SUPPORTING CHILDREN IN HARD LIFE SITUATION

ABSTRACT

Aim. Analysis of the features of the implementation of the supervision method in the process of training teachers whose professional activities include organizing pedagogical support for children in difficult life situations.

Methodology. The article deals with the organization of professional support for teachers working with children in difficult situations in educational organizations of general and additional education. The main method of research is the method of supervision, based on Carl Rogers methodology of client-centered therapy.

Results. The model of using the supervision method in working with teachers engaged in professional activities with children of vulnerable groups has been tested as part of the research work on creating conditions for professional support of teachers focused on working with children in difficult life situations. The use of the supervision method makes it possible to prevent emotional burnout in teachers, as well as to choose optimal ways to solve professional problems in the working conditions of the supervisory group, including the mode of remote interaction.

Research implications. The results of the study contribute to the development of various formats of training teachers to work with children of vulnerable groups. The structure of the group supervision session based on Karl Rogers client-centered therapy methodology can be used for teachers and specialists of helping professions (social educators, practical psychologists), taking into account the specifics of their professional activities in providing pedagogical support to children in difficult life situations.

KEYWORDS

pedagogical support for children in difficult situations, the method of supervision, professional support for teachers, prevention of emotional burnout in teachers

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение профессиональной поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее – дети в ТЖС), в настоящее время во всём мире является одной из наиболее актуальных проблем. На её существование указывают Международные документы в социальной сфере и документы в сфере защиты прав детей, такие как Конвенция о правах ребёнка (20 ноября 1989 г.), Цели в области устойчивого развития ООН (2015 г.) и др. Современные документы государственной политики в сфере образования в Российской Федерации актуализируют идею педагогической поддержки и сопровождения особых групп детей и подростков.

Так Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г. выдвигает в качестве одной из приоритетных задачу обеспечения комплекс-

ной поддержки уязвимых категорий детей, что позволит состояться их социальной реабилитации и полноценной интеграции в общество. Концепция развития дополнительного образования детей (Распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р) указывает на необходимость развития ресурсного обеспечения в создании условий по реализации педагогической поддержки для детей с разным стартовым потенциалом, выдвигается идея развития функции социального лифта в дополнительном образовании.

Существует профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)», который утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 октября 2013 г. № 544н. В нём и других профессиональных стандартах в сфере образования поднимается проблема готовности современного педагога к работе с разными категориями детей, контингент которых значительно изменился и включает в себя детей с особенностями развития и социализации. Это дети с ОВЗ, дети разрозненного национального состава, дети, воспитывающиеся в разных социальных условиях, в том числе, представляющих угрозу для несовершеннолетних. Перед педагогами встают задачи перестройки собственного сознания и переосмысления своей профессиональной деятельности с позиции восприятия гуманитарных смыслов в условиях социальных трансформаций (В. И. Слободчиков), готовности оказания помощи ребёнку в процессе формирования собственной идентичности (А. Г. Асмолов).

О необходимости совершенствования профессиональной деятельности педагогов свидетельствуют результаты современных научных исследований [6; 14; 23]. В этой связи вопросы подготовки педагогов к работе с детьми в ТЖС приобретают особое значение. Особенности педагогической поддержки в работе с детьми уязвимых категорий раскрываются в работах Л. В. Мардахаева, Р. В. Овчаровой, Г. В. Семьи, Т. И. Шульги и др. В фокусе внимания современных исследователей оказывается анализ деятельности социальных педагогов и педагогов-психологов в работе с детьми группы риска [1; 20]. Поднимаются вопросы подготовки педагогов в системе дополнительного профессионального образования с детализацией вариативных форм работы [11; 20].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время педагогическая наука находится в поиске новых методов работы с педагогами, профессиональная деятельность которых осуществляется с детьми уязвимых категорий. В регионах разрабатываются и апробируются модели подготовки будущих педагогов на разных ступенях вузовского образования: модель социального сёрфинга на ступени бакалавриата (Н. Н. Киселев, Новосибирский государственный педагогический

университет), модель реализации апостериорного подхода в образовании на этапе магистратуры (И. В. Руденко, Тольяттинский государственный университет) и др.

В этой связи особый интерес представляет реализация метода супервизии при подготовке педагогов к работе с особыми категориями детей в условиях постдипломного педагогического образования. Применение данного метода позволяет обеспечить максимальное погружение педагога в проблемную ситуацию, требующую глубокого анализа, как со стороны самого педагога, так и со стороны эксперта (супервизора). Такой подход помогает формированию компетенции в области профессиональной рефлексии и способствует профилактике эмоционального выгорания у педагогов, осуществляющих деятельность в сфере воспитания детей и подростков уязвимых категорий. По мнению М. А. Пономаренко, необходимо уделить особое внимание вопросам педагогической супервизии как условия выработки уникального знания в каждой конкретной педагогической ситуации и как ресурса профессионального роста педагогов [12].

Цель нашего исследования заключается в анализе особенностей реализации метода супервизии в процессе работы с педагогами, осуществляющими свою профессиональную деятельность в условиях организации педагогической поддержки детей в ТЖС. Здесь мы также попытались обосновать структуру групповой супервизорской сессии для педагогов, выделив типичные трудности, которые они испытывают в работе с детьми уязвимых категорий.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращение к методу супервизии, возникновению и развитию которого в начале XX в. способствовала психоаналитическая научная школа, не является случайным. В современных исследованиях в сфере психологии супервизия понимается как: насыщенное межличностное взаимодействие с целью помощи специалистам системы отношений [8; 22]; профессиональная помощь в работе с клиентами посредством развития у специалиста способности самоанализа и рефлексии [17], метод формирования профессиональной идентичности [19].

Т. А. Ваулина определяет супервизию как сложный многогранный процесс и мощнейший ресурс профессиональной поддержки развития специалиста [2]. По мнению Ю. В. Щукиной, супервизия открывает большие возможности для диалога науки, практики и образования [15]. Смыслы определения сути супервизорской деятельности созвучны профессиональным потребностям педагогов и находят свой отклик в педагогическом сообществе.

Метод супервизии получил своё развитие в многочисленных моделях, созданных в рамках основных психологических теорий: психодинамиче-

ской, феноменологической и поведенческой [13; 21]. Этот метод направлен на формирование профессиональной компетенции специалистов [10; 13], повышение квалификации и качества работы в сфере помогающих профессий посредством организации индивидуального или группового профессионального консультирования [15; 20].

Супервизия позволяет специалисту не только получить ответы на практические вопросы, но и повысить уверенность в себе, своих действиях и понимании процесса [23; 24]. По мнению Т. Ю. Катрин, этот метод помогает профилактировать профессиональное выгорание у специалистов, работающих в кризисных центрах [9]. Современные исследования свидетельствуют о возможности проведения супервизии в онлайн-режиме [18]. На потребность развития метода супервизии в сфере помогающих профессий указывают В. А. Дегтерев, И. А. Ларионова [7].

В настоящее время в отечественной практике метод супервизии активно входит в педагогическую среду и апробируется в разных вариантах его применения. Проблему реализации метода супервизии при подготовке педагогов поднимают в отдельных исследованиях Л. В. Воронина, Л. В. Моисеева, М. А. Пономаренко, Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева [5; 12; 16]. Они свидетельствуют о поиске обоснования специфики применения метода супервизии в практике подготовки педагога к профессиональной деятельности. Анализ работ, посвящённых этой проблеме, позволяет констатировать возрастающий интерес к этому методу в системе повышения квалификации педагогов [4].

Единичность попыток обращения к данному методу при обучении педагогов в России связана с высокой степенью сложности его применения, отсутствием профессиональной подготовки специалистов-супервизоров, а также со сформированной традицией методического консультирования по вопросам организации обучения и воспитания детей, что затрудняет процесс вхождения метода супервизии в широкую практику педагогической деятельности. Однако потребность в его применении возрастает, поскольку всё чаще педагоги сталкиваются с нестандартными реакциями и особенностями поведения детей, что вызывает вопросы и необходимость обсуждения сложных педагогических ситуаций и случаев профессиональных затруднений.

В поиске методологической платформы проведения супервизорских сессий мы обратились к теории клиент-центрированного подхода в психотерапии Карла Роджерса [23; 24]. Основная идея методологии Роджерса заключается в оказании помощи посредством мотивации клиента к работе над собой, мотивации его личностного и профессионального самосовершенствования. Для нашего исследования имела особое значение выведенная Роджерсом формула условий, необходимых для качественной проработки опыта клиента, вызывающего напряжение и тревогу, с перспективой

конструктивных изменений в его развитии. Три условия (конгруэнтность супервизора в процессе психологического контакта, безусловное принятие клиента и эмпатийное понимание его внутренней системы взглядов [24]) составили основу реализации метода супервизии в практической части нашей работы с педагогами.

Мы опирались также на исследование Т. Ю. Катрин, в котором представлен анализ роли супервизии в профилактике профессионального выгорания специалистов, оказывающих поддержку детям и семьям в ТЖС [9]. До настоящего времени применения методологии клиент-центрированного подхода в психотерапии Карла Роджерса в практике организации супервизорских сессий для педагогов не было представлено в российских публикациях, что составляет новизну настоящего исследования.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение особенностей применения метода супервизии в работе с педагогами, осуществляющими профессиональную деятельность с детьми в ТЖС, организовано нами в условиях реализации двух проектов, поддержанных Министерством просвещения Российской Федерации (2020) по теме «Самореализация детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» и Правительством Российской Федерации (2021) по проблеме разработки модели профессиональной поддержки педагогов, ориентированных на работу с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

В исследовании приняли участие 56 педагогов из пяти регионов России: Воронежской, Липецкой, Томской, Челябинской, Владимирской областей. Основную массу участников составили педагоги дополнительного образования (59%). На втором месте – учителя-предметники и классные руководители (17,6%). Среди участников также были социальные педагоги (10,8%), педагоги-психологи (9%), учитель-дефектолог и учитель-логопед (3,6%). В состав группы вошли женщины в возрасте 40–50 лет. Они добровольно согласились принять участие в анкетировании по профессиональным затруднениям в работе с детьми в ТЖС, диагностике уровня эмоционального выгорания по методике Маслач (1986 г.) и серии супервизорских сессий по анализу своего опыта работы с особыми детьми.

Практика супервизий проводилась в режиме группового консультирования в условиях дистанционного взаимодействия с использованием ресурсов информационной платформы «ZOOM». За период с марта 2020 по апрель 2021 гг. состоялись четыре супервизорских сессии (в октябре 2020 г., в феврале, марте и апреле 2021 г.). Продолжительность каждой сессии составляла в среднем от 1,5 до 2 часов. На каждой сессии рассматривался опыт работы одного педагога. Анализу супервизорской группы подвергалась одна наиболее значимая для педагога проблема, вызывающая наибольшие затруднения в

работе с детьми в ТЖС. Так, можно обозначить следующие вопросы, которые были вынесены на обсуждение в супервизорской группе:

- вопрос выстраивания бесконфликтных отношений в диаде «педагог – ребёнок» при ситуации оказания педагогической поддержки ребёнку 11 лет с девиантным поведением (сессия 1 – октябрь 2020 г.);
- вопрос проектирования будущего подростков, находящихся в ТЖС, в процессе воспитания пятнадцатилетнего мальчика-подростка с ОВЗ в опекунской семье (сессия 2 – февраль 2021 г.) и четырнадцатилетней девочки-подростка из многодетной семьи мигрантов из Таджикистана (сессия 3 – март 2021 г.);
- вопрос профилактики эмоционального выгорания педагога в работе с детьми с особенностями развития и социализации (сессия 4 – апрель 2021 г.).

Проанализировав ряд заявленных для обсуждения вопросов, можно констатировать, что суть запроса педагогов касалась обсуждения будущей стратегии педагогической поддержки в решении проблем детей в ТЖС.

Для нас было важно понять, насколько метод супервизии вызовет профессиональный интерес у педагогов и будет способен оказывать положительное влияние на их профессионально-личностное развитие, что позволит решать практические задачи сопровождения детей уязвимых категорий и профилактики эмоционального выгорания. Нас также интересовало то, насколько будет выражена потребность участников сессий в продолжении работы по обеспечению профессиональной поддержки педагогов путём применения метода супервизии.

С этой целью на старте исследования была проведена серия диагностических мероприятий:

- анкетирование, направленное на анализ проблем и затруднений, которые педагоги испытывают в процессе своей профессиональной деятельности;
- анкетирование, направленное на выявление знаний и технологий в сфере педагогической поддержки детей в ТЖС;
- диагностика эмоционального выгорания по методике Маслач¹. Диагностическую методику Маслач мы применили в русской версии Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой 2008 г. [3] с целью выявления основных черт синдрома эмоционального выгорания (эмоциональное истощение, депersonализация, редукция профессиональных достижений) у педагогов, работающих с детьми уязвимых категорий.

Диагностику по методике Маслач педагоги проходили в начале исследования (март 2020 г.) и после участия в супервизорских сессиях (апрель

¹ The Maslach Burnout Inventory Manual. Evaluating Stress: A Book of Resources. Lanham (MD): The Scarecrow Press, 1997. P. 191–218.

2021 г.). Это было необходимо для оценки влияния метода супервизии на изменения, происходящие с педагогами в условиях работы группы.

Для разработки структуры групповой педагогической супервизии был применён метод моделирования.

В результате анкетирования мы получили информацию о том, с какими детьми работали педагоги – участники исследования. Это подростки 11–15 лет, воспитывающиеся в малообеспеченных семьях. Некоторые из них были жертвами жестокого обращения к себе в семье и переживали опыт потери родителей. Каждый второй ребёнок имеет ограниченные возможности здоровья. Каждый четвёртый ребёнок воспитывается в опекунской семье из-за того, что отец / мать лишён (-ена) родительских прав или отбывает наказание за совершённые преступления.

По итогам проведённого анкетирования, все педагоги – участники исследования – выразили потребность в профессиональной поддержке в работе с особыми детьми. Наибольшие затруднения, по словам педагогов, у них возникают в процессе выстраивания доверительных отношений и бесконфликтной коммуникации с подростками (49,8% педагогов отметили это как самое большое профессиональное затруднение). Причиной такого явления, по мнению самих педагогов, являются факты острого эмоционального реагирования со стороны подростков в процессе общения с педагогами (более 50% ответов), агрессивных реакций (47,8%), отрицания общепринятых норм и правил поведения в обществе (39%), сквернословия, употребления ПАВ и др.

На начальном этапе исследования, кроме анкетирования, мы провели диагностику уровня эмоционального выгорания посредством русской версии методики Маслач (1986 г.), адаптированной Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой (2008 г.). Необходимость проведения данной диагностики заключалась в том, чтобы выявить эмоциональное состояние педагогов, работающих с детьми в ТЖС, и определить профессиональный настрой и отношение к педагогической деятельности испытуемых. Посредством данной методики была доказана целесообразность оказания профессиональной поддержки педагогам, работающим с детьми в ТЖС.

На этапе диагностического обследования состояния 56 педагогов, работающих с детьми в ТЖС, были получены следующие результаты (табл. 1), указывающие на накопившуюся усталость, эмоциональное истощение, снижение заинтересованности в достижении качественных результатов.

Таблица 1 / Table 1

Результаты диагностики по методике Маслач: старт исследования (март 2020 г.) / Results of Maslach method diagnostics: start of the study (March 2020)

Шкала	Диапазон	Min значение	Max значение	Среднее значение	Уровень
Эмоциональное истощение	35	9	37	24,5	Высокий уровень (18<)
Деперсонализация	17	6	23	10	Средний уровень (5–10)
Редукция личных достижений	18	10	28	19,1	Высокий уровень (0–22)

Полученные в процессе тестирования результаты соотносятся с представленными по итогам анкетирования честными ответами педагогов об ощущениях, испытываемых ими при работе с детьми уязвимых категорий. Среди примеров выделяются следующие высказывания: «В условиях массовой школы невозможно качественно и эффективно организовать работу с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Им нужны специально созданные условия»; «Тяжело работать, видишь, в каких условиях они живут, а помочь не можешь. Игра в одни ворота...»; «Родители не хотят менять своё отношение к своим увлечениям и привычкам. Дети повторяют судьбу родителей» и др.

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ СУПЕРВИЗОРСКИХ СЕССИЙ

Организация супервизорских сессий была направлена на удовлетворение профессиональной потребности педагогов в обсуждении и коррекции стратегии педагогической поддержки в решении проблем детей, а также на оказание психологической помощи в укреплении их личностных ресурсов в работе с особыми детьми.

Затруднения, которые испытывают педагоги, работающие с детьми в ТЖС, можно разделить на две группы: трудности, связанные с переживанием негативных эмоций, и трудности выбора педагогических решений в процессе оказания помощи детям. В их преодолении наиболее эффективной научной платформой, на наш взгляд, является модель клиент-центрированной терапии К. Роджерса. На основе этой модели процесс проведения супервизорских сессий организуется в атмосфере открытости, эмпатии, конгруэнтности, свободы и безопасности в выражении себя.

Методология клиент-центрированной терапии позволяет организовывать супервизорские сессии в условиях индивидуальной и групповой работы, включающей режим онлайн-взаимодействия. Отличительной особенностью данной методологии является опора на ресурсы личности, в том числе, в профессиональной деятельности. По мнению К. Роджерса, клиент сам для себя является экспертом, а специалисту нужно лишь создать условия для раскрытия его потенциала.

Для организации такой работы в условиях данной модели важно понимать, что супервизор интегрирует и исполняет сразу несколько ролей, из которых три представляются нам наиболее значимыми. Это *фасилитатор*, *наставник* и *консультант*. В фокусе внимания в роли «фасилитатор» находятся психологические аспекты поддержки педагога. Они проявляются в уважении и эмпатии супервизора, а также в побуждении участников сессии к активной позиции в обсуждении случая, представленного для анализа. Супервизор-фасилитатор устанавливает правила работы группы на принципах гуманистической психологии и обеспечивает процесс коммуникации в группе.

Роли «наставника» и «консультанта» тесно связаны между собой, поскольку ориентированы на решение профессиональных проблем педагогов. И супервизору важно понимать специфику каждой из них в процессе организации педагогических супервизорских сессий. Роль «наставника» концентрируется на компетентном анализе случая с позиции опыта практической деятельности в решении заявленной для сессии проблемы. Так, например, в случае решения проблемы выстраивания бесконфликтных отношений в диаде «педагог – ребёнок» (сессия 1) в фокусе внимания оказываются педагог, ребёнок и процесс их взаимодействия. Здесь супервизор в роли наставника, опираясь на свой профессиональный опыт и опыт участников группы, помогает педагогу понять причины проблемных отношений с ребёнком и ориентирует его на поиск путей их преодоления. Супервизор-наставник в условиях особых, поддерживающих, фасилитирующих взаимоотношений в ходе педагогической рефлексии активизирует процесс поиска путей решения профессиональных задач и стимулирует появление экспертной роли у обратившегося за помощью педагога, а также у всех участников группы.

Роль «консультант» включается на этапе разбора педагогических решений, предложенных в супервизорской группе, и ориентирована на обсуждение методических аспектов с детализацией нюансов, возможных в практике их применения. Задача супервизора в роли консультанта состоит в отборе эффективных сценариев решения конкретной проблемы. Так, в процессе разбора случаев по проблеме проектирования будущего подростков в ТЖС (сессии 2, 3) супервизор в роли консультанта помогает выстраивать варианты маршрутов педагогической поддержки подростков, воспитывающихся в опекунской семье (бабушка одна воспитывает с младенчества мальчика-под-

ростка с ОВЗ 15 лет) и в семье мигрантов (девочка-подросток 14 лет из Таджикистана, плохо говорящая по-русски), Эти маршруты позволят обеспечить им условия самореализации и придать ощущение востребованности.

Для педагогов важно, чтобы супервизор в процессе организации сессии интегрировал в себе данные позиции и так выстраивал консультирование, чтобы педагоги получали ответы на свои вопросы сквозь призму каждой из них: как с точки зрения практического опыта понимания ситуации (роль «наставник»), так и с точки зрения методики обеспечения педагогической поддержки в работе с детьми уязвимых категорий (роль «консультант»).

Пытаясь конкретизировать суть функциональных различий супервизора в каждой из представленных ролей, мы выходим на проблему специфики профессиональной педагогической, психологической и методической поддержки, оказываемой участникам супервизии в ходе её проведения. Здесь возникают перспективы изучения условий и процесса подготовки специалистов-супервизоров по работе с педагогами, в том числе, оказывающими поддержку детям в ТЖС. Этот вопрос заслуживает особого внимания и разработки в отдельном исследовательском проекте.

Для настоящего исследования важно охарактеризовать структуру групповой педагогической супервизорской сессии, включающую в себя семь основных этапов и подготовительную работу:

– До непосредственного проведения супервизорской сессии педагогу необходимо провести определённую *подготовительную работу*. Здесь происходит отбор случая (ситуации, проблемы), который педагог хотел бы обсудить с коллегами под руководством супервизора (эксперта). Такая работа требует от педагога самоанализа своей деятельности, включающего анализ собственных затруднений и причин невозможности их решения. Здесь важно, чтобы педагог смог оформить свой профессиональный запрос для работы в группе. Оформление такого запроса представляется группе заранее для ознакомления с ним посредством погружения в ситуацию, вызывающую у коллеги профессиональные затруднения. Как правило, педагоги оформляют такой запрос в описании педагогически сложного случая (ситуации) и ряда вопросов, возникающих в его решении. Реже запрос может быть оформлен как педагогическая гипотеза, которую педагог хотел бы обсудить в группе.

– Этап «*Настрой*» является первым основным этапом и предполагает формирование организационной готовности супервизорской группы. Он направлен на формирование атмосферы эмпатии, уважения и функциональной активности. Здесь происходит актуализация правил работы группы. На этом этапе предполагается, что участники группы имеют первичное представление о запросе.

– На этапе «*Представление случая*» педагог даёт характеристику педагогической ситуации, вызывающей профессиональные затруднения. Здесь может быть представлена информация о ребёнке и процессе работы с ним

по оказанию педагогической поддержки. Формируется запрос к супервизорской группе. Для всех участников на этом этапе важно не только услышать содержание запроса от супервизируемого, но и почувствовать его отношение к высказываемому, увидеть выражение его эмоций, телесные реакции. Всё это может указывать на глубину существующей проблемы.

– На этапе «Сбор дополнительной информации» участники супервизорской сессии задают уточняющие вопросы для прояснения ситуации и запроса. На этом этапе атмосфера активности и безопасности раскрывается в действии.

– Этап «Формирование круга гипотез» направлен на обмен предположениями о проблемах профессионального характера, вызванных представленным случаем. Здесь также могут возникать суждения и размышления о том, какие личностные особенности не позволяют педагогу успешно справиться с профессиональными задачами.

– Этап «Оказание поддержки» предполагает два варианта поддержки: эмоциональную и профессиональную. Участники сессии предлагают психологическую поддержку посредством эмоциональных высказываний поддерживающего характера в формате пожеланий, обратной связи по принципу зеркала (педагоги высказывают свои слова ободрения путём формирования ресурсных образов для супервизируемого), рекомендаций для поддержки эмоционального тонуса (часто эти рекомендации связаны с просмотром фильмов, прослушиванием музыки, выполнением физических упражнений). Методическую поддержку участники группы осуществляют путём предложения разных вариантов работы со случаем. Часто это описание приёмов работы из своей практики, иногда – рекомендации практик других коллег.

– На этапе «Резюмирование супервизора» происходит компетентное обобщение работы супервизорской группы. Здесь возможно использование аудио- и видеофиксации фрагментов сессии. Основная задача супервизора заключается в целостном представлении ресурсов, которые могут быть полезными в решении предложенного запроса, и ситуаций подобного характера, с которыми может столкнуться каждый участник группы. В процессе анализа всего комплекса ресурсов для педагогов становится особенно важно услышать, какие из предложенных ресурсов заложены в нём самом. Это вызывает особый интерес у всех участников, поскольку тем, кто обращается за помощью, как правило, непросто осознать свои возможности.

– Этап «Обратная связь от педагога», обратившегося за профессиональной поддержкой, предполагает свободные высказывания в адрес группы и супервизора (эксперта) о процессе и результатах работы сессии.

Как итог супервизорских сессий с педагогами можно также выделить этап некоторого *последействия*. Его трудно отнести к основным этапам, поскольку здесь можно говорить о некотором фоновом эффекте того мотивационно-эмоционального заряда, который все педагоги получают во время сессии. Реакция последействия может длиться по-разному, но всегда проявляется в

желании участников продолжить общение посредством обмена отдельными высказываниями или смысловыми образами (картинками), например, в группе мессенджера WhatsApp. Количество и содержательное наполнение таких всплесков свидетельствует о значимости состоявшегося события.

Работа с опытом обратившегося за помощью педагога составляет содержание деятельности участников групповых педагогических супервизий. Смысл такой работы состоит не только в восприятии и переживании сути проблемы, с которой столкнулся педагог, но и в герменевтическом раскрытии смыслов преодоления имеющихся затруднений. Степень полезности такой работы зависит от глубины проявления функциональной позиции всех участников группы в заинтересованности в решении профессиональных задач.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Супервизорские сессии создали условия для улучшения эмоционального настроения педагогов, для формирования у них уверенности в своих силах, стимулировали творческую активность в разработке вариантов решения сложных педагогических задач.

Это нашло отражение в результатах диагностического обследования по итогам проведённого исследования (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Результаты диагностики по методике Маслач: конец исследования (апрель 2021 г.) / Results of Maslach method diagnostics: end of the study (April 2021)

Шкала	Диапазон	Min значение	Max значение	Среднее значение	Уровень
Эмоциональное истощение	23	8	31	17,5	Средний уровень (8–17)
Деперсонализация	12	4	16	8	Средний уровень (5–10)
Редукция личных достижений	16	18	34	27,5	Средний уровень (23–30)

Проведённое исследование показало положительную динамику по всем шкалам. Наиболее выраженные значения можно наблюдать по шкале «эмоциональное истощение», где по полученным показателям наблюдаются сни-

жение эмоционального напряжения и рост позитивных настроений. Заметно снижение уровня редукции личных достижений. Рост показателей по данной шкале указывает на рост уверенности в своих силах и в способности эффективно решать профессиональные задачи.

Результаты сравнительного анализа полученных показателей представлены на рисунке 1. Они позволяют сделать вывод, что участие педагогов в супервизорских сессиях помогает скорректировать отдельные проявления синдрома эмоционального выгорания и формирует положительную динамику профессионального и личностного развития педагогов, работающих с детьми в ТЖС.

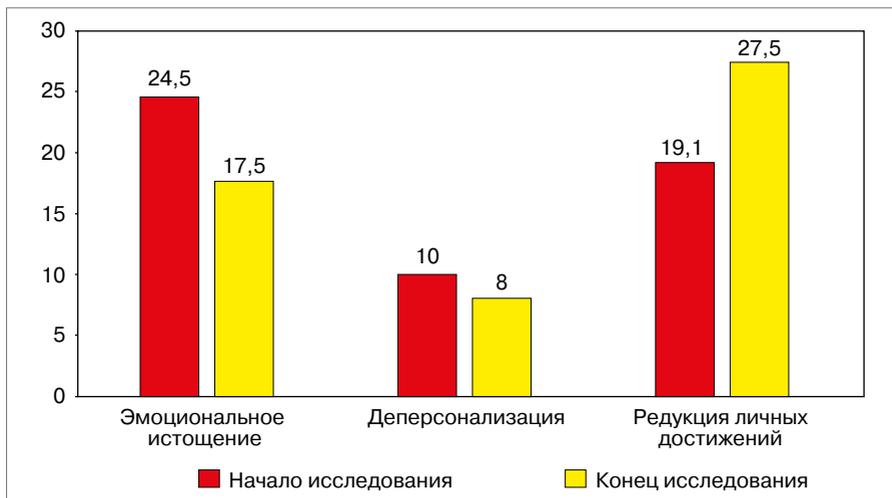

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты сравнительного анализа показателей по итогам диагностического обследования / The results of a comparative analysis of indicators based on the results of a diagnostic examination

Полученные в процессе диагностики положительные результаты подкрепляются свободными высказываниями педагогов о пользе проведённых сессий: «Большое спасибо за содержательные встречи! Мне есть над чем подумать... Я поняла, как нужно выстраивать процесс анализа возникающих проблемных ситуаций в работе с детьми. А также я теперь знаю, что не одинока в своих переживаниях... Становится легче» (Т. П., 47 лет, педагог дополнительного образования, г. Липецк); «Спасибо большое за разбор практических примеров... Анализируя опыт коллег, перенося его на свою работу, осознаёшь, что мы интуитивно ищем пути помощи наши детям и себе. Но теперь для меня открылась новая возможность для обсуждения сложных вопросов – это наши встречи в группе! Спасибо за поддержку! Ждём новых встреч!» (И. М., 50 лет, классный руководитель, г. Челябинск); «Проведённые

супервизии очень актуальны! Эксперт помог разобраться в проблемах и систематизировать подходы в работе с представленными случаями. Считаю, что в ходе работы группы формируются навыки анализа сложных ситуаций, происходит накопление опыта методической поддержки и проектирования условий преодоления профессиональных затруднений. Огромное спасибо коллегам, представившим опыт практической работы с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации» (А. А., 43 года, классный руководитель, г. Томск); «Попробовала на практике рекомендации эксперта и группы... Получается... Надеюсь, что встречи в группе не оборвутся... Чувствую потребность в обсуждении... Поняла, что встречи в группе – это новый способ повышать квалификацию» (Е. В., 40 лет, педагог-психолог, г. Воронеж); «Работая в группе, поняла, что есть силы справиться с самыми сложными ситуациями. Наши встречи дают надежду и уверенность в себе» (А. В., 46 лет, педагог дополнительного образования, Владимирская обл.).

Таким образом, нами установлено, что метод супервизии помогает создать среду профессиональной поддержки педагогов в решении наиболее сложных педагогических задач. Выбор методологии клиент-центрированной терапии Карла Роджерса и разработанная на её основе структура проведения педагогических супервизий содействовали укреплению профессиональной позиции педагогов и их личностных ресурсов. Значимыми факторами здесь стали проявление чувства эмпатии к педагогу со стороны супервизора и других участников сессий, создание атмосферы безопасности, мотивация всех участников супервизии к выражению искренности и активности в обсуждении педагогических ситуаций.

В процессе наблюдения за поведением педагогов в ходе исследования нами было отмечено, что у педагогов, принимающих участие в супервизорских сессиях, стали проявляться профессиональный оптимизм, мобильность в поиске решений сложных педагогических задач, мотивация в формировании жизненных планов и уверенность в том, что они всегда смогут получить поддержку со стороны супервизора и коллег, возникало желание установить устойчивые профессиональные связи с коллегами из других регионов. Педагоги, которые первоначально не вошли в группу участников супервизорских сессий и решали свои профессиональные затруднения в одиночку, были значительно менее оптимистичны в работе с детьми в ТЖС, чаще демонстрировали профессиональный пессимизм, раздражение и негативизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования установлено, что метод супервизии является необходимым условием при подготовке педагогов к осуществлению педагогической поддержки детей в ТЖС. Применение метода супервизии, основанного на методологии клиент-центрированной терапии

Карла Роджерса, способствует профилактике и коррекции эмоционального истощения, укреплению профессиональной позиции педагогов и их личностных ресурсов.

Разработанная и апробированная структура групповой педагогической супервизии обеспечивает развитие инновационных форматов практики группового консультирования педагогов по вопросам воспитания через экспертное сопровождение проектирования персональной траектории развития ребёнка с особенностями развития и социализации. Участие педагогов в супервизорских сессиях стимулирует рефлексивную активность в анализе собственной деятельности и опыта коллег. Это обеспечивает неформальный подход в процессе выработки и принятия педагогических решений с возможностью получения экспертного прогнозирования в достижении желаемых результатов.

В целом мы убедились, что создаваемая в рамках супервизорских сессий среда способствует укреплению личностных и профессиональных ресурсов педагогов, установлению профессиональных связей в кругу заинтересованного профессионального сообщества. Для того чтобы эффект применения метода супервизии был высоким и устойчивым, необходимо, чтобы супервизорские сессии для педагогов, работающих с детьми в ТЖС, проводились на постоянной основе и модель их проведения имела научное обоснование.

Полученные результаты подтверждают целесообразность применения метода супервизии в условиях дополнительного профессионального образования взрослых в системе постдипломного педагогического образования.

Среди перспективных направлений исследования следует выделить анализ специфики реализации принципа эмпатии в ходе групповых супервизорских сессий, изучение динамики активности участников супервизии и условий её стимулирования, особенностей подготовки супервизоров в сфере педагогической деятельности. Эти аспекты нуждаются в продолжении теоретического осмысления и расширении практики анализа формирующегося опыта. Такая работа позволит оформиться методологии супервизии в сфере педагогической деятельности как одному из значимых условий профессионального развития специалистов системы образования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Васильева В. С., Николаева И. И. Особенности социально-педагогической работы педагога-психолога с детьми группы риска // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12-6. С. 1023–1026.
- 2 Ваулина Т. А. Супервизия: опыт американской психологии // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 44–46.
- 3 Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 201 с.

- 4 Волобуева Т. Б. Супервизия в дополнительном педагогическом образовании: региональная модель // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 3. С. 21–28.
- 5 Воронина Л. В., Моисеева Л. В. Супервизия как ведущий метод научного менеджмента в подготовке аспирантов // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 36–40.
- 6 Гурьянова М. П., Дементьева Л. А. Комплексный анализ деятельности школьных социальных педагогов по профилактике агрессивных проявлений детей в образовательной среде // Социальная педагогика. 2020. № 2. С. 83–95.
- 7 Дегтерев В. А., Ларионова И. А. Супервизия как средство практической профессиональной подготовки специалистов социальной работы: зарубежный опыт // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2018. № 2. С. 5–9.
- 8 Залевский Г. В. Супервизия: основания классификации, концепции, модели. Сообщение 3 // Сибирский психологический журнал. 2000. № 13. С. 94–99.
- 9 Катрин Т. Ю. Супервизия как профилактика профессионального выгорания в практике работы психологов социальной сферы // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 2. С. 70–76.
- 10 Кулаков С. А. Супервизия в психотерапии: учебное пособие для супервизоров и психотерапевтов. СПб.: Мед. центр С. П. Семёнова “Вита”, 2004. 126 с.
- 11 Овсянникова Г. В. Социально-педагогические технологии работы социального педагога с детьми «группы риска» // Современная образовательная среда: теория и практика : материалы конференции, Чебоксары, 28 ноября 2018 г. Чебоксары: Центр научного сотрудничества “Интерактив плюс”, 2018. С. 113–117.
- 12 Пономаренко М. А. Педагогическое супервизорство: генезис понятия и сущность [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2012. № 8. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1839.htm> (дата обращения: 09.09.2017).
- 13 Ховкинс П., Шохет Р. Супервизия. Индивидуальный, групповой и организационный подходы. СПб.: Речь, 2002. 352 с.
- 14 Цинченко Г. М. Благополучие детей в контексте новых социальных исследований в западных странах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 76–88. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.6
- 15 Шукина Ю. В. Актуальные проблемы супервизорской практики // Научно-практические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи ИЭП МГППУ. М.: Экон-Информ, 2011. С. 178–202.
- 16 Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Супервизия как педагогический феномен // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 10. С. 9–13.

- 17 Bernard J. M., Goodyear R. K. *Fundamentals of clinical supervision*. Harlow: Pearson, 2014. 359 p.
- 18 Development, content, process and outcome of an online peer supervision group for counselor trainees / Christine J. Yeh, Tai Chang, Lillian Chiang, Christopher M. Drost, Dorota Spelliscy, Robert T. Carter, Yaowen Chang // *Computers in Human Behavior*. 2008. № 24. P. 2889–2903. DOI: 10.1016/j.chb.2008.04.010
- 19 Falender C. A., Shafranske E. P. *Clinical supervision: a competency based approach*. Washington: American Psychological Association, 2004. 336 p.
- 20 Gottschalk G. M. Soziale Pädagogik. Systematische Kategorien eines historischen Begriffs // Konrad F.-M. *Sozialpädagogik im Wandel. Historische Skizzen*. Münster: Waxmann Verlag GmbH, 2005. P. 35–54.
- 21 Hess K. D., Hess A. K., Hess T. H. *Psychotherapy Supervision: Theory, Research and Practice*. Hoboken: Wiley, 2008. 648 p.
- 22 O'Hare W., Mather M., Dupuis G. Analyzing State Differences in Child Well-Being // *Child Indicators Research*. 2013. № 6. P. 401–431. DOI: 10.1007/s12187-012-9173-3
- 23 Rogers C. *Client-centered therapy*. Boston: Houghton-Mifflin, 1951. 572 p.
- 24 Rogers C. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 2007. Vol. 44 (3). P. 240–248. DOI: 10.1037/0033-3204.44.3.240

REFERENCES

1. Vasil'eva V. S., Nikolaeva I. I. [Features of the social and pedagogical work of a teacher-psychologist with children at risk]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International journal of applied and fundamental research], 2016, no. 12-6, pp. 1023–1026.
2. Vaulina T. A. [Supervision: The Experience of American Psychology]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian journal of psychology], 2008, no. 30, pp. 44–46.
3. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 201 p.
4. Volobueva T. B. [Supervision in continuing education: a regional model]. In: *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific support of a system of advanced training], 2017, no. 3, pp. 21–28.
5. Voronina L. V., Moiseeva L. V. [Supervision as a leading method of scientific management in the preparation of graduate students]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2014, no. 12, pp. 36–40.
6. Gur'yanova M. P., Dement'eva L. A. [Comprehensive analysis of school social teachers activities to prevent aggressive manifestations of children in the educational environment]. In: *Sotsial'naya pedagogika* [Social pedagogy], 2020, no. 2, pp. 83–95.
7. Degterev V. A., Larionova I. A. [Supervision as a Means of Practical Professional Training of Social Work Specialists: Foreign Experience]. In: *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki* [Bulletin of social and humanitarian education and science], 2018, no. 2, pp. 5–9.

8. Zalevskii G. V. [Supervision: foundations of classification, concepts, models. Message 3]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian journal of psychology], 2000, no. 13, pp. 94–99.
9. Katrin T. Yu. [Supervision as prevention of professional burnout in the practice of social psychologists]. In: *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family psychology and psychotherapy], 2018, no. 2, pp. 70–76.
10. Kulakov S. A. *Superviziya v psikhoterapii: uchebnoe posobie dlya supervizorov i psikhoterapevtov* [Supervision in psychotherapy: a textbook for supervisors and psychotherapists]. St. Petersburg, S. P. Semyonov medical center "Vita" Publ., 2004. 126 p.
11. Ovsyannikova G. V. [Socio-pedagogical technologies for the work of a social teacher with children of the "risk group"]. In: *Sovremennaya obrazovatel'naya sreda: teoriya i praktika : materialy konferentsyi, Cheboksary, 28 noyabrya 2018 g.* [Modern educational environment: theory and practice: Proceedings of the conference, Cheboksary, 28 November, 2018]. Cheboksary, Scientific Cooperation Center "Interactive Plus" Publ., 2018, pp. 113–117.
12. Ponomarenko M. A. [Pedagogical supervision: the genesis of the concept and essence]. In: *Pis'ma v Emissiya.Offline* [Letters to Emission.Offline], 2012, no 8. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2012/1839.htm> (accessed: 09.09.2017).
13. Hawkins P., Shohet R. *Superviziya. Individual'nyi, gruppovoi i organizatsionnyi podkhody* [Supervision. Individual, group and organizational approach]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2002. 352 p.
14. Tsinchenko G. M. [The well-being of children in the context of the new social studies in Western countries]. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU sociology and economics bulletin], 2017, no. 1, pp. 76–88. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.6
15. Shchukina Yu. V. [Actual problems of supervisory practice]. In: *Nauchno-prakticheskie i prikladnye aspekty deyatel'nosti Tsentra ekstremnoi psikhologicheskoi pomoshchi IEP MGPPU* [Scientific, practical and applied aspects of the activities of the Center for Emergency Psychological Aid of the IEP MGPPU]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2011, pp. 178–202.
16. Yakovlev E. V., Yakovleva N. O. [Supervision as a pedagogical phenomenon]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk state pedagogical university], 2015, no. 10, pp. 9–13.
17. Bernard J. M., Goodyear R. K. *Fundamentals of clinical supervision*. Harlow, Pearson, 2014. 359 p.
18. Christine J. Yeh, Tai Chang, Lillian Chiang, Christopher M. Drost, Dorota Spelliscy, Robert T. Carter, Yaowen Chang. Development, content, process and outcome of an online peer supervision group for counselor trainees. In: *Computers in Human Behavior*, 2008, no. 24, pp. 2889–2903. DOI: 10.1016/j.chb.2008.04.010
19. Falender C. A., Shafranske E. P. *Clinical supervision: a competency based approach*. Washington, American Psychological Association, 2004. 336 p.

20. Gottschalk G. M. Soziale Pädagogik. Systematische Kategorien eines historischen Begriffs. In: Konrad F.-M. *Sozialpädagogik im Wandel. Historische Skizzen*. Münster, Waxmann Verlag GmbH, 2005, pp. 35–54.
21. Hess K. D., Hess A. K., Hess T. H. *Psychotherapy Supervision: Theory, Research and Practice*. Hoboken, Wiley, 2008. 648 p.
22. O'Hare W., Mather M., Dupuis G. Analyzing State Differences in Child Well-Being. In: *Child Indicators Research*, 2013, no. 6, pp. 401–431. DOI: 10.1007/s12187-012-9173-3
23. Rogers C. *Client-centered therapy*. Boston, Houghton-Mifflin, 1951. 572 p.
24. Rogers C. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change. In: *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 2007, vol. 44 (3), pp. 240–248. DOI: 10.1037/0033-3204.44.3.240

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Статья размещена на сайте: 12.09.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Попова Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального института развития образования РАНХиГС, почётный работник общего образования РФ; e-mail: popovain@yandex.ru

Irina N. Popova – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Leading Researcher, Federal Education Development Institute RANEPa, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation; e-mail: popovain@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Попова И. Н. Метод супервизии в работе с педагогами, оказывающими поддержку детям, находящимся в трудной жизненной ситуации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Popova I. N. Supervision method in working with teachers supporting children in hard life situation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072

Титова О. И.

Сибирский юридический институт МВД России
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20, Российская Федерация

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89, Российская Федерация

ВЗАИМОСВЯЗЬ АЛЬТРУИЗМА И ОТНОШЕНИЯ К МАТЕРИАЛЬНЫМ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫМ РЕСУРСАМ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ПАРТНЁРСТВЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучить отношение к материальным ресурсам и нематериальным ценностям во взаимосвязи с уровнем альтруизма.

Процедура и методы. Проведён опрос (N=299), применены методики измерения альтруистических установок (М. И. Ясин), диагностики намерений и ожиданий в ситуации предполагаемого обмена (С. Е. Поддубный); выполнен сравнительный и дискриминантный анализ (SPSS 27.0).

Результаты. Обнаружено, что при высоком уровне альтруизма более выражены ожидания получить материальные ресурсы от партнёра в ситуации социального обмена. При низком уровне альтруизма более выражена готовность делиться материальными ресурсами, чем ожидание их получения от партнёра по взаимодействию. На основе оценок готовности делиться нематериальными и материальными ценностями, ожидания получить нематериальные и материальные ценности составлена «формула альтруизма».

Теоретическая значимость. Результаты углубляют представления о взаимосвязи альтруизма и отношения к материальным и нематериальным ресурсам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

альтруизм, альтруистические установки, социальный обмен, партнёрство, межличностное партнёрство, материальные ресурсы, нематериальные ценности

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00735.

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Методика и выборка исследования](#)

[Результаты и их обсуждение](#)

[Заключение](#)

Titova O.

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
89 Ady Lebedevoi ul., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation*

*Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
20 Rokossovskogo ul., Krasnoyarsk 660131, Russian Federation*

THE RELATIONSHIP BETWEEN ALTRUISM AND ATTITUDES TOWARDS MATERIAL AND NON-MATERIAL RESOURCES IN INTERPERSONAL PARTNERSHIP

ABSTRACT

Aim. To study the attitude to material resources and intangible values in relation to the level of altruism.

Methodology. A survey was carried out (N = 299), methods of measuring altruistic attitudes (M. Yasin), diagnostics of intentions and expectations in a situation of intended exchange (S. Poddubny) were applied; comparative and discriminant analysis (SPSS 27.0) was performed.

Results. It was found that with a high level of altruism, expectations to receive material resources from a partner in a situation of social exchange are more pronounced. With a low level of altruism, willingness to share material resources is more pronounced than expectation them to get them from an interaction partner. A "formula of altruism" was drawn up based on assessments of the readiness to share intangible and material values, expectations to receive intangible and material values.

Research implications. The results deepen the understanding of the relationship between altruism and attitudes towards material and non-material resources.

KEYWORDS

altruism, altruistic attitudes, social exchange, partnership, interpersonal partnership, material resources, intangible values

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00735.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях жизни современного общества роль альтруизма и альтруистического поведения личности трудно переоценить. Если в предыдущие десятилетия значимость альтруизма и просоциального поведения носила зачастую ценностный и тем самым декларативный характер, то события последнего года посредством ограничений, связанных с пандемией в стране и в мире, позволили наглядно увидеть необходимость такого просоциального поведения для помощи другим в преодолении возникших трудностей жизнеобеспечения и профессиональной деятельности, для выживания общества перед лицом угрозы здоровью отдельной личности и социально-экономическому благополучию общества в целом.

Предметом исследования выступают особенности отношения к материальным ресурсам и нематериальным ценностям у людей с разным уровнем альтруизма.

Цель исследования: выявить отличительные характеристики психологического отношения к материальным ресурсам и нематериальным ценностям в их взаимосвязи с уровнем альтруизма.

На первом этапе проведён сравнительный анализ характеристик психологического отношения к материальным ресурсам и нематериальным ценностям в группе респондентов с высоким и низким уровнями альтруизма; на втором этапе с помощью процедуры дискриминантного анализа определены ключевые параметры отношения к материальным ресурсам и нематериальным ценностям, на основе которых можно предсказывать уровень альтруизма личности, на этой основе сконструирована «формула альтруизма».

Внимание феномену альтруизма уделяется учёными достаточно регулярно, имеются работы, в которых это явление анализируется с исторической [9], лингвистической [6], социологической [2; 4; 19], философской [11; 18] и, конечно же, психологической точек зрения [1; 7; 23].

Существует множество различных подходов к определению альтруизма, и различия между ними будут весьма существенны – начиная с идей жертвенности и противопоставления эгоизму и заканчивая толкованием альтруизма как качества, возникающего в ходе эволюции и позволяющего выжить виду или распространить собственные гены. Альтруизм по О. Конту – это отражение принципов жизни, противоположных эгоистическим. В таком виде он и вошёл в психологию. Однако дальнейшие исследования выявили, что эгоизм и альтруизм имеют много общего, и их прямое противопоставление неверно, в том числе авторы склоняются к мнению, что альтруизм может иметь эгоистичную мотивацию [2; 5; 6; 9; 10]. В целом альтруизм можно описать как готовность действовать во благо других.

По-разному понимается вопрос о вознаграждении за альтруистические поступки, в том числе вознаграждением за альтруизм могут являться повышение репутации, чувство удовлетворения от помощи другим и т. д. В работе Ч. Д. Бэтсона (C. D. Batson) и Н. Ахмад (N. Ahmad) альтруизмом называется «вид мотивационного состояния, конечной целью которого является улучшение состояния другого» [24]. В обзорной статье С. Фейгин, Дж. Оуэнса и Ф. Гудьер-Смита (S. Feigin, J. Owens, F. Goodyear-Smith) альтруизм определяется как «добровольное действие, совершаемое в интересах другого лица в качестве главной мотивации, без сознательного ожидания вознаграждения или с осознанным или неосознанным ожиданием вознаграждения» [25].

Толкование, данное в словарях и энциклопедиях, создаёт другую картину. Анализ альтруизма, приведённый в статье Т. А. Здриковской и Н. В. Орловой, обнаруживает следующие подходы к его пониманию. В «Большой Советской энциклопедии» альтруизм трактуется как «нравственный принцип поведения,

означающий способность бескорыстно жертвовать собственными интересами в пользу интересов другого человека». На англоязычном ресурсе «Encyclopedia.com» альтруизм описывают как «противоречивую концепцию, которая включает философские, религиозные и этические вопросы». Во франкоязычной «Encyclopédie universalis» его рассматривают как «моральное отношение, которое вопреки всем страхам и всем нормам на первое место ставит интересы других», «естественную склонность пожертвовать собой в интересах других, предпочтению их интересов своим собственным, любовь к другим людям» [6, с. 56].

Альтруизм также часто связывают с эмпатией и взаимопомощью [1; 19], а эмпатию принято считать свойством, присущим в большей степени женщинам, чем мужчинам, что, в свою очередь, приводит к мнению, что альтруизм более характерен для женщин, чем для мужчин [8; 10; 22]. В том числе существующая теория о «донорах» гласит, что общество ожидает от «доноров» добровольной отдачи времени, внимания и тел ради поддержания жизнедеятельности других людей, реализации их человеческого начала. Роль «доноров» трактуется как преимущественно женская, поскольку именно на плечи женщин ложится репродуктивный и домашний труд, так называемая «вторая смена».

В отличие от альтруизма, психологическое отношение личности к материальным / нематериальным ресурсам и ценностям являет собой менее изученное явление, внимание к которому, тем не менее, в последние годы заметно возросло – обновился методический инструментарий [12], авторским коллективом под руководством С. Е. Поддубного и В. П. Познякова проведена серия исследований, посвящённых изучению этого вида отношений в контексте социального обмена с партнёром по взаимодействию [13–15]. В более ранних исследованиях Т. С. Вавакиной и В. П. Познякова были описаны разные виды ориентаций в партнёрском взаимодействии, среди них наиболее близкая к предмету нашего исследования – ресурсно-ценностная ориентация [3; 16]. В ходе изучения предпринимательской деятельности ранее нами были выделены виды социального взаимодействия, в определении которых одним из критериев стала ориентация на ресурсы / ориентация на отношения. Это позволило выделить и описать: технико-экономическое партнёрство и конкуренцию за ресурсы (в основе – ориентация на ресурсы); конкуренцию-соревнование за личные достижения и личностноориентированное партнёрство (в основе – ориентация на отношения) [21]. Изучая отношения партнёров в незарегистрированном браке, В. П. Позняков и Ю. М. Панфилова описали разные типы направленности личности в партнёрском взаимодействии такого рода, обусловленные влиянием личностных факторов [17]. В контексте исследования социального капитала рассматривалась роль отношения к деньгам и, соответственно, к материальным ресурсам формирования этого социального капитала в работах А. Н. Татарко [20].

Таким образом, учитывая многообразие проявлений альтруизма, описываемое в работах разных авторов, мы допускаем, что стереотипное вос-

приятие альтруизма как «бессребреничества», отсутствия меркантильности и монетарных установок является не единственным вариантом существования этого феномена.

В основу нашего исследования положено понимание альтруизма как отказа в пользу блага других, в пользу обмена нематериальными ценностями в отношениях людей, а соответственно, низкий уровень альтруизма или его отсутствие, наоборот, представляется как отказ в пользу обмена материальными ресурсами между партнёрами в межличностном взаимодействии.

МЕТОДИКА И ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 299 респондентов, из них: 31,8% мужчин и 68,2% женщин; 77% респондентов в возрасте от 21 года до 40 лет. С точки зрения сферы деятельности в выборке преобладали представители профессий типа «человек – человек», их доля составила примерно 2/3 респондентов.

В эмпирическом исследовании использовалась методика измерения альтруистических установок М. И. Ясина [23]; для диагностики намерений и ожиданий в ситуации предполагаемого обмена материальными ресурсами и нематериальными ценностями (психологическими отношениями) использовалась методика С. Е. Поддубного [12].

Математико-статистическая обработка данных включала дискриминантный анализ, проведённый с использованием пакета программ IBM SPSS Statistics 27.0.

Гипотеза: люди с более высоким уровнем альтруизма будут больше отдавать, больше обращать внимание на нематериальные ценности и, соответственно, меньше на материальные ресурсы. Соответствует ли это действительности?

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе анализа показателей выраженности альтруистических установок выявлено, что низкий уровень наблюдается у 31,4% участников исследования, средний уровень – у 43,5% респондентов, а высокий уровень – у 25,1% респондентов. Данное распределение уровней сформированности альтруистических установок было получено нами после исключения из анализа данных респондентов, чьи показатели по шкале лжи превышали допустимый порог. Таким образом, среди участников исследования низкий уровень альтруистических установок наблюдается чуть менее чем у трети респондентов, а высокий – у четверти участников исследования.

Далее мы будем обращаться к результатам анализа только этих двух групп респондентов – с низким уровнем (94 чел.) и с высоким уровнем выраженности альтруистических установок (75 чел.).

Отношение к материальным и нематериальным ресурсам в условиях предполагаемого социального обмена

С помощью данных описательной статистики охарактеризуем отношение участников с низким и высоким уровнями альтруизма к материальным и нематериальным ресурсам в условиях предполагаемого социального обмена (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика параметров отношения к материальным и нематериальным ресурсам респондентов с высоким и низким уровнями выраженности альтруистических установок / Descriptive statistics of the parameters of attitudes towards material and non-material resources in respondents with high and low levels of altruistic attitudes

	Низкий уровень альтруистических установок		Высокий уровень альтруистических установок	
	Среднее	Станд. отклонение	Среднее	Станд. отклонение
Готовность делиться нематериальными ценностями	8,24	2,19	8,36	2,12
Готовность поделить материальными ценностями	7,23	2,39	7,4	2,29
Ожидание получить нематериальные ценности	7,89	2,39	8,04	2,24
Ожидание получить материальные ценности	5,99	2,83	6,68	2,82
Интенсивность намерений поделиться	15,48	4,12	15,76	3,83
Интенсивность ожиданий получать	13,88	4,39	14,72	4,37
Доминирующая направленность намерений	1,01	2,02	0,96	2,19
Доминирующая направленность ожиданий	1,9	2,86	1,36	2,61
Ролевая позиция в отношении нематериальных ценностей	0,35	1,91	0,32	1,74
Ролевая позиция в отношении материальных ценностей	1,24	2,96	0,72	2,53

По отдельным компонентам отношение к ресурсам в условиях предполагаемого социального обмена у респондентов с низким и высоким уровнями альтруизма характеризуется следующим:

1) Респонденты с высоким уровнем альтруизма отличаются большей *готовностью делиться* как нематериальными ценностями (ср. знач. 8,36; ст. откл. 2,12), так и материальными ресурсами (ср. знач. 7,4; ст. откл. 2,29) по сравнению с респондентами с низким уровнем альтруизма, готовность которых несколько ниже как в отношении нематериальных ценностей (ср. знач. 8,24; ст. откл. 2,19), так и в отношении материальных (ср. знач. 7,23; ст. откл. 2,39).

2) Вместе с тем уровень *ожиданий получить* нематериальные ценности и материальные ресурсы от партнёра по межличностным отношениям у респондентов с высоким уровнем альтруизма тоже выше по сравнению с ожиданиями респондентов с низким уровнем альтруизма. У респондентов с высоким альтруизмом оценки ожиданий получить нематериальные ценности выше (ср. знач. 8,04; ст. откл. 2,24) как по сравнению с оценками респондентов с низким альтруизмом (ср. знач. 7,89; ст. откл. 2,39), так и по сравнению со своими же ожиданиями в отношении получения от партнёра материальных ресурсов (ср. знач. 6,68; ст. откл. 2,82). Отметим, что если более высокий уровень ожиданий получать от партнёра нематериальные ценности у респондентов с альтруистичными установками более-менее объясним хотя бы гипотетически, например, приоритетом нематериальных ценностей над материальными, то преобладание у них ожиданий получать материальные ценности над такими же ожиданиями у респондентов с низкими альтруистическими установками выглядит весьма неожиданно.

3) Интенсивность намерений *поделиться* и ожиданий *получать* представлена в обеих выборках примерно подобным образом, с некоторым перевесом у респондентов с высоким альтруизмом намерений поделиться с партнёром ценностями и ресурсами. Можно увидеть одновременно более выраженные ожидания получать от партнёра ценности и ресурсы (см. табл. 1).

4) Более выраженные различия наблюдаются между респондентами с разными уровнями альтруизма по доминирующей направленности ожиданий. В обеих группах ожидания доминируют в пользу нематериальных ценностей, но респонденты с низким альтруизмом более ожидают от своего партнёра получения нематериальных ценностей (ср. знач. 1,9; ст. откл. 2,86) по сравнению с респондентами с высоким альтруизмом (ср. знач. 1,36; ст. откл. 2,61), у которых ожидания нематериальных ценностей также преобладают над ожиданиями по поводу материальных ресурсов, но они менее выражены.

5) Ещё одна особенность психологических отношений респондентов отмечена нами в связи с ролевой позицией в ситуации обмена материальными ценностями. В обеих группах респондентов она характеризуется преобладанием ролевой позиции донора, т. е. отдачей материальных ценностей, но у респондентов с низким уровнем альтруизма выраженность этой ролевой позиции более чем в 1,5 раза выше, чем у респондентов с высоким уровнем

нем альтруизма. И это тоже неожиданный результат, учитывая общие представления о сути альтруизма и его связи с материальными благами.

На рисунке 1 представлена сравнительная картина среднегрупповых значений по всем параметрам отношения к материальным и нематериальным ресурсам у респондентов с низким и высоким уровнями выраженности альтруистических установок.

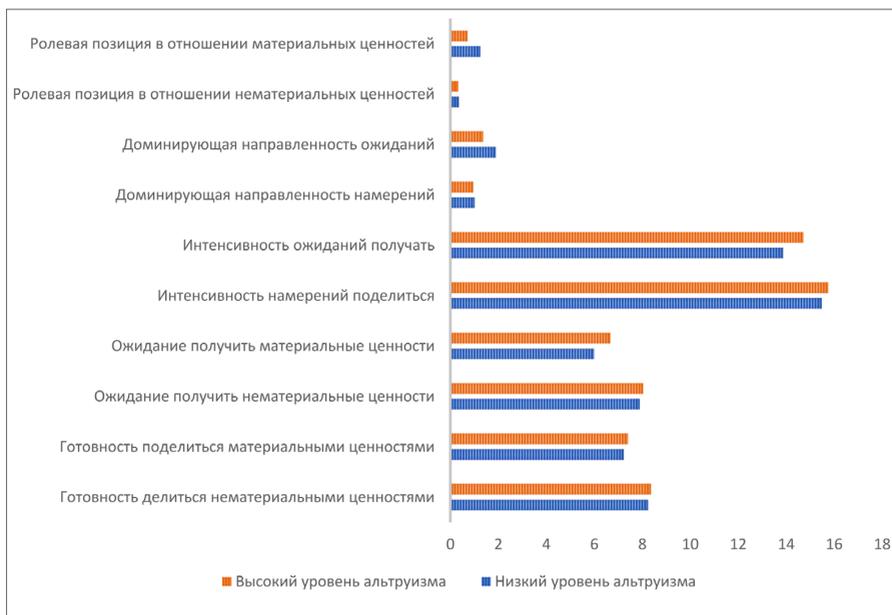

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнительная характеристика отношения к материальным и нематериальным ресурсам у респондентов с разными уровнями альтруизма / Comparative characteristics of the attitude towards material and non-material resources among respondents with different levels of altruism

«Формула альтруизма», или возможности прогноза альтруистических установок личности

Анализируя характер взаимосвязей степени развитости у личности альтруистических установок и параметров её психологического отношения к материальным ресурсам и нематериальным ценностям, мы провели дискриминантный анализ данных. С помощью дискриминантного анализа изучалось, имеются ли среди параметров отношения к материальным и нематериальным ценностям такие, по которым люди с высокой и низкой альтруистичностью существенно отличаются друг от друга, и в какой мере отношение личности к нематериальным ценностям и материальным ресурсам может выступать критерием для прогноза наличия у неё альтруистических уста-

новок. Для ответа на этот вопрос на основе результатов дискриминантного анализа была составлена формула альтруизма, использование которой позволяет определить принадлежность личности к людям с высоким или низким уровнем развития альтруистических установок, опираясь на комплекс показателей её отношения к материальным и нематериальным ресурсам.

Представим выборочно результаты дискриминантного анализа.

В ходе процедуры математико-статистической обработки часть параметров, характеризующих психологическое отношение личности к материальным и нематериальным ценностям, не была включена в число переменных для построения модели принадлежности к группе респондентов с высоким или низким уровнем выраженности альтруистических установок. Среди них оказались все вторичные шкалы: «интенсивность намерений поделиться», «интенсивность ожиданий получить», «доминирующая направленность намерений», «доминирующая направленность ожиданий», «ролевая позиция в отношении нематериальных ценностей», «ролевая позиция в отношении материальных ценностей».

Для прогноза принадлежности респондентов к группе с высоким или низким уровнем альтруистических установок в модель были включены переменные «готовность делиться нематериальными ценностями», «готовность поделиться материальными ценностями», «ожидание получить нематериальные ценности», «ожидание получить материальные ценности». В таблице 2 представлены коэффициенты вклада этих переменных в прогноз уровня альтруизма.

Таблица 2 / Table 2

Параметры психологического отношения к материальным и нематериальным ценностям, включённые в модель прогноза альтруизма
/ Parameters of the psychological attitude to material and intangible values included in the altruism prediction model

	Коэффициенты дискриминантной функции
Готовность делиться нематериальными ценностями	-0,009
Готовность поделиться материальными ценностями	-0,044
Ожидание получить нематериальные ценности	-0,075
Ожидание получить материальные ценности	0,390
Константа	-1,473

Используя коэффициенты дискриминантной функции, мы построили математическое выражение, которое условно назвали «формула альтруизма», поскольку с его помощью на основе оценок готовности и ожиданий респондента в отношении материальных и нематериальных ценностей можно

делать прогноз о высоком или низком уровне развития альтруистических установок личности.

Сконструированная нами формула для прогноза развитости альтруистических установок на основе показателей психологического отношения к материальным ресурсам и нематериальным ценностям, полученных с помощью методики С. Е. Поддубного [12], имеет следующий вид:

$$\text{Уровень альтруизма} = 0,39 d - 0,009 a - 0,044 b - 0,075 c - 1,473,$$

где: d – показатель ожиданий личности получать от партнёра материальные ценности;

a – показатель готовности личности поделиться с партнёром нематериальными ценностями;

b – показатель готовности личности поделиться с партнёром материальными ценностями;

c – показатель ожиданий личности получать от партнёра нематериальные ценности.

Точность предсказания с помощью данной формулы уровня сформированности альтруистических установок составляет 55,6%, что не слишком велико в абсолютных своих значениях, но вполне позволяет использовать эти 4 оценки готовности и ожиданий в отношении обмена с партнёром материальными и нематериальными ценностями для экспресс-диагностики, в том числе и в консультативных целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итоги исследования и оценим полученные результаты с точки зрения выдвинутой гипотезы.

Респонденты с высоким уровнем альтруистических установок готовы больше делиться нематериальными и материальными ресурсами, имеют более высокие ожидания получать от партнёра нематериальные ценности, и они же имеют более высокие ожидания получать от партнёра и материальные ресурсы тоже, чем респонденты с низким уровнем альтруистических установок.

В обеих группах доминирующая направленность ожиданий связана с нематериальными ценностями, но респонденты с низким уровнем альтруистических установок в большей мере ожидают от партнёра по взаимодействию получения нематериальных ценностей, чем респонденты с высоким уровнем альтруистических установок.

В обеих группах респондентов преобладает ролевая позиция донора, т. е. нужда отдавать, делиться материальными ценностями, но у респондентов с низким уровнем альтруистических установок выраженность этой роле-

вой позиции более чем в 1,5 раза выше, чем у респондентов с высоким уровнем альтруистических установок, что неожиданно, учитывая стереотипные представления о сути альтруизма и его связи с материальными благами.

По результатам дискриминантного анализа сконструирована модель прогноза принадлежности респондентов к группе с высоким или низким уровнем альтруистических установок на основе оценок готовности делиться нематериальными ценностями, делиться материальными ценностями, ожидания получить нематериальные ценности, ожидания получить материальные ценности в партнёрском взаимодействии. Она обозначена нами как «формула альтруизма».

Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично. При высоких альтруистических установках действительно наблюдается более высокая готовность делиться ресурсами как материальными, так и нематериальными, но при этом и более выражены ожидания получать материальные ресурсы от партнёра в ситуации социального обмена. При низких альтруистических установках наблюдается более выраженная готовность делиться материальными ресурсами, чем ожидание их получения от партнёра по взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев П. В. Развитие представлений об альтруизме и взаимопомощи в зарубежной и отечественной психологии // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 3. № 3. С. 9–12.
2. Болотникова Е. Н. Забота о себе: между эгоизмом и альтруизмом // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. 2015. Т. 3. № 6. С. 15–19.
3. Вавакина Т. С., Позняков В. П. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 320 с.
4. Григорьев А. С. Альтруизм // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции «Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники». Магнитогорск, 18 января 2019 г. Уфа: Агентство международных исследований, 2019. С. 102–104.
5. Деткина А. Ю. Эгоистичность и альтруистичность: влияние гендера // Сборник трудов конференции «World science: problems and innovations». Пенза, 30 августа 2018 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 302–304.
6. Здриковская Т. А., Орлова Н. В. Научное понятие и культурный контекст (на материале статей «эгоизм» и «альтруизм» в энциклопедиях на разных языках) // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики». Краснодар, 23–24 мая 2019 г. Краснодар: Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова Министерства обороны Российской Федерации, 2019. С. 56–65.

7. Казанцева Т. В. Альтруизм: феномен и операционализация // Петербургский психологический журнал. 2016. № 14. С. 1–20.
8. Колодина А. Ю. Предрасположенность к альтруизму по гендерному типу и зависимость от набора генетических вариантов // Гаудеамус. 2020. Т. 19. № 1. С. 66–79. DOI: 10.20310/1810-231X-2020-19-1(43)-69-77
9. Лаверычева И. Г. Основные подходы к пониманию сущности эгоизма и альтруизма (исторический аспект) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 2. № 4-1. С. 198–207.
10. Лазуто К. О., Махин С. А. Половозрастные особенности взаимосвязи между личностной эмпатией, альтруизмом и эгоизмом // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2016. Т. 2. № 4. С. 105–113.
11. Ларина К. А. Альтруизм как социально-биологический феномен // Сборник научных трудов V студенческой научно-практической конференции по гуманитарным дисциплинам «Актуальные исследования в сфере гуманитарного знания». Самара, 20–21 декабря 2018 г. Кинель: Самарский государственный аграрный университет. 2019. С. 16–18.
12. Поддубный С. Е., Позняков В. П. Методика диагностики намерений и ожиданий в ситуации социального обмена с партнёром по близким эмоциональным отношениям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4. С. 178–202.
13. Поддубный С. Е., Позняков В. П. Намерения и ожидания мужчин и женщин, партнёров по близким эмоциональным отношениям // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 248–256.
14. Поддубный С. Е., Позняков В. П. Социально-психологические свойства личности и её намерения и ожидания в ситуации предлагаемого обмена с партнёром по близким эмоциональным отношениям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1. С. 61–93.
15. Поддубный С. Е., Позняков В. П. Опыт разработки и апробации методики диагностики намерений и ожиданий партнёров по близким эмоциональным отношениям // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. № 1. С. 359–369.
16. Позняков В. П., Вавакина Т. С. Социальный обмен и базовые принципы делового партнёрства: ресурсно-ценностный подход // Психолого-экономические исследования. 2016. Т. 3. № 4. С. 30–43.
17. Позняков В. П., Панфилова Ю. М. Личностные факторы ориентации во взаимодействии с партнёром и перспективности отношений в незарегистрированном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 73–86. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-73-86
18. Сиверина Е. В. Альтруизм // Сборник трудов конференции «Контекст и рефлексия». Москва, 19 марта 2018 г. Черкизово: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2018. С. 160–164.

19. Слободяник М. И., Морозов В. В. Альтруизм как социологический феномен современности // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы региональной социологии». Курск, 30 апреля 2019 г. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 111–115.
20. Татарко А. Н. Социальный капитал как фактор отношения к деньгам // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 88–97.
21. Титова О. И. Социально-психологический анализ делового взаимодействия в предпринимательской деятельности // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 4. С. 152–157.
22. Шмелева Е. А., Кисляков П. А. Гендерные аспекты просоциального поведения // Сборник трудов конференции «Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика». Москва-Иваново-Плес, 16–18 мая 2019 г. Иваново: Ивановский государственный университет. 2019. С. 257–263.
23. Ясин М. И. Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 77–85. DOI: 10.31857/S020595920007898-3
24. Batson C D., Ahmad N. Empathy-induced altruism in a Prisoner's Dilemma II: What if the target of empathy has defected? // European Journal of Social Psychology. 2001. V. 31. P. 25–36. DOI:10.1002/ejsp.26
25. Feigin S., Owens G., Goodyear-Smith F. Theories of human altruism: a systematic review // Journal of Psychiatry and Brain Functions. 2014. V. 1. P. 1–10. DOI:10.7243/2055-3447-1-5

REFERENCES

1. Andreev P. V. [Development of ideas about altruism and mutual assistance in foreign and domestic psychology]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2007, vol. 3, no. 3, pp. 9–12.
2. Bolotnikova E. N. [Taking care of yourself: between egoism and altruism]. In: *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus* [XXI century: the resumes of the past and the challenges of the present plus], 2015, vol. 3, no. 6 (28), pp. 15–19.
3. Vavakina T. S., Poznyakov V. P. *Psikhologiya delovogo partnerstva: teoriya i empiricheskie issledovaniya* [The Psychology of Business Partnership: Theory and Empirical Research]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2016. 320 p.
4. Grigor'ev A. S. [Altruism] In: *Sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnye revolyutsii: sushchnost' i rol' v razvitiy nauki i tekhniki»*. Magnitogorsk, 18 yanvarya 2019 g. [Collection of articles following the results of the International Scientific and Practical Conference "Scientific revolutions: the essence and role in the development of science and technology". Magnitogorsk, 18 January, 2019]. Ufa, International Research Agency Publ., 2019. pp. 102–104.

5. Detkina A. Yu. [Selfishness and Altruism: The Influence of Gender]. In: *Sbornik trudov konferentsii "World science: problems and innovations". Penza, 30 avgusta 2018 g.* [Proceedings of the conference "World science: problems and innovations". Penza, 30 August, 2018]. Penza, Nauka I prosvescheniye Publ., 2018, pp. 302–304.
6. Zdrikovskaya T. A., Orlova N. V. [Scientific concept and cultural context (based on the entries "egoism" and "altruism" in encyclopedias in different languages)]. In: *Sbornik trudov konferentsii "Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki". Krasnodar, 23–24 maya 2019 g.* [Proceedings of the conference "Topical problems of theoretical and applied linguistics". Krasnodar, 23–24 May, 2019]. Krasnodar air force institute for pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov, Ministry of Defense of the Russian Federation Publ., 2019, pp. 56–65.
7. Kazantseva T. V. [Altruism: Phenomenon and Operationalization]. In: *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal* [Petersburg psychological journal]. 2016, no. 14, pp. 1–20.
8. Kolodina A. Yu. [Predisposition to altruism by gender and dependence on a set of genetic variants]. In: *Gaudeamus* [Gaudeamus], 2020, vol. 19, no. 1 (43), pp. 66–79. DOI 10.20310/1810-231X-2020-19-1(43)-69-77.
9. Laverycheva I. G. [The main approaches to understanding the essence of egoism and altruism (historical aspect)]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2009, vol. 2, no. 4-1, pp. 198–207.
10. Lazuto K. O., Makhin S. A. [Age and sex characteristics of the relationship between personal empathy, altruism and egoism]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2016, vol. 2 (68), no. 4, pp. 105–113.
11. Larina K. A. [Altruism as a socio-biological phenomenon]. In: *Sbornik nauchnykh trudov V studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po gumanitarnym distsiplinam "Aktual'nye issledovaniya v sfere gumanitarnogo znaniya". Samara, 20–21 dekabrya 2018 g.* [Collection of scientific papers of the V student scientific-practical conference on humanitarian disciplines "Topical research in the field of humanitarian knowledge". Samara, December 20–21, 2018]. Kinel, Samara State Agrarian University Publ., 2019, pp. 16–18.
12. Poddubnyi S. E., Poznyakov V. P. [A technique for diagnosing intentions and expectations in a situation of social exchange with a partner in close emotional relationships]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2018, vol. 3, no. 4, pp. 178–202.
13. Poddubnyi S. E., Poznyakov V. P. [Intentions and expectations of men and women, partners in close emotional relationships]. In: *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog* [Human Factor: Social Psychologist], 2020, no. 2 (40), pp. 248–256.

14. Poddubnyi S. E., Poznyakov V. P. [Socio-psychological personal characteristics and intentions and expectations in a situation of intended exchange with a partner in close emotional relationships]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2019, vol. 4, no. 1 (13), pp. 61–93.
15. Poddubnyi S. E., Poznyakov P. V. [Development and testing of methodology for diagnosing the intentions and expectations of partners in close emotional relationships]. In: *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog* [Human Factor: Social Psychologist], 2019, no. 1 (37), pp. 359–369.
16. Poznyakov V. P., Vavakina T. S. [Social exchange and basic principles of business partnership: a resource-value approach]. In: *Psikhologo-ekonomicheskie issledovaniya* [Psychological and economic research], 2016, vol. 3 (9), no. 4, pp. 30–43.
17. Poznyakov V. P., Panfilova Yu. M. [Personal orientation factors in interaction with a partner and the prospects of relationships in an unregistered marriage]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 3, pp. 73–86. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-73-86.
18. Siverina E. V. [Altruism]. In: *Sbornik trudov konferentsii "Kontekst i refleksiya" Moskva, 19 marta 2018 g.* [Proceedings of the conference "Context and Reflection". Moscow, March 19, 2018]. Cherkizovo, Russian State University of Tourism and Service Publ., 2018, pp. 160–164.
19. Slobodyanik M. I., Morozov V. V. [Altruism as a sociological phenomenon of our time]. In: *Sbornik trudov konferentsii "Aktual'nye problemy regional'noi sotsiologii". Kursk, 30 aprelya 2019 g* [Proceedings of the conference "Topical problems of regional sociology". Kursk, 30 April, 2019]. Kursk, The South-west State University Publ., 2019, pp. 111–115.
20. Tatarko A. N. [Social capital as a factor in attitudes towards money]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2012, vol. 33, no. 3, pp. 88–97.
21. Titova O. I. [Socio-psychological analysis of business interaction in entrepreneurial activity]. In: *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva* [Vestnik SibGAU], 2006, no. 4 (11), pp. 152–157.
22. Shmeleva E. A., Kislyakov P. A. [Gender Aspects of Prosocial Behavior]. In: *Sbornik trudov konferentsii «Gendernye otnosheniya v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naya politika». Moskva-Ivanovo-Ples, 16–18 maya 2019 g.* [Proceedings of the conference "Gender relations in the modern world: management, economics, social policy" Moscow-Ivanovo-Plyos, 16–18 May, 2019]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2019, pp. 257–263.
23. Yasin M. I. [Methodology for measuring altruistic attitudes]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2020, vol. 41, no. 1, pp. 77–85. DOI: 10.31857/S020595920007898-3.

24. Batson C.D., Ahmad N. Empathy-induced altruism in a Prisoner's Dilemma II: What if the target of empathy has defected? In: *European Journal of Social Psychology*, 2001, vol. 31, pp. 25–36. DOI:10.1002/ejsp.26
25. Feigin S., Owens G., Goodyear-Smith F. Theories of human altruism: a systematic review. In: *Journal of Psychiatry and Brain Functions*, 2014, vol. 1, pp. 1–10. DOI:10.7243/2055-3447-1-5

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Статья размещена на сайте: 08.09.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Титова Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры психологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева; e-mail: 944058@mail.ru

Olga I. Titova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Psychology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev; e-mail: 944058@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Титова О. И. Взаимосвязь альтруизма и отношения к материальным и нематериальным ресурсам в межличностном партнёрстве // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Titova O. I. The relationship between altruism and attitudes towards material and non-material resources in interpersonal partnership. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 316.77:811.161.1

Кислякова Е. Ю.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация

Маджаева С. И.

Астраханский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения
Российской Федерации
414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121, Российская Федерация

ИНАКОСТЬ КАК ПАРАМЕТР КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление языковых средств объективации латентной категории инакости как параметра коммуникации.

Процедура и методы. Рассмотрены англо- и русскоязычные примеры объективации инакости как параметра общения. При проведении исследования применены описательный и таксономический методы, а также методы контекстуального и дискурсивного анализа.

Результаты. Выявлены факторы, объективирующие имплицитную категорию инакости в процессе коммуникации, а также рассмотрены особенности реализации данной категории как параметра общения в реальной и художественной коммуникации и её лингвоэкологические последствия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в эколингвистику, когнитивную лингвистику и коммуникологию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инакость, латентная категория, параметр коммуникации, языковая объективация инакости, текстовая объективация инакости, (не)экологичность инакости

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Языковая объективация параметра инакости](#)

[Особенности реализации параметра инакости в текстовой коммуникации](#)

[Экологический фактор параметра инакости](#)

[Закключение](#)

E. Kislyakova

Volgograd State Social Pedagogical University
27 prospekt Lenina, Volgograd 400066, Russian Federation

S. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
121 ulitsa Bakinskaya, Astrakhan 414000, Russian Federation

OTHERNESS AS A PARAMETER OF COMMUNICATIVE INTERACTION

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to identify the linguistic means of expressing the implicit category of otherness as a communicative parameter.

Methodology. The main methods of research are: descriptive, taxonomic, contextual and discursive analyses.

Results. Linguistic means of alterity as a parameter of real and fictional communication and their ecolinguistic impact. are identified.

Research implications. The research results contribute to ecolinguistics, cognitive linguistics and theory of communication.

KEYWORDS

alterity, implicit category, communicative parameter, linguistic manifestation of alterity, textual manifestation of alterity, (non)ecological impact of alterity

ВВЕДЕНИЕ

В современном гуманитарном знании уже закрепилось терминопонятие *инакости*, о чём свидетельствует обширная теоретическая база по данному вопросу в философии, искусствоведении, социологии и психологии [2; 4; 7]. Так или иначе, в содержании данного понятия – категории, используемой в различных научных парадигмах, – отражаются ключевые признаки взаимодействия субъектов, что имеет определённую объяснительную силу при интерпретации закономерностей коммуникативной деятельности человека говорящего. Проблема инакости является многоаспектной и представленной в различных формах. Дж. Х. Бриттон справедливо отмечает, что инакость существует на многих уровнях в сложных взаимоотношениях, в которых проявляют себя разнообразные представители человеческого общества [11, с. 570].

Теоретическое осмысление содержания данной междисциплинарной категории применительно к явлениям языка и речи позволило нам заимствовать её в лингвистику в качестве одной из базовых коммуникативных категорий, под которой нами понимается категория субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции «Я – Другой» [3].

Под коммуникативными категориями в нашей работе понимаются форматы знания, содержание которых раскрывает определённые когнитивно-дискурсивные закономерности употребления единиц языка. В результате такие категории выступают параметрами описания и интерпретации коммуникативных процессов [8; 9].

В частности, инакость может выступать коммуникативным параметром, объективирующим особенности коммуникативного сознания участников дискурса, а также определяющим его коммуникативную структуру. Это проявляется, в первую очередь, в аспекте участников общения, их интенций и целей, мены их коммуникативных ролей, применения ими соответствующих коммуникативных стратегий и тактик, флуктуации эмоционально-оценочной тональности и т. п. Данные отношения могут быть реализованы как в процессе самоидентификации человека говорящего, так и в межличностном, межгрупповом и межкультурном общении.

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПАРАМЕТРА ИНАКОСТИ

В результате нашего исследования было установлено, что данный параметр имеет преимущественно имплицитный характер проявления в коммуникации [3]. Тем не менее, латентная категория инакости объективируется в силу определенных геополитических, социальных, психологических и коммуникативных факторов и приводит к трансформации вербального и акционального поведения коммуникантов – носителей как одной лингвокультуры, так и различных.

В процессе коммуникации универсальный параметр инакости может эксплицироваться посредством следующих признаков, выявленных нами ранее: *единство – множественность, тождество – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определённость – неопределённость, реальность – гипотетичность* [3].

Параметр инакости может варьироваться в зависимости от различных коммуникативных ситуаций. В результате основные категориальные признаки могут дополняться и конкретизироваться целым спектром смысловых оттенков в зависимости от сюжетно-тематической соотнесённости сообщаемого с ситуацией общения, что детализирует содержание инакости. Например, в дискурсе СМИ и политическом дискурсе выявляются такие категориальные признаки, как *унификация – инакомыслие*.

Интересным, на наш взгляд, будет пример нынешнего состояния британского общества в связи с имевшим место событием Brexit, которое привело страну к расколу. На протяжении нескольких лет общество пребывает в состоянии конфликта, между поколениями прервался конструктивный диалог: более прогрессивные слои британского общества не поддерживают выход Великобритании из Евросоюза, т. к. это влечёт за собой множество экономи-

ческих и политических сложностей (например, вопрос о характере пограничного контроля между Ольстером как части Объединённого Королевства и Ирландией как членом действующего Евросоюза). Такая национально-политическая и социально-экономическая ситуация, в которой инакость становится осознаваемой категорией, модифицирует коммуникативные стили, стратегии и тактики субъектов общения. В частности, меняется риторика власти, манипулятивными рычагами воздействия которой становятся темы, затрагивающие наиболее болезненные вопросы и проблемы общества.

Например, одним из наиболее действенных средств пропаганды в пользу выхода Великобритании из состава ЕС долгое время выступал так называемый Brexit Bus – мобильный лозунг на двухэтажном лондонском автобусе, призывающий перенаправить 350 млн. фунтов стерлингов, выплачиваемых ЕС Великобританией еженедельно, на поддержку Национальной системы здравоохранения, а также вернуть государству контроль над ситуацией, как это было возможно, когда страна была ещё колониальной империей. Несмотря на то, что в стране имеет место частичная приватизация системы здравоохранения, идея выхода из ЕС импонировала населению среднего и старшего возраста. С небольшим перевесом данный контингент победил на референдуме, что объясняется успешной попыткой властей апеллировать к колониальным ценностям, объединяющих людей старшего возраста, но разобщающих их с более толерантной молодёжью, привыкшей сосуществовать с представителями других народностей и культур, имеющих возможность проживать в стране благодаря единому европейскому союзу. Понимающие это и открыто высказывающиеся молодые люди выглядят враждебно инакомыслящими в глазах людей более старших поколений¹.

В данной коммуникативной эмоциональной ситуации параметр инакости находит своё отражение на вербальном уровне в следующих языковых средствах – политическом жаргоне, блендингах и неологизмах: Brexiters, remoaners (сторонники Брексита) / Brexiteers, remainers (сторонники Евросоюза), Hard Brexit (имеет серьёзные геополитические последствия, означает полную британскую независимость от Евросоюза, т. е. более жёсткие границы и таможенный контроль) / Soft Brexit (по сути номинальный Брексит), Brexiety (anxiety about Brexit), Brexodus (в данном блендинге имеется отсылка к библейскому исходу евреев из Египта – Exodus, что означает массовые миграции населения, не имеющего британского гражданства, за пределы Великобритании как результат Брексита), the Will of the People (языковой эфемизм, номинирующий основную стратегию властей), Brussels bureaucrats и т. д.

¹ См. подробнее: Scott M. P. Brexodus [Электронный ресурс] // Investopedia : [сайт]. URL: <http://www.investopedia.com/terms/b/brexodus.asp> (дата обращения: 11.10.2020).

Выход Великобритании из еврозоны имел не только значительные политические и экономические последствия, но и изменения на языковом уровне. Политическая правительственная сфера обогатилась целым рядом терминопонятий, которые были опубликованы библиотекой палаты общин в виде глоссария *Brexit related terms*². Данные термины указывают на совершенно новые процессы, происходящие в политике. Например, *Blind Brexit* – Великобритания покидает ЕС без ясности относительно условий будущей торговой сделки, когда у переговорщиков ЕС и Великобритании будет время до 31 декабря 2020 г., чтобы подписать будущую торговую сделку, в течение которой Великобритания фактически останется членом ЕС, но без права голоса. Этот термин является метафорой, так как обозначает «*Брексит с завязанными глазами*».

Основными терминами в политической коммуникации стали слова, связанные с определённой политической темой, имеющие ограниченное употребление во временном, социальном и локальном аспектах [6, с. 233]. В качестве другого примера можно привести новое политическое слово, каковым стал медицинский термин *ковид* и его производные. Данный термин привлекает внимание, оказывает эмоциональное воздействие, так как связан с жизнью и здоровьем человека. Функционирование его производных вызвано социальными условиями. Широкое использование данного термина свидетельствует о процессе интеллектуализации языка [1, с. 48]. На наш взгляд, он представляет собой «языковой отпечаток» ментальной картины, существующей в сознании людей. Данный медицинский термин стал манипулятором в руках политиков: «Инфекция КОВИД-19 используется для запугивания, принуждая нас бессильно подчиниться последнему шагу глобальной элиты, пожелавшей резко расширить контроль над нашей жизнью ...»³.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРАМЕТРА ИНАКОСТИ В ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Коммуникативный параметр инакости определяется особенностью использования коммуникативных стратегий и тактик, обобщённых в гиперстратегиях подтверждения и дисконfirmации [5]. Данные стратегии и тактики позволяют осуществлять сознательную или неосознанную организацию коммуникативного взаимодействия как равноправного, субъект-субъектного (конфирмативного), так и разностатусного, субъект-объектного (дисконфирмативного).

² См.: Brexit glossary [Электронный ресурс] // Terminology coordination : [сайт]. URL: <http://termcoord.eu/2019/01/brexit-glossary/> (дата обращения: 11.10.2020).

³ См.: Роберт Джей Берроуз. Ковид-19. Переворот элиты против запуганного человечества: мощное сопротивление // Блог БиоЭкоАква на Яндекс.Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b2476cd5a1a0800a854012f/kovid19-perevorot-elity-protiv-zapugannogo-chelovechestva-moscnoe-soprotivlenie-5ea056bb3fdcca291b79a2bb> (дата обращения: 12.09.2020).

Конфирмативные и дисконфирмативные стратегии и тактики являются неотъемлемыми компонентами коммуникативного сознания говорящих, что проявляется в различных коммуникативных ситуациях в виде способности носителей языка применять различные скрипты и сценарии коммуникативного поведения с учётом прескрипций, установок и правил общения, входящих в содержание инакости как параметра коммуникации.

Кроме этого, данный параметр включает такой коммуникативный признак как Ино-образ собеседника / интерактанта, который представляет собой варьируемый, ситуативно обусловленный образ коммуникативного партнёра. Данный признак является значимым компонентом коммуникативного акта, поскольку он определяет процесс формирования единого коммуникативного центра интеракции.

В качестве примера приведём отрывок из романа современной британской писательницы Джулии Дарлинг *The Taxi-driver's Daughter*, описывающую ссору отца и дочери в результате неудачной попытки первого повлиять на поведение своего ребёнка. Вполне понятная заинтересованность отца в том, чем занималась его дочь, разжигает в девочке-подростке неприятие, которое приводит в итоге к конфликту. Данные речевые партнёры начинают формировать новые, негативные представления друг о друге (*The idea of Mac in George's house is so horrible*). Нейтральная тональность общения меняется на агрессивную, что, в первую очередь, отражается на невербальном уровне (*sneers, sobs, shouts, bursts into tear*).

Такая коммуникативная структура взаимодействия объясняется тем, что в нём реализуется иное, ещё не понятное для отца Я дочери, т. е. в его коммуникативном сознании ещё не сформирован адекватный данной ситуации Ино-образ дочери. Пятнадцатилетняя Кэрис, мать которой попадает в тюрьму, оказывается слишком уязвимой и слабой, чтобы мужественно принять новые обстоятельства и пережить их. Кэрис отдаляется от семьи, бросает школу, погружается в новый, прежде чуждый и недоступный для неё мир – мир любовных связей, лёгких денег, безответственных поступков. Это меняет её отношение к близким и к жизни в целом. Её прежнее Я становится латентным, а на его месте формируется агрессивное, неконтактное Я, обуславливающее коммуникативные неудачи и осложнения отношений с другими. Отец осознаёт, что во внутреннем мире дочери произошли перемены, поэтому он обращает её внимание на это (*You can't look after yourself; Look at you!*). Эта реплика отца является вводным маркером для последующего имплицитного, выводимого из контекста смысла – «ты иная, мне трудно, а иногда даже невозможно выстраивать отношения с тобой» [2, с. 51].

What have you been up to, Caris?' says Mac.

'I was with a friend.'

'George?'

Caris shrugs. <...>

'I don't want you seeing that George again,' he tells her. 'I've been round. I've told his parents.'

'What are you talking about?' sneers Caris.

'I told you. I've been to his house.'

'What did you do that for?'

The idea of Mac in George's house is so horrible that Caris bursts into tears.

'Why don't you leave me alone?' she sobs. 'I don't want you messing in my life.'

'You can't look after yourself,' shouts Mac. 'Look at you!'⁴.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПАРАМЕТРА ИНАКОСТИ

Параметр инакости является одним из ключевых в определении модуса экологичности / неэкологичности общения, поскольку пересечение сфер Я и Другого не может не затрагивать эмоциональное пространство коммуникантов в той или иной коммуникативной ситуации [10].

Рассмотрим следующий пример: *Прохожу я через эту толпу плечом вперед, совсем прошел уже, и тут слышу: «Эй, сталкер»! Ну, это меня не касается, иду дальше ... Догоняет сзади кто-то, берет за рукав ... :*

– Постой, сталкер ... два вопроса.

Поднял я на него глаза – капитан Квотерблад ...

– А, – говорю, – здоровья желаю, капитан. Как ваша печень?

– Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай

– Да разве вы меня звали, капитан? ... Вы же какого-то сталкера ...

– А ты, значит, уже и не сталкер?

– Как по вашей милости отсидел – бросил, – говорю

– Извини, Шухарт. Не ожидал ... не прошли для тебя мои советы даром ... Ну что ж, – говорит. – Рад был с тобой познакомиться, честный человек Шухарт⁵.

В данном художественном фрагменте отражён процесс переоценки качеств личности: бывший нарушитель предстаёт перед обвинителем как исправившийся гражданин. В результате коммуникативная структура их взаимодействия претерпевает изменения: резко осуждающий коммуникативный стиль капитана становится поощрительно-гlorификационным, и некогда осуждаемый человек занимает равноправную позицию собеседника в описанной ситуации, т. е. в ней начинают доминировать стратегии конфирмации [3].

Коммуникативный модус экологичности / неэкологичности во многом определяется способом конструирования Ино-образа собеседника: адекватным, ошибочным, неполным. В зависимости от ситуативно обусловлен-

⁴ Darling J. The Taxi Driver's Daughter. London: Penguin Books, 2004. P. 214.

⁵ Братья Стругацкие. Пикник на обочине // KNIJKI.ru : онлайн-библиотека. URL: <http://knijky.ru/books/piknik-na-obochine> (дата обращения: 14.09.2020).

ного Ино-образа может происходить как эффективное коммуникативное взаимодействие, в котором предупреждаются коммуникативные риски, так и неэффективное общение. Например, в романе А. С. Байетт *Possession* описывается следующая ситуация: два филолога – учёные из разных британских университетов – исследуют творчество двух поэтов – Кристобелли ЛаМотт и Рэндольфа Генри Эша, и в своём поиске они оказываются в поместье, некогда принадлежавшем поэтессе ЛаМотт. Нынешние обитатели этого поместья, потомки ЛаМотт живут уединённо, не желая принимать гостей, особенно неожиданных посетителей, интересующихся жизнью известной личности. Их обывательское сознание не позволяет им правильно и адекватно воспринимать попытки других познакомиться поближе с той обстановкой, в которой творила поэтесса. Хозяин дома говорит по этому поводу:

We had a sort of poet in this house once. I expect you'd think nothing to her. Terrible sentimental stuff about God and Death and the dew and fairies. Nauseating ... Funny old bird. Lately we get people round asking if we've got any of her stuff. I send them packing. We keep ourselves to ourselves, Joan and I. There was a frightful nosy American in the summer who just turned up out of the blue and told us how honoured we must be, having the old bat's relics up here. Covered with paint and jangling jewellery, a real mess, she was. Wouldn't go when I asked her politely. Had to wave a gun at her. Wanted to sit in Joan's winter garden. To remember Christabel. Such rot⁶.

Как видно из данного примера, внешние признаки человека, а также его откровенное любопытство формируют у хозяина дома ошибочное представление об Ино-образе собеседника, что оборачивается враждебным поведением хозяина (*Had to wave a gun at her*).

Таким образом, параметр инакости имеет первоочередную значимость, обуславливая успешность / неуспешность общения, удовлетворённость / неудовлетворённость собственным коммуникативным поведением, что в суммативном итоге может влиять на психоэмоциональное здоровье, а также жизнь человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование и полученные результаты позволяют прийти к заключению, что инакость, являясь ключевым параметром коммуникации, влияет на коммуникативную структуру межличностного взаимодействия. Данный параметр актуален как для русско-, так и англоязычного коммуникативного сознания и имеет свои определённые категориальные признаки, варьируемые, конкретизируемые и дополняемые в различных коммуникативных ситуациях.

⁶ Byatt A. S. *Possession*. A Romance. London: Chatto and Windus, 1990. P. 88.

Будучи напрямую взаимосвязанным с коммуникативной нормой, параметр инакости влияет в ходе общения на выбор коммуникативных стратегий и тактик, и реализующих их языковых средств. Коммуникативный параметр инакости также определяет модус экологичности / неэкологичности общения, его эффективности / неэффективности. Следовательно, теоретическое осмысление содержания параметра инакости необходимо для реализации прикладного аспекта коммуникологии, заключающегося в возможном предупреждении коммуникативных рисков в процессе общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7. С. 48–57. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10707
2. Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. 250 с.
3. Кислякова Е. Ю. Реализация категории инакости в коммуникативных стратегиях и тактиках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17
4. Малахов В. С. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. 1997. № 11. С. 171–174.
5. Матяш О. И. Язык в межличностной коммуникации // Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. С. 211–273.
6. Нестерова Я. А., Чернуха Т. В. Термин и терминология. Политическая лексика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 226–236.
7. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/111206> (дата обращения: 22.11.2020).
8. Стернин И. А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. С. 331–344.
9. Тахтарова С. С. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 189–196. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.21
10. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
11. Britton J. H. Sermon: Beneath the Cross of Jesus: Finding the Other // Anglican Theological Review. 2004. Vol. 86. No. 4. P. 567–571.

REFERENCES

1. Golovanova E. I., Madzhaeva S. I. [On the vocabulary of the coronavirus pandemic epoch]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2020, no. 7, pp. 48–57. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10707
2. Kislyakova E. Yu. *Kommunikativnaya kategoriya inakosti* [The communicative category of otherness]. Volgograd, Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena» Publ., 2018. 250 p.
3. Kislyakova E. Yu. [The category of alterity via communicative strategies and tactics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 1, pp. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17
4. Malakhov V. S. [Paradoxes of multiculturalism]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 1997, no. 11, pp. 171–174.
5. Mat'yash O. I. [Language in interpersonal communication]. In: *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal communication: theory and life]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2011, pp. 211–273.
6. Nesterova Ya. A., Chernukha T. V. [Term and terminology. Political vocabulary]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], 2008, no. 2, pp. 226–236.
7. Polovtsev D. O. *Inakovost' kak filosofsko-literaturnaya kategoriya* [Otherness as a philosophical and literary category]. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/111206> (accessed: 22.11.2020).
8. Sternin I. A. [Tolerance and communication]. In: *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguo-cultural problems of tolerance]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2003, pp. 331–344.
9. Takhtarova S. S. [Communicative categories in the cognitive-discursive paradigm]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 2, pp. 189–196. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.21.
10. Shakhovskii V. I. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: person, language, emotions]. Volgograd, Publishing house of IP Polikarpov I. L., 2016. 504 p.
11. Britton J. H. Sermon: Beneath the Cross of Jesus: Finding the Other. In: *Anglican Theological Review*, 2004, vol. 86, no. 4, pp. 567–571.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 17.12.2020

Статья размещена на сайте: 20.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кислякова Евгения Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: kisjen@rambler.ru;

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации; e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru;

Evgenia Yu. Kislyakova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English and teaching methods, Volgograd State Social Pedagogical University; e-mail: kisjen@rambler.ru;

Sanya I. Madzhaeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation; e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И. Инакость как параметр коммуникативного взаимодействия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kislyakova E. Yu., Madzhaeva S. I. Otherness as a parameter of communicative interaction. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Глазунова А. А.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Юрышева Н. Г.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».